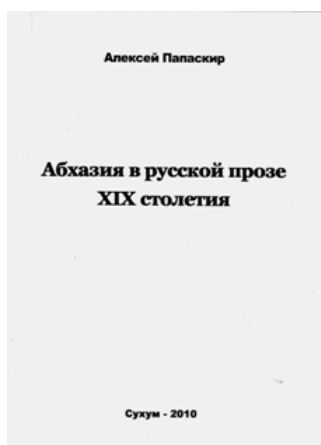

Алексей Папаскир

Абхазия в русской прозе XIX столетия

Сухум — 2010

Абхазский государственный университет

Научный редактор — профессор Б. А. Гургулиа

Рецензенты:

В. Б. Агрба — кандидат филологических наук

С. Л. Бебиа — кандидат филологических наук

Издание второе, стереотипное

Папаскир А. Л. Абхазия в русской прозе XIX столетия / Науч. ред. Б. А. Гургулиа. Абхазский государственный ун-т. — Сухум: Изд-во АГУ. 2010. — 174 с.

Предлагаемая читателю работа относится к научной проблеме абхазо-русских литературных и культурных взаимоотношений, которая является важной отраслью абхазоведения. Автор давно занимается формированием этой научной дисциплины сравнительного литературоведения. Но по известным причинам разработка подобной проблемы, мягко говоря, не поощрялась. Лишь при свободной Абхазии автору удалось издать ряд работ по данной теме. В настоящей монографии впервые собраны известные, малоизвестные и совершенно забытые имена русских прозаиков XIX в., которые так или иначе обращались к абхазской тематике. Книга адресована всем, кто интересуется и русской литературой, и прошлым Абхазии. Она может быть использована студентами и преподавателями в качестве учебного пособия по спецкурсу "Абхазия по русским источникам".

Автор выражает сердечную благодарность семье Нырбея Давидовича Папаскир за финансирование издания настоящей книги.

(с) Папаскир А. Л. 2010

СОДЕРЖАНИЕ

- Предисловие..... 5
- Глава I. Абхазия в русской прозе первой половины XIX века..... 18
 - § 1. А. А. Бестужев-Марлинский об Абхазии..... 18
 - § 2. О некоторых фактах общественно-литературного влияния А. А. Бестужева-Марлинского в кавказской ссылке..... 31
 - § 3. П. П. Каменский и его повесть «Келиш-Бей»..... 40
- Глава II. Абхазия в русской прозе второй половины XIX века..... 66
 - § 1. Абхазия в творчестве В. И. Савинова..... 66
 - § 2. Вас. Ив. Немирович-Данченко об Абхазии..... 106
 - § 3. Д. Л. Мордовцев и его исторический роман «Прометеево потомство»..... 117
- Глава III. А. М. Горький и А.П.Чехов в Абхазии..... 132
 - § 1. А. П. Чехов в Абхазии..... 132
 - § 2. А. М. Горький в Абхазии..... 139
- Заключение..... 158
- Литература..... 163

ПРЕДИСЛОВИЕ

У каждого народа, независимо от того, малочисленный он или многочисленный, есть своя неповторимая, самобытная история, бесспорно, представляющая общественный и научный интерес. Другое дело, что у великих держав больше возможностей изучать истории своих народов, нежели у малочисленных. А если, к тому же, малочисленный народ находится под ярмом какой-нибудь сильной державы или «малой империи», то по конъюнктурным соображениям на историю такого малочисленного народа, как правило, обращают меньше внимания. Ученые справедливо отмечают, что «развитие исторической науки протекало по принципу **иерархичности**... Мешали конъюнктурные, а то и великодержавные подходы. Исключалось представление о равенстве историй... Одна история оценивалась как более значимая, развитая, а другая — как менее значимая, бедная, не динамичная» (1). Встречаются, однако, и более сложные ситуации. Речь идет о том случае, когда агрессивная «малая империя» присваивает не только, скажем, 90 с лишним процентов результатов труда эксплуатируемого малочисленного народа, но его историю, этнос и территорию. Именно такую ситуацию мы имеем в истории абхазо-грузинских отношений.

Привилегированное положение грузинских властей в эпохи Сталина и Брежнева позволило им лишить абхазов своей государственности и извратить историю Абхазии до неузнаваемости. И теперь, при свободной Абхазии, все это приходится реабилитировать и восстанавливать. Но для этого нам нужна свобода в духовной сфере: в культуре, искусстве, литературе, науке. Правда, свободу творчества в духовной сфере наш народ завоевал вместе с политической и экономической независимостью. Но это лишь полдела. Вся научная и творческая продукция абхазоведения, созданная до грузино-

1 Куакуаскир И. Какую историю мы изучаем и для чего? // "Колокол". 2002. № 1. С. 8.

идеологического диктата. И мы не можем в этой ситуации быть свободными, пока существует этот брак, который стал серьезным отвлекающим препятствием на пути к подлинно созидательному творчеству. Необходимо расчистить все эти завалы грузинского режима, чтобы мы не спотыкались на каждом шагу. Но работы в этом направлении у нас, к сожалению, неоправданно затягиваются, смею сказать, чаще по субъективным причинам.

Приоритетное направление в данном случае должно принадлежать исторической науке, изучающей историю всех наук и всех видов искусства. В самом деле, в основе многих наших дел лежит история Абхазии. Без нее немислимо ни одно произведение нашей творческой интеллигенции, ни один труд абхазоведов. Более того, без подлинной истории Абхазии не обойдутся наши дипломаты, политологи и праведы, не говоря уже об учебных заведениях, где обучается подрастающее поколение. Словом, не имея под руками подлинной истории Абхазии, чрезвычайно трудно (если вообще возможно) исправлять многочисленные искажения в различных областях культуры и науки, не без умысла допущенные в прошлом.

Решать эту архиважную государственную задачу необходимо на правительственном уровне, для чего надо создать государственную программу по развитию историографии Абхазии, о чем уже давно говорят в обществе. Но и этот вопрос заморожен по субъективным причинам.

Настоящая монография, относящаяся к историко-литературному жанру, может занять скромное место в решении вышеуказанной задачи возрождения истории национальной культуры абхазов.

Научная литература по данной конкретной теме («Абхазия в русской прозе XIX столетия») не существует, поскольку она впервые разрабатывается. А если говорить об общей проблеме абхазо-русских культурных связей, то особого внимания

6

заслуживают историко-культурные очерки «Крылились дни в Сухум-Кале» (1988) Станислава Лакоба. Оригинальность и ценность этой книги в том, что автор смотрит на историю культуры абхазов глазами многих русских писателей и других деятелей культуры, бывавших в Абхазии в 20 — 30 гг. XX в.

Бесспорный интерес представляет изданный в 1981 г. сборник «Константин Симонов в Абхазии» (составитель Д. К. Чачхалиа). В книге собраны статьи, выступления, заметки, письма, телеграммы и другие материалы на абхазскую тему, вышедшие из-под пера большого друга абхазского народа К. Симонова.

В 1983 г. вышел сборник хрестоматийного типа «Абхазия в русской литературе», составленный Инной Квициния.

Но этот сборник, к сожалению, оказался не совсем удачным из-за вмешательства тбилисской цензуры (1).

Можно назвать и книгу историка В. П. Пачулиа «Русские писатели в Абхазии» (1980). Работа содержит до 20 историко-информационных очерков, в которых описываются факты пребывания в Абхазии русских писателей, главным образом, советского периода.

Немало в этом направлении работали и работают А. Х. Аргун, пишущий о русских композиторах, режиссерах и других деятелях культуры, работавших в Абхазии; Х. С. Бгажба, опубликовавший ряд историко-литературных статей о М. Горьком, А. Чехове, В. Стражеве и др. (2); Б. А. Гургулиа, подготовивший к печати работу о русских писателях, посещавших Абхазию. Газетные статьи на эту тему писали С. Л. Зухба, Ш. Х. Салакая, Г. А. Дзидзариа, М. Г. Ладария и др., хотя никто из них специально не занимался абхазо-русским сравнительным литературоведением. И, наконец, весьма плодотворно работает

1 Подробности см.: Папаскир А. Л. *Обезы русских источников* (гл. «Разные мнения». § 1. Примеч. 7).

2 Бгажба Х.С. *Этюды и исследования*. — Сухум. 1974; его же, *Горький в Абхазии*. // *Горький и литература народов СССР*. — Ереван. 1970.

7

В.А.Бигуаа, создавший ряд капитальных исследований историко-культурологического характера (1).

Занимаясь в целом изучением Абхазии по русским источникам, автор этих строк пытается выявить сведения об абхазах, сохранившиеся в тысячелетней русской литературе. Но беда в том, что эти сведения, как отмечено выше, грузинская наука давно растворила и вплела в ткань истории грузино-русских литературных и культурных связей на том ложном основании, что абхазы и Абхазия — это те же грузины и Грузия (?!), их история якобы не что иное, как история самой Грузии. Иначе и быть не могло у грузинских авторов, которые голословно пишут, что Абхазское царство «являлось грузинским феодальным государством» (2). Поэтому теперь приходится вычлнять эти сведения из грузиноведения, разумеется, не с целью изолирования национальной культуры абхазов, а для того, чтобы возродить и заново формировать такую научную дисциплину, как абхазо-русские литературные и культурные взаимоотношения.

В настоящем исследовании впервые делается попытка собрать в одно целое и подвергнуть научному анализу все, что вышло из-под пера русских прозаиков XIX столетия на тему об Абхазии. В процессе работы автору пришлось провести многолетнюю нелегкую поисковую работу в различных крупнейших архивах и книгохранилищах бывшего СССР. В конечном итоге удалось собрать известные, малоизвестные и совершенно забытые произведения писателей, бывавших в Абхазии и оставивших достаточно заметный след о ней в своем творчестве. В числе собранных научных материалов есть редчайшие уникальные источники (роман «Тескольское ущелье», повесть «Три месяца в плену у горцев (абазин)» и другие), написанные на абхазскую тему. С этими и другими произведениями, которые рассматриваются в настоящей книге, наши читатели не знакомы. Насколько я могу судить, их не

1 Бигуаа В. А. *Абхазская литература в историко-культурном контексте*. — М. 1999 и др. работы.

2 *Очерки истории Грузии Т. II*. — Тбилиси. 1988. С. 286.

8

знают и специалисты, т.к. эти сочинения по сути впервые вводятся в научный оборот. Автор этих строк располагал ксерокопиями и микрофильмами всех этих редких произведений, но эти копии погибли во время грузино-абхазской войны.

Представление об указанных редких сочинениях можно получить, пожалуй, только прочитав настоящую монографию, основная часть которой была написана еще до войны. А что касается самих оригиналов, то они хранятся в крупных зарубежных книгохранилищах, к которым доступа у нас сейчас почти нет, да и там они не лежат на поверхности.

Актуальность разработки настоящей темы («Абхазия в русской прозе XIX в.») в том, что, во-первых, она определяет отношение русских писателей к нелегкой судьбе горцев Кавказа, в частности, к судьбе абхазов. Во-вторых, выявляет роль русской литературы в становлении и развитии молодой абхазской литературы. В-третьих, эта тема, раскрывая наиболее острые и волнующие вопросы абхазов, ярко иллюстрирует широту и богатство тематического горизонта русской словесности, создавшей немало высокохудожественных произведений о народах Кавказа. И, наконец, благодаря русским художникам слова, заострившим свое внимание на социально-политических проблемах (работоторговля, депортация абхазов и др.), наши представления о прошлом Абхазии, несомненно, расширяются; и это тем более, что указанные вопросы по многим субъективным причинам не получили достаточно подробного освещения в исторических материалах.

Первоначальные контакты между русскими и абхазами, вероятнее всего, восходят к периоду становления и расцвета Киевского государства и Абхазского царства (IX — X вв.). В книжной культуре Древней Руси получили достаточно широкое отражение кавказские народы: ясы (осетины), касоги (адыги), обезы (абхазы), иверы, армяне и другие. Однако этой теме посвящена специальная работа автора этих строк («Обезы русских источников»), охватывающая период с XI по XVII в. вклю-

9

чительно. Поэтому вопросы отражения абхазской тематики в средневековой русской литературе затрагивать здесь не будем.

Хотя, начиная с XV—XVI вв., Кавказ все активнее стал изучаться Московским государством с целью обеспечения безопасности своих южных границ и выхода к южным морям, тем не менее, как свидетельствуют факты, русские по-настоящему стали знакомиться с Кавказом, в частности, с Грузией, Абхазией и другими странами Закавказья, лишь начиная с XIX столетия. Такая возможность появилась после присоединения Грузии (1801) и Абхазии (1810) к России. А что касается писателей XVIII в. (Ломоносов, Державин и др.), то их представления о Кавказе еще слишком неопределенны (1). Немалая заслуга в познании Кавказа принадлежит русской литературе XIX в., великими представителями которой были Пушкин, Грибоедов, Лермонтов.

Белинский, анализируя стихотворения М. Ю. Лермонтова, писал: «Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта... Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их муз, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм — «Кавказского пленника»... Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума»... И вот является новый великий талант — и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им» (2). Сам же М. Лермонтов писал своему другу В. Ф. Раевскому: «Если ты поедешь на Кавказ, вернешься поэтом» (3).

В сочинениях прогрессивно мыслящих людей России, главным образом тех, кто был сослан на Кавказ после восстания 1825 г., объективно отражены жизнь, быт и нравы горцев Кавказа, хотя встречались и реакционные авторы, которые своей клеветой усиливали национальную вражду, разжигали ненависть русских к народам окраин России. Гуманное отношение

1 Шадури В. С. *Первый русский роман о Кавказе*. — Тбилиси. 1947. С. 9-12.

2 Белинский В. Г. *Полн. собр. соч. Т. IV*. — М. С. 543-544.

3 *Цит. по: Кулишовой И. Типы стереотипов. // «Кавказский акцент». 2004. № 7. С. 15.*

10

русских писателей, поднимавших свой голос за справедливое и человеческое отношение к народам Кавказа, не могло не вызывать одобрения и симпатии со стороны народных масс на Кавказе. Это, несомненно, развивало контакты и укрепляло дружбу между передовыми людьми Кавказа и России.

Да, в XIX столетии была Кавказская война с известными трагическими последствиями, о чем скажу ниже. Но в русско-кавказских отношениях XIX в. были не одни только войны. Положительное значение присоединения Абхазии к России в 1810 г. прежде всего обнаружилось в том, что многострадальный абхазский народ порой решал и свои вековые социально-политические проблемы с помощью русского народа. Так, например, с приходом русских на Кавказ абхазский народ постепенно, шаг за шагом стал избавляться от позорной работоторговли, которая издавна культивировалась здесь иностранными купцами и их верными агентами в лице местных феодалов. Таких подробностей этого социального зла и его гневного осуждения, какие обнаруживаются, например, в творчестве В. И. Савинова, ни в одном источнике нам не удалось найти.

Несмотря на враждебную политику царизма, передовые люди России стремятся к распространению в Абхазии просветительных идей. Это положительное влияние в области развития культуры и просвещения стало ощущаться в Абхазии вскоре после присоединения ее к России. Лучшие представители абхазского народа, понимая прогрессивное значение этого исторического акта, стали приобщаться к русской культуре и науке. В первой половине XIX в. представители абхазской интеллигенции, С. Т. Званба, Н. Н. Шакрыл, Д. Г. Шервашидзе и др., сближаются с выдающимся деятелем декабристского движения и писателем А. А. Бестужевым-Марлинским, который, в частности, оказал положительное влияние на труды первого абхазского ученого-этнографа С. Т. Званба (1). Во второй половине XIX века (1962 г.) русский ученый, генерал П. К. Услар, создав абхазский

1 Дзидзария Г. А. *Декабристы в Абхазии*. — Сухум. 1970. С. 50-52.

11

алфавит на основе русской графики, заложил фундамент абхазской письменности. А комиссия под руководством И. Бартоломея в 1865 г. в Тифлисе издала первый абхазский букварь. Позже — в 1892 г. — вышла «Абхазская азбука» К. Мачавариани и Д. Гулиа. И,

наконец, несмотря на все препятствия, чинимые властями, основоположник абхазской литературы — Дмитрий Иосифович Гулиа (1874 — 1960) — в 1912 г. в Тифлисе за свой счет издал первую книжку стихов на родном языке, которая пробила путь к просвещению абхазского народа.

Литература, являясь отражением жизни общества, охватывает все аспекты жизни. Говоря об абхазо-русских литературных и культурных взаимоотношениях, нельзя обойти молчанием социально-экономические и политические стороны вопроса. Причем, поскольку прошлое тесно связано с настоящим и будущим, здесь позволю себе хотя бы в самых общих чертах высказать свое мнение о том, как складываются новые абхазо-русские отношения, какие общественные мысли наиболее остро волнуют сейчас обе стороны. Их немало, но одна из них, связанная и с XIX в., не терпит отлагательств. Напомню о ней.

Разумеется, прав был В. И. Ленин (которого сейчас критикуют все) в том, что была Россия Пушкина, Чернышевского, Герцена и декабристов. Но была Россия царского самодержавия, преследовавшая лучших людей России (Пушкина, Лермонтова, Бестужева), а также изгнавшая во второй половине XIX в. абхазов и других горцев Кавказа с родных земель Причерноморья. В результате этой трагической акции горцы Кавказа, в том числе и сотни тысяч абхазов, стали беженцами, хотя идеологи царизма стали называть их махаджирами, чтобы скрыть следы своего преступления. Неоднократные попытки вернуть на родину потомков депортированных абхазов все еще оканчиваются неудачей, хотя нет никаких правовых оснований препятствовать решению этого вопроса. Между

12

тем, у абхазов эта проблема сейчас как никогда актуальна и даже судьбоносна.

В этой связи я полностью разделяю основные положения «Открытого письма Народному Собранию» абхазского писателя Анзора Мукба, опубликованного в «Республике Абхазия» (13 — 14 мая 2004 г.).

В нем автор, в частности, выражает уверенность в том, что новая путинская демократическая Россия подойдет с пониманием к трагедии вышеуказанных депортированных абхазов, по сути беженцев. Автор надеется, что Россия признает статус беженцев — изгнанников и их потомков, проживающих сейчас в Турции и других странах Ближнего Востока, и поможет последним вернуться на свою историческую родину — в Абхазию. Это необходимо в интересах Абхазии и абхазо-российских отношений, в этом заинтересованы и братские адыго-черкесские народы Северного Кавказа, которые, кстати, являются гарантом неизменности выбора абхазов, прочно связавших свою судьбу с Великой Россией. Абхазы всегда тянулись к России, чтобы найти защиту от внешних врагов и быть рядом с родственными адыгскими народами, но по известным причинам им это не удавалось.

Выражая мнение абхазского народа о том, что абхазы сейчас нуждаются в вышеуказанной судьбоносной помощи со стороны России, и стараясь быть убедительным, Анзор Мукба справедливо пишет, что «возвращены к себе на родину высланные Сталиным чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы. Принародно Ельцин принес им извинения» за содеянное Сталиным. «Американское правительство публично признало геноцид индейцев», которые были уничтожены руками предшественников нынешних властей США. Таких примеров много.

Найдутся, конечно, злопыхатели, которые будут вбивать клин между Абхазией и Россией. С этой целью они будут раздувать российский деспотизм и петь дифирамбы западной демократии, как это модно сейчас в Грузии. Но известно, что

13

передовые люди России ни в настоящем, ни в прошлом не боялись осуждать своих правителей, если те того заслуживали. Напротив, их оппоненты часто замалчивали то обстоятельство, что и не такое творили власти западных стран с малочисленными народами. Последних не выслали, а стирали с лица земли, в результате чего Франция, Великобритания, Германия и другие страны стали моноэтническими государствами, а Россия все еще остается многонациональной страной.

Нельзя не согласиться в этой связи с В. В. Кожинным, который пишет: «Я вовсе не закрываю глаза на драматические и, более того, трагические страницы в истории населяющих Россию народов. Я решительно возражаю только против пропагандистской формулы: «Россия — тюрьма народов». Ибо тот, кто ее употребляет, должен, будучи честным, называть основные страны Западной Европы «кладбищами народов»! Поистине возмутителен тот факт, — продолжает известный литературовед В.Кожин, — что России, даже в **центральной** части которой столетиями живут и растут многие и разные народы (татары, мордва, башкиры, удмурты, чуваша, коми, марийцы и др.), ставится в вину именно это! Ведь получается, что, если бы Россия, подобно западным государствам, стерла чужие народы с лица земли, она была бы «невинной»...» (1). В самом деле, получается по-сталински. Сталин, репрессируя и уничтожая своих идейных противников, цинично говорил: «Нет человека — нет проблемы» (!). И в данном случае получается, что нет народа — нет проблемы (!). Думается, особых комментариев здесь не требуется.

Малочисленные народы сами в состоянии разобраться в том, кто и как к ним относится. Естественно, к ним лучше относятся те многочисленные, у которых нравственность выше и с совестью все в порядке. Уровень культуры многочисленного народа определяется и отношением его к малочисленным народам: культура не измеряется грубой физической силой.

1 Кожин В. В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. — М. 1997. С. 163.

14

Есть у нас и политологи-волютаристы, пугающие нас сближением с Россией, мечтающие об абсолютном суверенитете и предлагающие нам швейцарский образ жизни, забывая, что мы не швейцарцы. Во-первых, малочисленному абхазскому народу, живущему в райском уголке в окружении хищных и сильных государств, недолго придется пользоваться полной независимостью. Во-вторых, напомним слова А. Вольского, который, вернувшись из командировки, поделился со своими коллегами о высоких технологиях в Японии. На вопрос, нельзя ли внедрить в России японские технологии, Вольский мудро ответил: «Конечно, можно, но в России маловато японцев». Речь идет о давно известном, что путем механического перенесения достижений одной страны в другую, без учета веками складывающихся особенностей народов и их среды обитания, добиться успехов невозможно. Нам лучше оставаться абхазами и приобщаться к мировой культуре, но не к

бездумному копированию всеохватной цивилизации. А что касается наших неабхазоязычных граждан, то они, судя по всему, уважают культуру государствообразующего абхазского народа и Конституцию страны.

Возвращаясь к своей теме, подчеркну, что почти все русские писатели, чьи произведения рассматриваются в настоящей монографии, прямо или косвенно затрагивают исторический акт присоединения Абхазии к России, причем, относятся к нему положительно.

Главное, на чем они акцентируют внимание, обращаясь к царским властям, — снисхождение и гуманность по отношению к горцам. Русские писатели, судя по их произведениям, имели ясное представление о трагической ситуации на Кавказе. Они видели, что, с одной стороны, абхазы и другие горцы вели оборонительную войну в неравной борьбе, защищая свои жилища, а с другой стороны — беспощадность царского самодержавия. Достаточно вспомнить, что в течение 30-ти лет покорением Кавказа занимался, по мнению великого Л. Толстого,

15

один из самых тупых и невежественных палачей России — Николай I. О нем Толстой писал: этот царь «знал, что сколько он ни давил людей, они опять выплывали наружу», что «желание истребления их (горцев Кавказа. — А. П.), как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было» у него «таким же естественным чувством, как чувство самосохранения» (1). Не случайно проф. Б. И. Бурсов пишет: «С огромной художественной силой обрисован в повести (Хаджи-Мурат. — А. Н.) Николай I как деспот, лживый и бездушный... как палач декабристов и душитель свободолюбивых горцев» (2).

Учитывая все это, русские писатели не могли не занять справедливую позицию многострадальных народов Кавказа. Поэтому они призывали царизм не истреблять, а помогать горцам избавиться от социального и национального гнета, от чудовищной работорговли и приобщать их к просветительским идеям.

В настоящей книге рассматриваются и произведения русских классиков, в которых обнаруживаются прогрессивные идеи, выходящие за рамки Кавказа и направленные на решение общечеловеческих проблем. Например, действия рассказов «Калинин» и «Рождение человека» А. М. Горького разворачиваются в Абхазии, и автор здесь ведет полемику против представителей мрачной декадентской литературы, которая проповедовала антиобщественную идею о бессмысленности жизни на земле. Горький же в этих рассказах предлагал читателям оптимистические мысли и отстаивал право человека на жизнь. И в этом случае немаловажную роль сыграл многокрасочный пейзаж Абхазии.

Авторы рассматриваемых произведений, за исключением Горького и Чехова не являются классиками русской литературы. Между тем изучение одних только классиков не может дать верного представления о национальной литературе. Тре-

1 Толстой Л. Н. *Хаджи-Мурат*. // *Собр. соч. в 22 томах. Т. XIV.* — М. 1983. С. 87.
2 *История русской литературы XIX в. Т. II.* — М. 1963. С. 681.

16

буется комплексный подход, не упуская из виду всех литературных фактов и явлений. Скептикам, недооценивающим писателей среднего звена, проф. С. Венгеров адресовал следующие слова: «Я считаю совершенно ненаучным изучать литературу только в ее крупных представителях». Для большей убедительности добавлял: «Что бы вы сказали о зоологе... который законы жизни стал бы изучать только на слонах, тиграх, львах и медведях, пренебрегая зайцами и кроликами?» (1)

Несмотря на то, что художественные достоинства ряда интересующих нас произведений не всегда на должном уровне, они сыграли незаменимую роль в деле развития абхазо-русских литературных и культурных контактов, в укреплении дружбы между нашими народами. Более того, познавательную ценность этих произведений трудно переоценить.

1 Литературная газета. 1 февраля 1989 г. № 5. С. 6.

17

ГЛАВА I. АБХАЗИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

§ 1. А. А. Бестужев-Марлинский об Абхазии

Понятие «литературные связи», как известно, значительно шире непосредственных «чисто» художественно-литературных контактов. Оно включает в себя самые сложные литературные явления в прошлом. Поэтому при исследовании данной проблемы необходимо учитывать любые сочинения, в особенности, если они созданы талантливыми писателями.

Декабристы в Абхазии — тема, представляющая научный интерес, еще недостаточно изучена. Единственным ее исследованием явилась небольшая, но «очень весомая по своему значению» (1) работа проф. Г.А. Дзидзария (2).

Описание таинственного Кавказа декабристами имело большое значение, ибо народы Кавказа, как отмечено выше, по существу не были известны русским до XIX в. Достаточно сказать, что даже сами дворянские революционеры при всем своем прогрессивном и гуманном отношении к кавказским народам в начале своей деятельности допускали некоторые ошибки в своих суждениях по кавказскому вопросу. Эти ошибочные взгляды были вызваны недостаточной осведомленностью. Например, декабристы плохо знали национально-дифференцированный Кавказ. Поэтому ими не всегда учитывалась вся сложность проблемы присоединения горцев к России (3).

Однако уже в 30-х гг. XIX в., когда многие ссыльные декабристы оказались на Кавказе, им пришлось пересмотреть свои взгляды относительно данной проблемы. По этому поводу

1 Симонов К. Вместо предисловия. / Дзидзария Г. Декабристы в Абхазии. — Сухум. 1970. С.5.

2 Дзидзария Г.А. Декабристы в Абхазии. — Сухум. 1970.

3 См.: Шадури В.С. Декабристская литература и грузинская общественность. — Тбилиси. 1958. С.71 — 79; Садыхов М.З. Русские писатели об Азербайджане. — Баку.

А. Бестужев замечал: «Что я говорю о дагестанцах, не относится ни к чеченцам, ни к черкесам. У каждого народа на Кавказе... свой нрав, свои обычаи, особенные ухватки и причуды» (1).

Среди декабристов, пожалуй, активнее всех изучал жизнь горцев один из ярких представителей декабристского движения, писатель и большой знаток этнографии Кавказа А.А. Бестужев-Марлинский (1797 — 1837). Жизнь и творчество подвижника-писателя А.А.Бестужева теснейшим образом связаны с Кавказом. Кавказский период его ссыльной жизни был самым тяжелым периодом. Опальный писатель, доведенный до отчаяния, в 1836 г. писал своим друзьям: «Гоняемый из конца в конец, не проводя двух месяцев на одном месте, без квартиры, без писем, без книг, без газет, то изнуряясь военными трудами, то полумертвый от болезней, не вздохнуть тяжело и не позавидовать тем, которые уже кончили земное скитальчество» (2).

Однако, несмотря на каторжные условия, созданные реакцией для декабристов, А.А. Бестужев на Кавказе развернул активную литературно-общественную деятельность. Значительную часть своих произведений он создал с 1829 по 1837 г., т.е. именно в года кавказской ссылки. В этот период были опубликованы: «Испытание» (1830), «Лейтенант Белозор» (1831), «Страшное гадание» (1831), «Фрегат «Надежда» (1832), «Наезды» (1832), «Латник» (1832), «Амалат-Бек» (1832), «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» (1834), «Путь до города Кубы» (1834), «Мореход Никитин» (1834), «Мулла-Нур» (1836) и многие другие сочинения.

А. Бестужев проявлял живейший интерес к Кавказу еще до того, как ему было суждено попасть сюда. Сохранилось его интересное письмо из сибирской ссылки к своему брату Павлу, сосланному на Кавказ еще в 1827 г. за участие в декабристском

1 Бестужев-Марлинский А.А. Путь до города Кубы. // Сочинения в 2-х томах. Т. II. — М. 1958. С. 184.

2 Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в 2-х томах. Т. II. — М. 1958. С. 672.

движении (1). Письмо в какой-то мере отражает исходные идейно-эстетические позиции писателя-декабриста, автора ряда кавказских сочинений, показывает его отношение к Кавказу в целом и задачи, которые по мнению А.Бестужева должен поставить перед собой человек передовых взглядов, оказавшись среди горцев. Словом, оно помогает раскрыть незаурядную личность автора письма — борца за свободу и равенство всех народов.

Письмо написано 10 апреля 1828 г. Прежде всего — это дружественное и теплое послание любящего старшего брата к младшему, к которому А. Бестужев проявляет нежную отеческую заботу. Он дает ряд советов и наставлений, которые по своему значению выходят далеко за рамки семейных отношений и, несомненно, представляют общественный интерес. А.Бестужев начинает письмо с того, что приветствует Павла — «жителя цветущего климата!» Коротко описав свою незавидную жизнь в Якутске, он спрашивает у брата о месте нахождения последнего: «Сделай одолжение, уведомя, на каком краю света должна искать тебя мечта моя? Там ли, где Кавказ упирается в Черное

морс, или где сходит он холмами на луга Ирана? В Сухум-Кале или в Грузии?» Затем автор письма переходит к изложению своеобразной программы, которая должна помочь Павлу в работе над собой. «...Беды братьев, — пишет он, — послужат тебе не примером, но уроком. Величественная сторона, в которой живешь ты, должна впечатлеть в тебе такие же мысли. На поднебесном Кавказе, кажется, нельзя не возвыситься» (2).

Здесь А. Бестужевым высказана смелая мысль о том, что не прекращающаяся борьба за идеи декабристов должна принять иные формы, чтобы не повторились ошибки прошлого, и что Кавказ, куда ссылаются «беспокойные» вольнодумцы, является удобным местом для школы новой борьбы. Кстати,

*1 Павел был младшим из пяти братьев Бестужевых, погибших в восстании 14 декабря.
2 Бестужев-Марлинский А.А. Письмо П. Бестужеву от 10 апреля 1828 г. // Сочинения в 2-х томах. Т. II. — М. 1958. С.630.*

20

проф. В.С. Шадури не без основания полагал, что в Тбилиси было организовано «Новое общество» декабристов, документы о котором, кажется, еще не найдены (1). Характерно, что таинственный Кавказ в письме писателя-романтика так и представляется величественным и возвышенным. Говоря о судьбе, постигшей их семью, он продолжает: «Впрочем, судьбу не оскачешь и на кавказском коне...» (2); причем, романтический Кавказ, по мнению писателя, должен положительно действовать на мысли и дела тех, кто сослан в «теплую Сибирь», как был назван Кавказ Александром I.

Старший брат в письме не только настоятельно объясняет младшему, что тот должен непрестанно учиться на Кавказе, но и указывает, как учиться и что именно изучать. «Надеюсь, — пишет А. Бестужев, — что занятия службы не помешают тебе учиться основательно. Науки помогли мне перенести много тяжкого... Около тебя народы дикие — наблюдай их нравы; страсти везде одинаковы, хотя цель и выражение их различны; и потому-то, приучась глядеть на них в первобытной наготе и искренности, ты будешь угадывать людей и сквозь светский покров образованности» (3).

В этих строках, кроме всего прочего, заложена еще и прогрессивная мысль одного из ведущих дворянских мыслителей о равенстве всех людей на земле, независимо от их социального положения и национальной принадлежности. Именно эти исходные эстетические позиции и взгляды на общественную жизнь, волновавшие писателя еще до его прибытия на Кавказ, а затем уже получившие дальнейшее развитие под воздействием кавказского фактического материала, легли в основу его сочинений о горцах.

*1 Шадури В.С. Декабристская литература и грузинская общественность. — Тбилиси. 1958. С. 222 — 226.
2 Бестужев-Марлинский А. А. Письмо П. А. Бестужеву от 10 апреля 1828 г.
3 Там же.*

21

На Кавказ А.А. Бестужев прибыл из якутской ссылки в 1829 г. и был определен рядовым в

действующие полки Отдельного Кавказского корпуса (1). А с 1835 г. писатель вместе с другими ссыльными декабристами находился в основном на Черноморском побережье.

В кавказских сочинениях А. Бестужева наиболее широкое отражение получил Дагестан (повести «Мулла-Нур», «Амалат-Бек», а также многочисленные этнографические очерки), хотя Грузия, Азербайджан и другие кавказские страны нашли отражение в творчестве писателя. А. Бестужев не успел изучить Абхазию и посвятить ей какое-нибудь художественное произведение, но, надо полагать, обширные сведения об Абхазии, сохранившиеся в его письмах, заняли бы видное место в будущих сочинениях писателя, если бы он вскоре не погиб.

В кавказских письмах А. Бестужева прежде всего бросается в глаза его негодование по поводу искажения правды о народах Кавказа. Он осуждает горе-сочинителей, которые Кавказ «запачкали чернилами, выкрасили как будку, но попыток узнать его не было до сих пор...» (2); писатель с горечью подчеркивает, что сведения о Кавказе поступают через иностранную литературу. «Слов нет, — писал он, — чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике... Но для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось бы лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними меланхленами и спорить, происходят ли бжедухи от страбоновых скептухов, коих, бог знает почему, г. Броневский назвал скиптроносцами» (3).

А.А. Бестужев резко осуждает представителей царской администрации на Кавказе, которым было выгодно враждеб-

1 Косвен М.О. *Этнография и история Кавказа*. — М. 1961. С. 158 — 160.

2 Бестужев-Марлинский А.А. *Письмо от 15 января 1833 г.* // «Русский вестник». 1870, июль. С.47.

3 Марлинский А. *Рассказ офицера, бывшему в плену у горцев*. // Полное собрание сочинений. Ч.Х. «Кавказские очерки». — СПб. 1838. С. 639.

ное отношение к горцам, т.к. Кавказская война сулила им высокие чины и огромные барыши. «Славная школа войны наш Кавказ» (1), грустно замечает он. С этим перекликаются слова великого Л.Н. Толстого, хорошо знавшего Кавказ, о том, что Кавказская война превращена в школу офицеров (2).

Вскоре после прибытия на Кавказ А. Бестужев в письме к Н.А. Полевому возмущался: «Что здесь за коменданты, что здесь за полковники. Так руки опускаются!.. кроме взяток ничего не знают и не хотят...» (3). В другом письме, также говоря об увлечении офицеров карточной игрой, пьянством и другими неблагоприятными делами, писатель указывает, что «на Кавказе только эти качества уважаются» (4).

Крайне тяжелые условия ожидали А.Бестужева на Кавказе. «Верите ли, что я вздыхаю по Якутску в стране маслин и винограда! — восклицал он в отчаянии, — но мудро ли: там я был независим — а здесь!!!» (5). Строгой цензуре подвергалось не только все написанное А. Бестужевым, тщательно проверялись и письма, адресованные ему. Поэтому он просил своих корреспондентов: «Ограничьтесь, пожалуйста, одною словесностью: в нашем положении иногда отвечать приходится не только за то, что сам пишешь, но что и

к нам пишут...» (6).

Однако, несмотря на каторжные условия, опальный писатель целиком отдает себя работе. За сравнительно короткое время Бестужев подробно изучил Кавказ и его гордых обитателей, в результате чего он приходит к выводу, что «...горцы — достойные дети Кавказа...» (7). Он поражал современников глубоким знанием всех особенностей этого края, мечтал увидеть

1 Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в 2-х томах. Т. II. — М. 1958. С. 667.

2 См.: Садыхов М.З. Русские писатели об Азербайджане. — Баку. 1970. С. 53.

3 Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в 2-х томах. Т. II. С. 639.

4 Там же. С. 641.

5 Там же. С. 639.

6 «Русский вестник». 1861, апрель. С. 457.

7 Бестужев-Марлинский А.А. Письмо Н. А. Полевому от 16 декабря 1836 г. // «Русский вестник». 1861. Т. 32. III. С. 313.

23

мирный Кавказ без грабительских войн, навязанных ему царизмом и султанской Турцией. Вместе с тем Бестужев выступал и против идеализации «азиатской патриархальщины», тормозившей развитие кавказцев. В «Письме к доктору Эрману» он спрашивал: «Скоро ли настанет время, когда елей просвещения смоет кровь с крутин Кавказа..?» (1). Писатель-гуманист изучает жизнь и быт горцев добросовестно и глубоко. Вот с какой любовью, даже с некоторой гордостью он описывает внешний вид горцев: «Что сказать вам о племенах Кавказа? О них так много вздоров говорили путешественники, и так мало знают их соседи-русские, что мне не хочется умножать шайку хвастунов. Наружность их величава; особенно черкесы отличаются гордою осанкою, Ступит ли, станет ли он — это модель Аякса или Ахиллеса. Пронзающий взор, стройный стан, театральная походка — все обнаруживает силу и свободу» (2).

Можно вспомнить и высказывание другого русского писателя и этнографа второй половины XIX в. Е. Л. Маркова о том, что «...абхазцы — отличный народ, даровитый, тонкий, изящный — французы Кавказа, как их величают в Грузии» (3). Подобные положительные отзывы о горцах, были направлены против идеологов колонизаторской политики царизма, выступавших за массовое истребление кавказцев как диких зверей (4). В другом месте А. Бестужев, как бы обобщая свое отношение к народам Кавказа, восклицал: «Дайте Кавказу мир, и не ищите земного рая на Евфрате... он здесь — он здесь!» (5).

Позже тот же Е. Марков, как и другие русские писатели, о которых будет сказано ниже, не только повторит слова А. Бестужева по этому поводу, но вскроет подлинные причины

1 Бестужев-Марлинский А.А. Письмо доктору Эрману. // Сочинения в 2-х томах. Т. I. — М. 1958. С. 299.

2 Там же. С. 300.

3 Марков Е. Л. Кавказские очерки. — М. 1887. С. 361.

4 Вейденбаум Е. Кавказские этюды. — Тифлис. 1901 С. 315.

5 Марлинский А. Путь до города Кубы. // Полн. собр. соч. X. «Кавказские очерки». — СПб.

некоторых трагических событий в жизни горцев. Так, например, он пишет: «Абхазия — рай земной... вся страна — один сплошной сад... Выселение в Турцию береговых жителей... оставило такое соблазнительное наследство кавказскому чиновничеству... которое не могло не возбудить надолго аппетита к лакомым кусочкам. Целыми тысячами десятин отводились высшим служилым людям Кавказа плодородные земли изгнанных племен... Когда черкесская дележка была закончена, захотелось абхазской...» (1). Действительно, многие русские писатели сравнивали Абхазию с раем земным. Классик русской литературы А. П. Чехов, посетив Абхазию в 1888 г., писал: "Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно... и поэтично... и если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать..." (2).

Итак, добросовестный и объективный подход А.А. Бестужева к изучению кавказской проблемы помог ему выработать прогрессивные для того периода взгляды, которые сыграли немаловажную роль в отношениях между русскими и кавказскими народами.

А. А. Бестужев жил в Абхазии в разных местах: в Сухуме, Гагре и Пицунде, а также был участником Цебельдинской экспедиции в 1837 г. В своих письмах к родным и знакомым он рисует тяжелую жизнь в этой стране, где свирепствовала тогда малярия. И вот по своим климатическим и природным условиям «райская Абхазия», как ее называли, в результате грабительских войн и колонизаторской политики иноземцев оказалась настолько запущенной, что стала «смертоносной» Абхазией. Следует заметить, кстати, что в Гагре и Пицунде, по словам А. Марлинского, «в самых гробовых местах на Чер-

1 Марков Е.Л. *Кавказские очерки*. — М. 1887. С. 360-361.

2 Чехов А.П. *Полн. собр. соч. Т. 14. С. 140.*

номорском побережье» (1) позже стали процветать не только всесоюзные, но и всемирные курорты, хотя после грузино-абхазской войны (1992 — 1993) этот край снова на долгие годы пришел в полное запустение.

Именно в Гагры, в самое губительное место, где не было спасения от злокачественной лихорадки, был загнан А. Бестужев по личному указанию Николая I. А когда главнокомандующий кавказскими войсками барон Г. В. Розен, весьма робко помогавший декабристам, попытался просить императора облегчить участь А.Бестужева, царь ответил: «Я против того мнения... лучше его оставить там... в Гаграх или подобном месте»[17].

Тяжелая жизнь изгнанника отразилась в его письмах. В 1836 г. из Керш А.Бестужев сообщает своим братьям — Николаю и Михаилу — следующее: «Не знаю, как то перенесу предлежащее мне испытание в Абхазии, куда я назначен. Батальон этот расположен в Гагре, на живности, потому что за вал нельзя высунуть даже носа, а в самой крепости ходить — пули врагов бьют людей даже на койках. Полтора комплекта в год поедается там цынгой и лихорадками, — продолжает А.Бестужев, — и не было примера, чтобы кто-нибудь выжил там более двух лет или после двух лет без страданий до конца жизни, — а

жизнь коротка после Гагр» (2).

Царское правительство определило место службы А. Бестужева в Гаграх, надеясь на окончательную расправу с ним, ибо там царили действительно адские условия жизни, о чем свидетельствуют многочисленные материалы. В рапорте на имя Н. Н. Раевского, составленном генералом Ольшевским — начальником второго отделения Черноморской береговой линии — говорилось: «После осмотра Гагры у меня кровь бро-

1 *Бестужев-Марлинский А.А. Письмо к братьям Николаю и Михаилу от 19 июля 1836 г. // «Русский вестник». 1870. Т. 88. № 7. С. 68.*

2 *Цит. по: Шадури В.С. Декабристская литература и грузинская общественность. — Тбилиси. 1958. С. 218.*

3 *Бестужев-Марлинский А.А. Письмо от 19 июля 1836 г. // «Русский вестник». 1870. Т. 88. № 7. С. 68.*

26

силась в голову, боюсь, что я совершенно заболела, ежели проживу в этом аду несколько дней». Генерал далее подчеркивает, что «надобно уничтожить это заразительное гнездо» (1).

В письме к братьям Н. и К. Полевым А. Бестужев извещает о том же: «Я переведен в ужасный климат Абхазии. Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер: жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и превращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка... где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как смертоносными обструкциями или водянкою... Одним словом, — заключает писатель, — имя Гагры, в самой губительной для русских... однозначнее со смертным приговором» (2).

Однако А. Бестужев не сдается. Он пытается вырваться из этого ада и 13 июля 1836 г. обращается к шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, которому писал: «Я убежден, что... императорское величество, назначая меня в... Гагры, не предполагало, сколь смертоносен этот берег Черного моря, погребенный между раскаленных солнцем скал, лишенный круглый год свежей пищи и воды, даже воздуха. Немногие возвращались оттуда к жизни... Для меня, полуживого, Гагры будут неизбежным гробом...», «не смерти боюсь, — продолжает писатель, — я страшусь бесславных, долгих страданий...». В заключение он просил перевести его куда-нибудь, так как здоровье поражено «тлетворным дыханьем Гагр» (3).

Все жалобы и просьбы опального писателя непременно наталкивались на жестокое сопротивление Николая I. Доведенный до крайнего физического изнеможения, А. Бестужев в

1 *«Русский архив». Т. III. — СПб. 1910. С. 174-175.*

2 *Бестужев-Марлинский А.А. Письмо к братьям Н. и К. Полевым. // «Русский вестник». 1861. Т. 32. IV. С. 479-480.*

те дни писал: «Я похож на тень и только по боли чувствую, что я тело» (1).

Полуживой писатель делает еще попытку спастись от неминуемой гибели в Гаграх. На этот раз он обращается к «его величеству» через новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова, который писал императору о Марлинском в следующих словах: «У него не проходит лихорадка, и очень скверная лихорадка уже с давних пор; климат Гагр, в котором находится его гарнизон, возможно, прикончит его в скорое время» (2).

На это ходатайство последовала резолюция императора: «Мнение гр. Воронцова совершенно несостоятельно; не Бестужеву с пользой заниматься словесностью; он должен служить там, где сие возможно без вреда для службы» (3).

Правда, впоследствии А. Бестужев был переведен, но также в болотистое в то время и малярийное место — в г. Кутаис.

К апрелю 1837 г. 10-й Черноморский линейный батальон, в котором служил Бестужев, готовился выступить в Цебельду. Об этом он сообщил в письме к своей матери (4). А через месяц в письме к К.А. Полевому под названием «В сердце Цебельды» А.Бестужев уже писал: «Уже три недели, как я шляюсь по новому для меня краю Мингрелии, Абхазии, к новому для русских вообще краю Цебельды. Виды — прелесть, но люди... бедны, как нельзя более... Около 1-го июня мы двинемся за Гагры...» (5).

После окончания Цебельдинской кампании, за три дня до выступления на мыс Адлер, главнокомандующий — барон Розен — в Сухуме пригласил на обед А. Бестужева и его азербайджанского друга Ахундова, где Розен просил Бестужева

1 Цит. по: Дзидзария Г.А. Декабристы в Абхазии. — Сухум. 1970. С. 60.

2 Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в 2-х томах. Т. II. — М. 1958. С. 719.

3 Там же.

4 «Отечественные записки». 1860. Т. 131. № 7. С. 74.

5 «Русский вестник». 1861. Т. 32. IV. С. 485.

совместно с автором перевести «Восточную поэму на смерть на смерть А.С. Пушкина» Ахундова. И, действительно, прозаический перевод поэмы великого азербайджанского поэта и мыслителя появился на свет (1).

Еще одно письмо, сохранившее интересные сведения о Черноморском побережье и глубоком интересе писателя к историческим памятникам Абхазии. В 1836 г. А. Бестужев в окрестностях Сухума рассматривал какие-то развалины, возможно, Великой абхазской стены или Замка Баграта, где он обнаружил надпись углем на камне. По этому поводу А. Бестужев писал из Геленджика своему брату Павлу: «Любимый Поль! Я любовался развалинами какой-то башни — и что же?.. На одном камне читаю твоею рукою написанную надпись П.Б.!.. И вот судьба привела другого брага завидовать тому месту,

где ты был в изгнании! В самом деле, — продолжает он, — как можно сравнить природу и воды около Сухума с нищими окрестностями Геленджика, а что до погибельности климата — все один черт по всему берегу Черного моря» (2).

Заслуживает внимания и то письмо А. Бестужева к своему брату Павлу, в котором говорится о видном деятеле грузинской культуры первой половины XIX в: Борисе Чиляеве (Чилашвили). Письмо написано до похода в Цебельду. В нем сообщается о том, что Борис Чиляев находится в Бамборах (близ Гудауты). Далее в письме говорится об ужасном бездорожье по хребту от Гагр до Адлера и о предстоящем выступлении в Цебельду. «Опять увижу Черное море, опять на нем поплаваю... Виды здесь — прелесть; природа утешает меня за злость людей», — заключает А.Бестужев (3).

Борис Чиляев (Чилашвили) был однокашником Бестужева-Марлинского в Горном кадетском корпусе в Петербур-

1 Дзидзария Г.А. *Декабристы в Абхазии*. — Сухум. 1970. С. 53-54.

2 Бестужев-Марлинский А. А. *Письмо П.А. Бестужеву от 23 апреля 1836 г.* // «Отечественные записки». 1860. Т. 131. № 7. С. 59.

3 Там же. С. 75.

29

ге (1). Его имя вспоминается и в другом письме писателя (в письме к Н.А. Полевому в 1833 г.). В 1837 г. Б.Г. Чиляев (1798 — 1850) служил командующим войсками в Абхазии (2). Этот же Чиляев, чья учеба и служба протекала в Петербурге в окружении декабристов, и в доме которого на берегу Арагви в 1829 г. А.С. Пушкин, проезжая по Военно-грузинской дороге к Тифлису, переночевал. О нем А.С. Пушкин с благодарностью писал: «Я ночевал на берегу Арагвы, в доме г.Ч(иляева). На другой день я расстался с любезным хозяином и отправился далее» (3).

А.А. Бестужев-Марлинский, по-видимому, предчувствовал, что жить ему осталось немного, о чем он не раз говорил в письмах последних лет. Так, например, своему брату Павлу в 1835 г. он пишет, что «Черноморье есть самая негостеприимная земля на всем земном шаре...», и добавляет: «мне не долго мыкаться по белому свету» (4).

В другом месте он так же грустно замечает: «Я чувствую, что моя смерть также будет насильственной, что она уже недалеко...» (5).

И, наконец, в начале июня 1837 г. была организована военная экспедиция на мыс Адлер, в которой пришагали участие А. Бестужев, Ахундов, декабрист В.С. Норов, С.Т. Званба и другие. 7 июня на фрегате «Анна» недалеко от Адлера А.А. Бестужев, предчувствуя близость конца своей многострадальной жизни, составил духовное завещание. Как видно, он уже нисколько не дорожил своей затравленной царскими властями жизнью и сам спешил к ее окончательной развязке. Самоотверженный борец и талантливый писатель погиб в тот же день в бою при высадке на мыс Адлер. Тело его не было найдено.

1 Шадури В.С. *Декабристская литература и грузинская общественность*. — Тбилиси. 1958. С. 554.

2 Дзидзария Г.А. *Декабристы в Абхазии*. — Сухум. 1970. С.63.

3 Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум.

4 Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в 2-х томах. Т. II. — М. 1958. С. 664.

5 Там же. С. 674.

30

После гибели А.Бестужева на Кавказе появились различные легенды о том, что он жив, перешел в лагерь горцев и сражается теперь против царских колонизаторов. Одни мемуаристы пишут, что он сам искал смерти и шел ей навстречу, другие считают, что интуиция подсказывала о близости смерти. Между тем в его письмах можно найти и конкретные планы на будущее — житейские и литературные (1).

Имя выдающегося деятеля декабристского движения и популярного русского писателя Александра Александровича Бестужева-Марлинского дорого всем кавказским народам, которые с благодарностью относятся к его творческому наследию. Он сыграл неоценимую и благородную роль в деле сближения наших народов, внес огромный вклад в развитие культурных связей между Россией и народами Кавказа.

§ 2. О некоторых фактах общественно-литературного влияния А.А. Бестужева-Марлинского в кавказской ссылке

Огромную положительную роль, которую сыграл А.А. Бестужев в русско-кавказских культурных взаимоотношениях, нельзя вместить в рамки его творческого наследия. Эта сторона его деятельности пока еще недостаточно исследована.

Судя по всему, неутомимый труженик-писатель развернул на Кавказе не только творческую деятельность, но он активно влиял на своих друзей, окружавших его. Мы уже подробно говорили, что литературно-общественные и политические взгляды Павла Бестужева формировались под влиянием его старшего брата А. Бестужева. Об этом свидетельствует и сохранившаяся единственная критическая статья П. Бестужева «Замечание на статью «Путешествие в Грузию» (2).

1 Русские писатели. — М. 1989. С. 256-257.

2 См.: Шадури В. Декабристская литература... С. 328-333.

31

Павел Бестужев, как известно, являлся младшим среди пятерых братьев, погибших в водовороте 14 декабря. Сосланный на Кавказ после заключения по делу декабристского восстания, Павел служил в Тбилиси. Гори, был и в Абхазии, в частности, в Сухуме, Бамборе и других местах (1).

Указанную статью П. Бестужев послал своему брату в Дербент, откуда А. Марлинский писал Полевому: «Посылаю статью моего брата Павла... который никогда еще не писал, но думал иногда очень порядочно. Напечатайте, если найдете достойным. Это даже нужно, ибо возражения справедливы. Я кое-что поправил — доправьте» (2).

Статья П. Бестужева «Замечания на статью «Путешествие в Грузию», хотя и создана автором для того, чтобы дать отповедь анонимному клеветнику в адрес горцев Кавказа,

выходит за рамки этой задачи. Эта статья фактически направлена против всех реакционных злопыхателей, распространявших ложь и клевету на народы Кавказа, Кавказ в целом. Подобные сочинения были рассчитаны па разжигание ненависти к горцам Кавказа. И вот П. Бестужев в своем сочинении в духе острой публицистики, с присущим ему юмором, не упустив ни одного пункта громит анонимного лжеца. Разоблачая шовинистические измышления сочинителя «Путешествия», П. Бестужев пишет, что «черкесы исстари были союзниками русских. Русские искони торговали с ними, выменивали у них сукна, оружие, коней. Мало этого, черкесы защищали от нападений степных народов купцов наших, вывозивших из Персии шелк и пряности» (3). Опровергая вымысел по поводу якобы недостатков храбрости у горцев, П. Бестужев замечает: «Если бы путешественник послужил в военной службе здесь, на Кавказе, то узнал бы, что горцы не трусы...» (4). П.Бестужев подобно своему брату, Марлинскому,

1 П. Бестужев служил на Кавказе вместе с писателем П.П. Каменским, о котором будет сказано ниже.

2 «Русский вестник». 1861, апрель. С. 455.

3 «Сын отечества и Северный архив». 1838. Т. 1. Отд. 4. С. 6.

4 Там же. С. 7.

32

далее указывает о том, что необходимо знать правду о Кавказе, что, конечно, будет способствовать сближению народов.

Характеризуя автора указанной критической статьи, В.С. Шадури подчеркивает: «Так мог писать только убежденный и пламенный революционер-патриот, человек декабристских воззрений, страстный борец за братский союз народов...». «В лице П. Бестужева мы имеем дело с одним из одаренных представителей декабристской литературы» (1).

Декабрист В.С. Норов (1793-1853), оставивший интересную рукопись (2), совместно с А.А. Бестужевым также участвовал во многих экспедициях в Абхазию. Взгляды А.А.Бестужева на кавказскую проблему, несомненно, могли сыграть определенную роль в формировании тех мыслей, которые В.С. Норов отразил в своей рукописи. В частности, он, излагая свое отношение к тем событиям, которые происходили тогда в Абхазии, пишет: «Я шел в бой за дело, которое мне совершенно чуждо...» (3). В.С. Норов восхищался храбростью абхазов, черкесов и других кавказцев, которые защищались от жестокой и истребительной войны русского царизма. «Тяжелой экспедицией» называет В.С. Норов поход в Цебельду 1837 года, участником которого он был вместе с А.А. Бестужевым-Марлинским.

Интересно, что абхазы, участвовавшие в экспедиции в Адлер, как сообщает В.С. Норов, стреляли в воздух, за что вскоре были отправлены по своим домам (4). Вместе с тем В.С. Норов разоблачает иностранных агентов, пытавшихся оправдать колонизаторскую войну на Кавказе.

Большой знаток этнографии Кавказа, А.А. Бестужев-Марлинский, по-видимому, возбудил глубокий интерес к этой науке у первого абхазского ученого-этнографа — С.Т. Званба (1809-1855), который служил в Абхазии в одной части с

1 Шадури В. Декабристская литература... С. 333.

2 Указанная рукопись написана на французском языке. Она хранится в отделе рукописей Гос. библиотеки им. В.И.Ленина в Москве (ф. 201. В.С. Норов. № 56).

3 Цит. по: Дзидзария Г.А. Декабристы в Абхазии. Сухум, 1971. С. 38.

4 Дзидзария Г.А. Декабристы в Абхазии. С. 38.

33

А. Бестужевым и участвовал с ним в экспедициях на Цебельду и мыс Адлер. С.Т. Званба положил начало серьезному изучению этнографии абхазов, опубликовав несколько ценных работ в газете «Кавказ» в первой половине 50-х гг. XIX в. (1).

О кипучей деятельности А.А. Бестужева на Кавказе можно судить и по роману Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе» (2), вышедшему в 1844 г. Роман был написан не только под влиянием А.А. Бестужева, но он, А.А. Бестужев, явился прототипом главного героя романа. Писательница Е.Н. Лачинова (жена генерала Н.Е. Лачинова), находясь со своим мужем на Кавказе, вращалась среди декабристов и литераторов, была в самых близких отношениях с А.А. Бестужевым (3). По предположению А. Титова, Е.П. Лачинова была также лично знакома с М.Ю. Лермонтовым(4). Известно, что роман Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе», вышедший в 1844 г., сильно нашумел. Книга доставила немало хлопот самым крупным сановникам Николая I. И не случайно. Военный министр, граф Чернышев, прочитав «Проделки на Кавказе», сказал: «Книга эта тем вреднее, что в ней что строчка, то — правда».

Книга была изъята. Цензор книги М.И. Крылов был уволен с работы (даже получил арест на 8 дней). Было дано строжайшее указание — учредить полицейский надзор за автором романа Хамар-Дабановым (псевдоним Е.П. Лачиновой).

Роман довольно объемистый (440 страниц), состоит из двух частей. Смелость его автора вызывает удивление. Комментируя интересующий нас роман, кавказовед Е.Вейденбаум пишет: «Вопреки общепринятому тогда мнению о необходимости беспощадного истребления горцев, как хищных зверей, автор указывает на желательность и полезность иного образа дейст-

1 О нем см.: Дзидзария Г.А. Соломон Теймуркович Званба. // Званба С.Т. Этнографические этюды. — Сухум. 1955.

2 Проделки на Кавказе. Сочинения Е. Хамар-Дабанова. — СПб. 1844.

3 См.: Титов А. А. Бестужев — герой забытого романа. // Ж. «Русская литература». 1959. № 3. С. 133.

4 Там же. С. 138.

34

вий» (1). Эта мысль, как известно, принадлежит А.С.Пушкину, декабристам и, в том числе, А.А. Бестужеву (2).

В романе изображена довольно мрачная картина жизни разложившихся офицеров и многих генералов царской армии на Кавказе, которые пользовались поистине дикими методами уничтожения горцев Кавказа, рассказывается о том, как некоторые из них

наживались, торгуя не только жизнью пленных, но даже трупами. Приведем несколько примеров из романа.

Эпиграфом к роману взята народная поговорка: «Не любо — не слушай, а лгать не мешай!» Главный герой романа, Александр Пустогородов, разжалованный некогда за увлечение ролью политического заговорщика, сослан на Кавказ и служит в заброшенной кубанской станице у кавказской кордонной линии сотенным командиром. Он умный, порядочный человек. На линии тревожно, беспокоят черкесы (3). После очередного боя капитану А. Пустогородову докладывают, что генерал страшно недоволен им, потому что он, капитан, «ничего не понимает». Автор излагает этот диалог следующим образом.

Черкес-переводчик на ломаном русском языке говорит капитану Пустогородову: «Алим говорит, генерал очень сердит на капитан, сказал фу — черт! до сорок тел убитых черкес и башка не привозил; чтобы велел казак голова руби и притрочить к седло; да еще черкес пятнадцать ранен, взял в плен, на

1 Вейденбаум Е. *Кавказские этюды*. — Тифлис. 1901. С. 315.

2 Титов А. А. *Бестужев — герой забытого романа*. // Ж. «Русская литература». 1959. № 3. С. 135.

3 Черкесами нередко обобщенно называли всех горцев Кавказа. Кроме того, жизнь горцев, отразившаяся в романе, не только характерна для абхазов, но этнические границы последних до трагического их выселения доходили на северо-западе до р. Кубань, а на северо-востоке историческая Абхазия занимала и часть северного склона Кавказских гор (Гюльденштедт И. А. *Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Терек и Азовским морем*. // *Месяцеслов исторический и географический на 1779 г.* — СПб. 1779. С. 157-159; *его же, Исторические и географические описания Грузии и Кавказа*. — СПб. 1809. С. 143).

35

кой черт их? Голова долой и мне прислал!» (1). Слова черкеса-переводчика автор романа разъясняет в примечаниях: «За Кубанью ввелся обычай между казаков отрезывать головы у убитых черкесов, родные выкупают головы, потому что по туземным обычаям нельзя хоронить тела без головы; поэтому-то занимающимся таким торгом гораздо выгоднее иметь голову, чем пленного» (2). Диалог продолжается. Александр Пустогородов спрашивает у переводчика: «К чему же генералу мертвые головы?» Переводчик отвечает: «Алим говорит, генерал славно сотовку (обмен. — прим. автора) делал черкеска голова, богатой голова плати генерал два коров, бедно плати один, два баран, голова возьми назад». «А для чего генералу коровы и бараны?» — спросил Александр Петрович. Переводчик объяснил: «Алим говорит, баран и корова все-таки худоба; у генерал вит в дальних крепость большой атара, много скот». «Ты мошенник с Алимом, все врешь!» — возразил Александр Петрович...

Далее в романе повествуется о том, как начальник кордонной линии, приехавший в станицу, дал указание сделать выговор капитану Пустогородову за то, что он не представил ему неприятельских голов и тем лишил его значительной суммы (выкупа). Начальник, уезжая, пригрозил, говорится в романе: передайте капитану, что «он раскается, но поздно, в своем труполобии» (3).

Судя по всему, чудовищный торг мертвыми головами имел значительное распространение в Кавказской войне. Не случайно незадолго до выхода романа Лачиновой, П.П. Каменский написал на эту же тему повесть «Мертвые головы или русские в Чечне» (1841 г.), о чем будет сказано ниже. Коснулся этого же вопроса в конце XIX в. даже Л.Н. Толстой, который, надо полагать, был знаком с вышеназванными произведениями Каменского и Лачиновой. Говоря о военных дейст-

1 *Проделки на Кавказе. Сочинения Н. Хамар-Дабанова. — СПб. 1844. С. 123-124.*

2 *Там же. С. 124.*

3 *Там же. С. 158.*

36

виях русских против Шамиля в середине XIX в.. Л.Н. Толстой в «Хаджи-Мурате» описывает сцену, в которой офицер Каменев с казаком появляются с отрезанной головой Хаджи-Мурата в мешке (1).

Е.П. Лачинова в своем романе подходит к зарисовкам быта и нравов кавказских народов достаточно объективно. Образ знаменитого Али-Корсиса (черкесского разбойника) нарисован автором реалистическими красками. Али-Корсис — большой разбойник, но считается «порядочным» и «благородным». К нему обращаются, когда предстоят сложные и опасные разбойничьи операции. Он честно торгуется, берет определенную сумму за услуги, но не подведет, не обманет. Так и на этот раз. Он согласился за очень умеренную сумму украсть черкешенку Куллу для черкеса Пшмафа — офицера русской армии. Капитан Пустогородов, характеризуя этого разбойника, говорит: «Я всегда рад буду Али-Корсису; несмотря на то, что он разбойник и враг в поле, дома он благонравен, верен своему слову, помнит хлеб-соль, уважает дружбу: это не европейский разбойник, у которого нет ничего святого. Я еще не встречал между черкесов примера личного коварства или постыдного душегубства. Мне самому желательно покуначиться с этим замечательным вором... Я люблю их дикую честность! Возьмите черкеса, разберите его как человека — что это за семьянин! Как набожен! Он не знает отступничества, несмотря на такие обряды своей веры. Как он трезв, целомудрен, скромен в своих потребностях и желаниях, как верен в дружбе, как почтителен к духовенству, к старикам и родителям! О храбрости нечего и говорить — она слишком известна... Черкесов укоряют в невежестве; но взгляните на их садоводство, ремесла, особенно в тех местах, где наша образованность не накладывала просвещенной руки своей, и вы согласитесь со мною, что они не такие звери, какими привыкли мы их почитать» (2).

1 *Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат: // Собр. соч. в 22-х тт. Т. XIV. — М. 1983. С. 128.*

2 *Проделки на Кавказе. Сочинение Е. Хамар-Дабанова. — СПб. 1844. С. 202-203.*

37

На вопрос полковника (собеседника), почему же они, черкесы, не прислушиваются к призыву «милостивого царского правительства», капитан отвечает, что царское правительство «...нередко доверяет влияние на них (горцев. — А.П.) таким людям, которые думают о своем обогащении, грабят их, ссорят, подкупают руку сына против отца, жены против мужа...» (1).

Нетрудно заметить, что в уста главного героя романа автор вложил здесь идеи декабристов (в особенности А.А. Бестужева-Марлинского) по кавказскому вопросу, хотя в несколько завуалированной форме.

Роман «Проделки на Кавказе» поднимает ряд трагических вопросов, имевших место на Кавказе. Автор уделяет также много страниц и работоторговле. Разбойник Али-Корсис был вызван в один черкесский дом. Сели за стол, едят. Завязался разговор. «Зачем наказывал ты мне непременно приехать. Что тебе надобно?» — спросил разбойник у хозяина. «Собственно, мне ничего не нужно, — ответил хозяин, — но вот мой гость (указывает на человека средних лет, сидящую у пылающего камина) — убыхский армянин, имеет надобность к тебе: из Стамбула прибыли чектирмы (турецкие круглодонные небольшие корабли. — примеч. автора), а груза у него мало, между тем цены высоки: пришлось тебя просить достать пленных» (2).

«Вот и очень кстати, — сказал Али-Корсис, — у меня есть два мальчика, белые и свежие, словно кровь с молоком, да одна девочка, правда, еще мала — не узнаешь, что выйдет. Впрочем, должна быть хорошей породы — кожа нежная, глаза большие, лоб открытый. Но подожди, кунак, на днях у меня будет из чего выбрать, только не скупись твой гость, пускай он скажет, что ему нужно, мужского или женского пола, малого или большого возраста и роста» (3).

1 *Проделки на Кавказе. Сочинение Е. Хамар-Дабанова. — СПб. 1844. С. 204.*

2 *Там же. С. 222.*

3 *Там же. С. 222-223.*

38

Так спокойно и беззастенчиво мог идти торг людьми, словно речь шла о животных. Это позорное занятие имело место на Кавказе среди всех народов, в особенности на восточном побережье Черного моря.

Е.П. Лачинова не упустила из виду трагические события, происходившие в Кавказской войне XIX в., и смело отразила их в своем романе, за что она оказалась в немилости царского правительства.

Роман «Проделки на Кавказе», как подчеркивает А.Титов, действительно незаслуженно забыт (1). В нем, как уже сказано, отразились дикий произвол, продажность, бездарность, невежество и другие жестокости царских администраторов на Кавказе. Лачинова сумела обнажить политику царского правительства по отношению к «малым» народам, политику враждебности и разжигания национальной ненависти, конец которой был положен лишь Советской властью, хотя эту власть сейчас все критикуют.

Таким образом, выдающийся деятель и просветитель, замечательный русский писатель, единомышленник К.Ф. Рылеева, друг А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова — А.А. Бестужев-Марлинский — на Кавказе не только развернул свое литературное творчество, он стал активно пропагандировать среди писателей и других общественных деятелей прогрессивные идеи, связанные с русско-кавказской проблемой. В этом отношении есть основание говорить о литературной школе А. Бестужева. Творчество русских писателей — П.П. Каменского, И.И. Савинова, Вас. Ив. Немировича-Данченко и др., которое будет

рассматриваться в следующих главах работы, также подтверждает эту мысль.

1 Титов А. А. Бестужев — герой забытого романа. // Ж. «Русская литература». 1959. № 3. С. 133.

39

§ 3. П. П. Каменский и его повесть «Келиш-Бей»

В апреле 1837 г. А.А. Бестужев, прочитав новую повесть П.П.Каменского «Келиш-Бей», писал своему брату Павлу: «Кланяйся Каменскому, читал я его Келиш-Бея — недурно, только зелено и через-чур пахнет поэзою в «Дон-Карлосе» (1).

«Интересна фигура Павла Каменского», — пишет В.Шадури. И, действительно, Павел Павлович Каменский (1812 — 1870 гг.) (2) — автор многих произведений, чаще на кавказские темы, был в свое время популярным писателем. Биографические сведения о П.П.Каменском весьма скудны. Известно, что в сентябре 1828 г. он поступил на словесное отделение Московского университета, где оказался университетским товарищем В.Г. Белинского (3). В университете он также был знаком с А. Герценом, Н. Огаревым, Я. Костенецким и другими. П.П. Каменский участвовал в известной «Маловской истории», за что отбывал наказание вместе с А. Герценом в карцере (4). По словам Я.Костенецкого, «за какие-то свободные разговоры» П.П. Каменский был удален из университета и послан в военную службу на Кавказ в Грузинский гренадерский полк (5), где стал

1 «Отечественные записки». 1860. Т. 131. № 7. С. 75.

2 Годы жизни П.П. Каменского не совпадают в различных материалах. Так, например, в летописи Гослитмузея (№ 9. 1948. С. 147) указаны: 1814-1871 гг.; там же, на с. 244 даны: 1810-1875 гг.; а в Библиографическом словаре университетских товарищей Белинского (Литературное наследство. Т. 56. — М. 1950. С. 428) даются 1812-1870 гг.

3 Гурьянов В.П. и Сорокин В.В. Биографический словарь университетских товарищей Белинского. // Литературное наследство. Т. 56. — М. 1950. С. 128, 422.

4 Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах. Т. 8 (Былое и думы). С. (422), 121, 456.

5 Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. / Русский архив. — М. 1887. № 1. С. 109. А по сведениям других авторов П.П. Каменский оставил университет добровольно и удалился служить на Кавказ (см.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 27. 1895. С. 172; Каменская М.Ф. Воспоминания М.Ф. Каменской. // Исторический вестник. № 10. Т. 59. 1894. С. 55.

40

закадычным другом Марлинского» (1). Умер он в 1870 или в 1870-х гг., по-видимому, в полной нищете (2).

Жизнь и творчество П.П. Каменского недостаточно изучены. Нам удалось собрать из различных изданий следующие его произведения: роман «Искатель сильных ощущений» (в трех частях) — 1839 г., повести: «Келиш-Бей» — 1837 г., «Майко» — 1838 г., «Гмелин» — 1838 г., «Конец мира» — 1838 г., «Князь Бекович-Черкасский» — 1839 г., «Рассказ грека» — 1839 г., «Иаков Моле» — 1841 г., «Мертвые головы или русские в Чечне» —

1841 г., «Фультон» — 1855 г. и др. П.П. Каменский известен и как драматург. В репертуаре русского театра значатся его пьесы: «Розы и маска» — 1841 г., «Мария де Падиля» 1841 г., «Великий актер» — 1842 г., «Давид Кленгор» — 1844 г., «Братья» — 1847 г. Перу Каменского также принадлежат несколько превосходных литературных очерков: «Мастерские русских художников» (цикл статей о художниках) — 1839 г., «Алексей Егорович Егоров» — 1852 г., «Макреди как актер и толкователь Шекспира» — 1852 г., «О Степане Разине» — 1837 г.

В 1837 г. молодой писатель П.П. Каменский, вернувшись с Кавказа, женился на дочери известного художника и весьма влиятельного графа Ф.П. Толстого, перед талантом которого преклонялся даже сам олимпиец Гете, писавший русскому художнику лестные письма (3). В доме Ф.П. Толстого устраивались литературные вечера. Здесь бывал знаменитый художник К. Брюллов, близок был к этому дому ученик К. Брюллова, украинский народный поэт, художник и мыслитель Тарас Шевченко. Ф.П. Толстой, который «по показанию Пестеля и других декабристов был членом и председателем Коренной думы и находился на совещании оной в 1820 г., где

1 Каменская М.Ф. Воспоминания М.Ф. Каменской. // Исторический вестник. № 10. Т. 58 1894. С. 55.

2 Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. // Русский архив. М. 1887. № 1. С. 110.

3 Панаев И.И. Литературные воспоминания, с приложением писем разных лиц. // Собр. соч. Т. 6. — М. 1912. С. 115.

41

держал сторону республиканского правления» (1), был профессором медальерного искусства и скульптуры, занимал должность вице-президента академии художеств.

Молодой П.П. Каменский влился в литературный мир столицы, который был тогда разделен на два лагеря — лагерь литературы Ф. Булгарина-Сенковского и лагерь передовой общественной мысли, возглавляемый «Современником». Судя по тематике, отразившейся в литературном наследстве, и по свидетельству современников, политические и общественные взгляды П.П. Каменского были передовыми, что не по душе было писателям типа Булгарина, которые, всячески заискивая перед тестем П.П. Каменского, стремились перетянуть молодого писателя на свою сторону. Именно поэтому они не в меру хвалили талант П.П. Каменского в печати. Этому свидетельствует и письмо Ф. Булгарина Ф.П. Толстому от 21 апреля 1838 г., где автор письма, рассыпаясь перед талантом П.П. Каменского, советует графу внушить своему зятю найти литературных советников в лице самого Булгарина и Греча. «Все эти Одоевские с братиею пигмеи перед твоим Каменским. У него в мизинце больше таланта, чем во всех этих головах», — писал Булгарин Ф.П. Толстому. «Отныне участь Каменского решена, — продолжает автор письма, — он перешел через Рубикон и будет в Капитолии, если пойдет истинным путем...» (2). По Булгарину, истинный путь — это, конечно, путь самого Булгарина. «Спасай его, ибо есть еще время» (3), — заканчивал свое лицемерное послание один из самых опытных литературных дельцов того периода.

Вполне возможно, что сети, расставленные литературными дельцами, и привели П.П. Каменского в 40-е годы служить цензором по части драматургии в III отделении. К сожа-

1 *Восстание декабристов. Т. 8. С. 185 (цит. по: Шадури В.С. Декабристская литература и грузинская общественность. — Тбилиси. 1958. С. 226.*

2 *Каменская М.Ф. Воспоминания М.Ф. Каменской. // Исторический вестник. № 10. Т. 58. 1894. С. 633.*

3 *Там же.*

42

лению, творчество П.П. Каменского и архивная документация цензуры в период его службы, насколько нам известно, не изучены, но, несмотря на явные лишь отрицательные отзывы со стороны представителей передовой общественной мысли (в особенности В.Г. Белинского), мы не находим ни одного сколько-нибудь недружелюбного выпада со стороны П.П. Каменского в адрес литераторов, плохо отзывавшихся о нем, хотя он имел к этому все возможности.

В.Г. Белинский вел непримиримую борьбу, с одной стороны, с официальной литературой, а с другой — с романтизмом (в том числе с романтическими произведениями А.А.Бестужева), чтобы открыть широкую дорогу гоголевскому направлению. Этим, отчасти, можно объяснить неоднократные отрицательные отзывы великого критика на сочинения П.П. Каменского — последователя романтической школы А.А. Бестужева. Вопрос оценки творчества П.П. Каменского В.Г. Белинским выходит за рамки нашей темы. А что касается той части творчества писателя, где отразились вопросы, связанные с Абхазией, то здесь нужно отметить правдивость и точность изображения жизни горцев.

Следует подчеркнуть еще, что, по свидетельству многих современников, П.П. Каменский прожил всю свою жизнь в материальной нужде. Помимо мемуарной литературы, говорящей об этом, нам удалось найти в высшей степени интересное письмо одного из друзей П.П. Каменского — Я.М. Неверова, того самого Неверова, который некогда познакомил П.П. Каменского с домом Ф.П. Толстого. В этом письме, адресованном П.Н. Грановскому, Я.М. Неверов пишет: «Положение Каменского тяжко. Ничего не имея сам, он должен содержать жену, мать, сестру, дочь (1) и меньшого брата в университете. Живя

1 Кстати, дочь П.П. Каменского — А.П.Барыкова (1839-1893) — известная поэтесса, литературная деятельность которой развивалась под влиянием поэзии Н.А. Некрасова и революционного движения народников. Ее сатирические стихи («Песнь торжествующей свиньи» и др.), бичующие самодержавие, пользовались большой популярностью среди революционно настроенной молодежи в 70-х и 80-х гг. XIX столетия (см.: Русские писатели. Биографический словарь. — М. 1971. С. 173-174).

43

всей этой свитой в доме... (неразборчиво, возможно, тестя. — А.П.) он, вследствие постоянных маневров... (неразборчиво: умрет, погибнет (?). — А.П.), сохранял внешнее согласие, но молодая мачеха, жена графа не ладит с Каменской, сестра графа с Марией Каменской, и он бедный так страдает!»[9] Письмо датировано 3 июня 1839 г.

По сообщению В.С. Шадури, П.П. Каменский на Кавказе дружил с декабристами и являлся, по некоторым сведениям, членом «нового общества», документы о котором еще

не удалось найти (2).

Как художник П.П. Каменский наблюдает, изучает историю, быт и нравы кавказцев. Возвратившись в Петербург в 1838 г., он издает два тома повестей и рассказов из кавказской жизни. Пишет очерки о художниках: Н.И. Уткине, о скульпторе Демуте-Малиновском и др. В 40-х гг. обращается к драматургии на самые разнообразные темы. В 1852 г. П.П. Каменский напечатал в журнале «Пантеон» очерк «Алексей Егорович Егоров» (3), который, по нашему мнению, заслуживает серьезного внимания. Очерк этот назван автором почему-то статьей, но по жанру это произведение, несомненно, является литературно-художественным очерком. Здесь есть что-то и от физиологических очерков представителей натуральной школы 40-х гг., что-то и от Н.В. Гоголя, обратившегося к маленькому человеку, и т.д. П.П. Каменский скупыми штрихами и с большой теплотой очертил портрет талантливого и скромного русского художника, автора свыше сотен картин, каковых немало было в России, но которых, как правило, не замечали.

-
- 1 Неверов Януарий Михайлович. Письма к Грановскому Т.Н. Отдел рукописи Гос. библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Фонд № 84. Т.Н. Грановский. Картон 3. Ед. хр. № 25.*
2 Шадури В.С. Декабристская литература... С. 222-226.
3 Каменский П.П. Алексей Егорович Егоров. // «Пантеон». Журн. литературно-художественный. Т. 2. Кн. 4. 1852. Отд. 2. С. 9-18.

44

В очерке «Макреди как актер и толкователь Шекспира» (1) П.П. Каменский также обращается к жизни и творчеству великого актера Англии Макреди, незаслуженно забытого в европейском обществе.

Для характеристики творчества П.П. Каменского хочется остановиться еще на одной повести на кавказскую тему. Речь идет о повести «Мертвые головы или русские в Чечне», которая вышла в сборнике «Сказка за сказкой» в 1841 г. (2). Повесть состоит из четырех глав (Дервиш, Побег, Русские в Чечне и Мертвые головы). В первых двух главах П.П. Каменский убедительно показал картину зарождения мюридизма на Кавказе (в Чечне и Дагестане) в 20-х и 30-х гг. XIX в. Основатели мюридизма в повести действуют убеждением, золотом, обещаниями и всякого рода злодейскими фокусами, используя сильный яд, при помощи которого мгновенно умерщвляли людей.

Используя внутренний монолог, автор раскрывает далеко идущие планы главарей этой секты, стремившихся возглавить протест горцев против экспансии русского царизма, а также ханов-предателей, служивших царизму. Джеляль-Эддин (основатель мюридизма по повести) сумел завербовать пока лишь троих. «Три пока не более...», — думал Джеляль-Эддин: «Но мои арабские таблицы у меня в мешках; с ними я доведу счисление до тысячи тысяч... Кавказ узнает меня, а с него видны и другие страны света...» (3). Так было в начале, как объясняет автор, но позже к этой вере хлынули толпы приверженцев.

В четвертой главе повести мы встречаемся с торговлей мертвыми головами, о чем позже уже подробнее стали писать и другие авторы. По-видимому, этот дикий промысел имел довольно большое распространение в Кавказской войне, как об этом отмечала и Е.П. Лачинова в своем романе. Судя по

1 Каменский П.П. Макреди как актер и толкователь Шекспира. // «Пантсон». Журн. литературно-художественный. 1852. Кн. 3. Отд. 2. С. 1-14.

2 Каменский П.П. Мертвые головы или русские в Чечне. // Сказка за сказкой. Т. 1. — СПб. 1841. С. 281.

3 Там же.

45

всему, тема эта являлась волнующей темой разговоров в кругу друзей А. Марлинского, что и нашло свое отражение в интересующей нас повести (1841 г.) П.П. Каменского еще до выхода романа Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе» (1844 г.).

В указанной главе П.П. Каменский повествует о том, как Аслан-Хан Казы-Кумыкский (в Чечне) обещает заплатить сто червонцев за голову Джеляль-Эддина (основателя мюридизма по повести), бежавшего с наложницей Аслан-Хана. Генерал Лихачев, командовавший в этой экспедиции, соблазнившись обещанной суммой, решает дать бой аулу «Атага», где засел Джеляль-Элдин, и при помощи артиллерии сравнивает все с землей. Солдат, который был послан Лихачевым доставить голову уже мертвого Джеляль-Эддина, хорошо усвоил правило о том, что можно заработать за каждую мертвую голову, принес в мешке не только голову Джеляль-Эддина, но прихватил с собой и головы Зюльмы и ее ребенка, т.е. сына самого Аслан-Хана, некогда сожительствовавшего с Зюльмой.

Этот трагический эпизод описывается так: генерал Лихачев, пытаясь скрыть свою преступность, нападает на Аслан-Хана: «Хан! Это ваше дело, ваша повестка — посмотрите сюда...», — закричал Лихачев и сдернул мешок. Хан задрожал. Три головы: Шейха, Зюльмы и ее ребенка лежали рядом перед ним.

«Вы обещали сто червонцев за одну, вам услужили тремя... Заплатите же за все, не то вы будете мало того что злодеем, но и бесчестным негодяем в глазах моих, да и кажется каждого честного человека. Переводчик, переведи ему слова мои» (1).

«Плачу! Плачу! — закричал Аслан-Хан в отчаянии. — Замолчи только...», — и, схватив головы Зюльмы и ребенка, он бросился к своей палатке.

«А Шейха! Голову Шейха! — кричал вслед воин, — неужели вычтешь, Хан?.. Хоть повесят, а все-таки плати за все три...».

1 Каменский П.П. Мертвые головы или русские в Чечне. // Сказка за сказкой. Т. 1. — СПб. 1841. С. 301.

46

И мясник-воин, как совесть, как преследующий демон, побежал за Аслан-Ханом» (1).

Прочитав эту повесть, В.Г. Белинский написал: «Несмотря на всю напряженность внимания, с каким мы заставили себя прочесть... мы ровно ничего в ней не поняли...» (2).

Великий критик, несомненно, прав, касаясь художественной стороны повести, так как действительно слог П.П.Каменского оставляет желать лучшего, как и отмечали многие

критики. Однако В.Г. Белинскому, возможно, не были известны все ужасы Кавказской войны, что могло помешать ему уловить идею, которая была заложена в интересующей нас повести, тем более что по цензурным соображениям указанная мысль выглядит в повести несколько в завуалированной форме.

В 1839 г. вышел в свет объемный роман (в трех частях) П.П. Каменского «Искатель сильных ощущений», отрывки которого тогда уже публиковались в двухтомнике повестей и рассказов (1838 г.) этого же автора.

Роман является сатирическим, хотя сатира, ярко проявленная в первых главах, постепенно приобретает серьезный рассудительный тон повествования. По всей вероятности, автор стремился отразить в романе жизнь и характер современного ему молодого человека. Главный герой романа — Павел Энский — скучает, хандрит, не находит себе дела. Энский бежит от столичной пошлости, надеясь попасть в мир иной, но ошибся, его и на Кавказе (где он странствует) преследуют интриги, сплетни, обман и т.п. злословия, которыми занято разложившееся офицерство русской армии. Первые главы романа немного напоминают пушкинского Онегина. Энский скучает, как Онегин; путешествует по Кавказу и ищет смерти, как Печорин; любопытно, что душа его неизлечимо болезненна, как у героев Ф.М. Достоевского.

1 Каменский П.П. Мертвые головы или русские в Чечне. // Сказка за сказкой. Т. 1. — СПб. 1841. С. 301-302.

2 Отечественные записки. Т. 20. 1842. Отд. 4. С. 5.

47

Вот, например, письмо Энского к своему петербургскому другу Леониду: «Я бежал на Кавказ, думал, что здесь лучше. Ах, как ошибся! Я подвергнулся под самый клюв врана прометеева. Мучения и терзания мои утроились... Ах, Леонид, если бы ты мог видеть меня в ту минуту: ты из сострадания, из человеколюбия пристрелил бы меня. Пойди в любую из больниц, в ту палату, где недуги и мучения догладывают свои жертвы, в палату агонии, совокупи их в одно, направь их жало на одно тело — и ты увидишь твоего Павла, бедного Павла, пожираемого недугами души и сердца!» (1).

Этот крик души может служить ключом к анализу всего романа. Начитанного, умного и мыслящего П.П. Каменского, вращающегося среди декабристов, несомненно волновали политические и социальные вопросы России. Он не мог не видеть, что нет никакого спасения от царского режима. Энский бросился в чужие края, но и там его душил атмосфера продажности и подлости администрации царской армии на Кавказе.

Одним из вопросов, волновавших передовое общество тогдашнего Кавказа, является вопрос об отношении России к кавказским народам. Точка зрения декабристов по этому вопросу ясна. Они считали, что присоединение Кавказа к России — прогрессивное явление, но ими осуждался истребительный метод ведения войны царскими колонизаторами. Некоторые страницы романа свидетельствуют о том, что П.П. Каменский, кроме того, обращал внимание и на психологическую сторону горцев, т.е. на вопрос о том, как житель Кавказа может воспринять ту цивилизацию, которую несет ему русское общество. Для решения этого интересного вопроса, главный герой романа, Энский, воспитывает Мурата (кумыка — «чистого», не испорченного цивилизацией, азиата) на европейский лад, ведет за ним наблюдения (2), хотя это было использовано клеветниками среди офицерства (Лопец, Хвалынский и др.) против Эн-

1 Каменский П. П. *Искатель сильных ощущений. Ч. I.* — СПб. 1839. С. 274-278.
2 Там же. Гл. IV, Гл. XXVIII.

48

ского (1), что и привело в конце концов к предательскому убийству последнего (2).

Этот эпизод имеет под собой реальную почву. Русский офицер Ф.Ф. Торнау (современник П.П. Каменского), оставивший немало ценных мемуаров о Кавказе и кавказцах, сообщает следующее: «Тифлисское общество вообще очень разбогатело людьми, с которыми приятно было жить... На Эриванской площади жили... Павел Бестужев и Каменский с молодым красивым кумыкским князем Мусса-Хасаем, которого они взяли воспитывать на европейский лад...» (3).

Именно этот случай получил отражение в романе. Кумыкский князь выступает в романе под именем Мурат, над которым Энский ведет наблюдения, воспитывая его в духе Европы.

Во второй части романа Энский попадает в дом кутаисского князя Гурители, где прожил несколько месяцев. Туда из Тифлиса неожиданно приезжают товарищи Энского по службе: Хвалынский (клеветник и интриган), бывший воспитанник Энского — Мурат, абхазский князь Девлет-Бей Келасурский и др.

Между сторонником колонизации Кавказа Хвалынским и защитником прав кавказцев Энским происходит следующий диалог. Хвалынский, проектируя в уме захват чужих земель, с важным видом знатока рассуждает: «Образуем Мингрелию, устроим из нее цветущую колонию... тогда подберемся к Абхазии, возьмемся за подвиг ее преобразования и, имея таких прекрасных помощников как князь (абхазский князь Девлет-Бей. — А.П.), подадимся вперед, охватим весь берег Черного моря, проложим дорогу, учредим третий путь

1 Каменский П.П. *Искатель сильных ощущений. Ч. III. Гл. XXVIII. С. 178-188.*
2 Там же. Гл. XXX. С. 260-261.

3 Торнау Ф.Ф. *Воспоминания о Кавказе и Грузии. // Русский вестник. Т. 80. Кн. 4. 1869. С. 700.*

49

свободного сообщения с Россией. Тогда Кавказ, как бы стиснутый в наших объятиях, поневоле должен будет сдаться...» (1).

Энский, отражая мнение автора, с иронией отмечает, что поверил бы этому проекту, если бы русские уже целое столетие не владели Каспийским берегом, вовсе не собираясь его преобразовывать (2). «...Мечта мифического процветания, — продолжал Энский, — и убедила бы меня в невозможности попытки еще раз устроить из них (прибрежных жителей. — А.П.) колонию и возобновить их цветущее состояние» (3). Обитатели равнины, плоскостей и побережья «подавлены грудой веков и массой народов, — возражает Энский, — которые теснили, управляли, портили их каждый по своему и теперь

истощенные, ни на что не способные, живут лишь подаянием природы и тех, кои готовы пожалуй бросать миллионы, мечтая осуществить несбыточную фантазию, или затею какого-нибудь хитреца, руководимого верным расчетом, в мутной воде выудить рыбу...» (4).

Не дав договорить Энскому, Хвалынский поспешил: «Да, уж как хотите Энский, я понимаю, на кого вы метите... посмотрим, что вы скажете, когда Потти вдруг преобразится в Одессу, по Риону закурятся пароходы...» (5).

Хвалынский, конечно, понял, что Энский метил именно в чиновников царского самодержавия, которые стремились на Кавказскую войну, руководимые страстью наживы и получения высоких чинов за счет поголовного истребления горцев Кавказа.

Немало страниц в романе об Абхазии и абхазах. П.П. Каменский хорошо знал Абхазию, быт и нравы ее народа, ее историю с древнейших времен. Большой интерес представляет 26 глава третьей части романа, целиком посвященная Абхазии. В начале главы автор любуется природой Абхазии.

1 Каменский П.П. Искатель сильных ощущений. Ч. 2. СПб. 1839. С. 141.

2 Там же. С. 141-142.

3 Там же. С. 142-144.

4 Там же. С. 144.

5 Там же. С. 138.

50

Непроходимые леса. Орехи, каштаны, обвитые лозой дикого винограда, кусты лавра, кипарисы и другие субтропические растения, чем так богата Абхазия, теснят путника, пробирающегося по тропинке. «Часто проезжая абхазскими лесами, — пишет автор, — не понимаешь, как попал среди их: так недоступна, величава их наружность» (1).

По описанию видно, что абхазский князь Девлет-Бей с Муратом, следующие верхом из Кутаиса, пробираются сквозь чащу леса по тропинке, ведущей в сторону Келасура, где находится имение князя Девлет-Бея. Мы застаем всадников где-то между современным городом Очамчыра и рекой Кодор.

«— Чу, загремел! — сказал Девлет-Бей.

— Что это? — спросил Мурат.

— Кодор.

И приударив коней, горцы поскакали к обычной переправе через одну из быстрейших и замечательнейших рек Абхазии» (2).

Всадники благополучно переправились через все рукава Кодора, поднялись «по излучистой тропинке на гору, слезли с коней и дали отдохнуть им на площадке монастыря Дранды» (3). Завернувшись в бурки, два горских князя, отдыхая на траве, беседуют между собой. Мурат является представителем Северного Кавказа (Чечни), а Девлет-Бей — представитель абхазской знати. Их волнует вопрос политической ориентации; какую

позицию занимать в этом водовороте, как вести себя с русскими.

«Нет, Девлет-Бей, не хвали мне русских: душа не лежит к ним!» — заговорил Мурат. Он признался, что любил лишь одного Энского, но и тот обидел его, за что рано или поздно он (Мурат) должен отомстить ему.

1 Каменский П.П. *Искатель сильных ощущений. Ч. 2. СПб. 1839. С. 138.*

2 Там же.

3 Там же. С. 140.

51

Мурат молод, коварен; методы его борьбы с врагами предательские. Его отношения к русским формировались под влиянием клеветников Лопец и Хвалынского, по наущениям которых и стал Мурат непримиримым врагом, а позже и убийцей Энского.

Если Мурат по молодости еще горячится, активно собирается мстить русским, то опытный абхазский князь Девлет-Бей избрал уже иной, менее опасный путь: он приспособливается к обстановке и советует Мурату не выступать открыто, предостерегая его от опасностей.

Непринужденная беседа продолжается на площадке монастыря Дранды: «И все-таки не отвертись от петли, — сказал Девлет-Бей, — или как Амалат-Бек сгинешь без вести». «Амалат дурак, — перебил Мурат, — он хвастал, а не мстил так, как надобно; мсти без огласки, выждав случай» (1). А чтобы избежать виселицы, Мурат считает, что он может скрыться в горах: горы велики, и они надежно спрячут его.

«Так, Мурат, да прятаться-то скучно, а не лучше ли жить с ними и на их же счет кутить на свободе? — Ненавязчиво объясняет Девлет-Бей. — Идет отряд, я выеду к нему навстречу с покорностью и почтением, а отобьется один, другой рекрут — в кирджим (небольшое судно. — примеч. автора) и к туркам; надобно же прибрать отсталого... Послушай, Мурат, я был также молод как ты, пылок, рос на глазах отца, которого боялись и горы, и люди, и черти, и был потом правою его рукою в деле, но когда скрутили зверя, выстудили огонь и жар на русском морозе, я взялся за ум, вернулся к себе и поклялся в душе не заирать их; свез свою родовую шашку в горы, отдал ее своему зятю, проговорив: «Тешься, друг, ею! Она в ножнах, любит волю, любит кровь, а мне уж негде гулять с нею: ты в горах, я на равнине; ты в гнезде, я на тычке. Прощай! И с той поры я живу мирно, дружусь с ними и, поверь мне, свободен не меньше, и обидеть себя не дам им, сре-

1 Каменский П.П. *Искатель сильных ощущений. Ч. 3. СПб. 1839. С. 143-145.*

52

ди их же найду расправу, а когда заговорит удаль, под старость захочу поменяться пулей — чалму долой, простую баранью шапку, верблюжью абхазку, виптовку в руки! На завал! Пируй душа, как пировала ты на Сухумском завале!.. Вот так иди Мурат, поверь мне — спасибо скажешь» (1).

Молодой горец не принимает советов Девлет-Бея. Он верен своим рассуждениям. Пылкий темперамент толкает его пойти даже на службу к русским, войти в доверие, после чего, по его мнению, можно будет мстить им жестоко; первый свой подвиг он совершит над Энским, хотя и Хвалынский, по его словам, не уйдет от него.

Побеседовав на лоне природы, всадники поднялись и направились по дороге от Дранды к Келасуру.

Разговор продолжался. Девлет-Бей вспоминал «дела минувших дней». «Абхазия, брат, бельмо на глазу русском, — говорил он, — ...подавай только другого Келиш-Бея» (2).

Мурат уместно упрекнул абхазского князя: «Эх, Девлет-Бей, ну что ты меня морочишь! Хвалишься человеком, а сыну, который убил его, помогал возмущать Абхазию позже; знаем, брат, все дела...» (3).

«Знаешь, так молчи: мертвого не поднимешь, а не желать прибрать к рукам стада, которые он гонял смело и славно при жизни, опять было бы глупо: вот отчего я помогал Аслан-Бею. Да и что такое? Сын убил отца? Разве впервые между нами? — и видно, что набрался русского духа, что колешь мне глаза участием в отцеубийстве; заодно с ними смущаешься при этом слове только, а что мать отравила старшего сына, чтобы дать право владеть княжеством меньшому, так...» (4). Не докончив свою мысль, Девлет-Бей остановился, как бы испугавшись нехотелости высказанной своей тайны; по-видимому, им овладели

1 Каменский П.П. *Искатель сильных ощущений*. Ч. 3. СПб. 1839. С. 148.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же. С. 148-149.

тяжелые воспоминания. Он ударил коня нагайкой и вихрем полетел. Мурат скакал за ним. Так они доехали до Келасура, куда пригласил Девлет-Бей Мурата погостить на короткое время.

Образ абхазского князя Девлет-Бея верно схвачен П.П. Каменским. В XIX в., после присоединения Абхазии к России, многие из верхушки абхазской знати, с одной стороны, не имея поддержки народных масс, не могли уже противостоять экспансии царского самодержавия; а с другой стороны, они, не желая уступать свое «право» эксплуатации народа чужестранцам, вели посильную подрывную борьбу против царской армии. Этим феодалам чужды были интересы своего народа, хотя они вовсе не собирались отказываться от его социального грабежа.

Девлет-Бей — один из таких колеблющихся между русской и турецкой ориентациями. Он при удобном случае будет возмущать абхазов против русской колонизации или же против турецких захватчиков, когда ему это выгодно. Девлет-Бей припеваючи живет в своем имени, украдкой занимается работоторговлей. Царская администрация не трогает его, в свою очередь надеясь использовать его против самих абхазов; он не побрезгует и пойдет на это. В свое время он помогал Аслан-Бею в убийстве его отца, Келиш-Бея, имевшего русскую ориентацию против Турции.

Таким образом, Девлет-Бей в романе играет роль ярого предателя абхазского народа.

Любопытно, что П.П. Каменский обнаруживает подробнейшее знание не только истории Абхазии, но и местностей, где происходят те или иные действия в романе. Почти документально описан путь следования Девлет-Бея с Муратом на территории Абхазии. Читая роман, можно живо представить всадников, пробиравшихся по густым лесным зарослям в местностях: Тамыш, Кындыг, Кодор, Дранда и т.д., где, к сожалению, в наше время не увидишь ни одного деревца. В то время в тех краях был сплошной непроходимый лес.

54

Исторические события тех военных времен разворачивались следующим образом. Для укрепления своего влияния на Черноморском побережье «высочайшим повелением» было дано указание провести дороги с укреплениями вдоль по всему побережью и тем самым лишить горцев связи с Турцией, откуда они получали порох, оружие и другое снаряжение обычно взамен рабов.

16 августа 1834 г. Грузинский гренадерский полк (в том числе и Абхазский отряд), в котором, как известно, служил П.П. Каменский, был направлен на восточный берег Черного моря. Путь следования полка лежал от Кутаиса по диким местам, покрытым вековыми лесами, до местечка Бомбора в Абхазии. К 25-му августа полк был в Абаше, 9-го сентября Абхазский отряд был в селе Елыр, а 29-го сентября отряд остановился в Драндах, где он соорудил укрепление, строительство которого продолжалось до 19-го октября. В Бомбору прибыли уже 24-го октября.

Строительные работы в Абхазии заняли весь 1834 и большую часть 1835 г. Дороги были доведены до Гагры. Рапорт генерала Ахлестышева, командовавшего Абхазским отрядом, свидетельствует о тех трудностях, которые перенесли солдаты указанных подразделений. «Я сделал кампании 1812, 1813, 1814 гг., всю минувшую турецкую и польскую, но никогда не встречал столько трудностей, как теперь» (1), — писал генерал своему начальству. Грузинский гренадерский полк настолько пострадал в результате этих работ, что болезнь стала беспощадно косить людей.

П.П. Каменский и П. Бестужев были участниками этой абхазской экспедиции. Следовательно, описываемые в романе места П.П. Каменский знал не по рассказам или книгам, а сам лично прошел в тяжелых бездорожных условиях. Кроме того, по всей вероятности, П.П. Каменский лично был знаком с некото-

1 Махлаюк Н.П. Боевая летопись 14-го Гренадерского грузинского полка. — Тифлис. 1900. С. 138-146.

55

рыми абхазами, иначе трудно объяснить большой интерес, проявленный им к абхазам, и его глубокие знания истории Абхазии.

К сожалению, пока еще не удалось найти документов, прямо подтверждающих эту мысль, но имеются многочисленные косвенные доказательства, говорящие о том, что П.П. Каменский знал среди абхазов и С.Т. Званба, и Н.Н. Шакрыл, и Д.Г. Шервашидзе, и

других своих абхазских современников.

Известно, например, что С.Т. Званба в 1834 и 1835 гг., также как и П.П. Каменский, участвовал в строительстве дорог в Абхазии, за что был награжден орденом Св. Станислава 4-ой степени (1). А Н.Н. Шакрыл и Д.Г. Шервашидзе были тесно связаны с С.Т. Званба (2). Русский офицер Ф.Ф. Торнау, хорошо знавший П.П. Каменского, прекрасно знал и любил Н.Н. Шакрыл, который со своим ближайшим другом С.Т. Званба находился при дворе владетеля Абхазии в качестве переводчика и проводника (3). И, наконец, С.Т. Званба служил в одной части с А.А. Бестужевым-Марлинским; они вместе участвовали в экспедиции на Цебельду и Дал, а затем на мыс «Адлер», где погиб Марлинский (4).

Следовательно, «закадычный друг Марлинского» (5) П.П. Каменский не мог не знать С.Т. Званба, долго служившего с Марлинским в одной части. С.Т. Званба часто печатался в «Кавказе», где П.П. Каменский также мог знакомиться с его этнографическими этюдами и другими материалами.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что большой интерес к Абхазии и глубокое знание ее истории писателем П.П. Каменским следует отчасти объяснять знакомством и контактами в 30-х гг. XIX в. между абхазскими деятелями культуры и автором повести «Келиш-Бей».

1 Дзидзария Г.А. Соломон Теймуркович Званба. // С.Т. Званба. Этнографические этюды. Сухум. 1955. С. 12.

2 Там же. С. 26.

3 Там же.

4 Там же. С. 12.

5 Каменская М.Ф. Воспоминания М.Ф. Каменской. // Исторический вестник. № 10. Т. 58. 1894. С. 55.

56

Историческая повесть «Келиш-Бей» является самым значительным произведением П.П. Каменского на абхазскую тему. Эта повесть впервые была опубликована в 1837 г. в нескольких номерах газеты «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». А в 1837 г. она уже вошла в двухтомник «Повестей и рассказов П. Каменского».

В повести отразился один из самых напряженных моментов смутного времени в истории Абхазии начала XIX столетия. В основе повести нашли отражение события, связанные с убийством владетеля Абхазии Келиш-Бея Шервашидзе, который стремился к присоединению Абхазии к России.

Однако тема убийства в повести — не самоцель. Она была необходима автору, чтобы раскрыть главную идею повести — показать стремление султанской Турции начала XIX в. во что бы то ни стало укрепиться в Абхазии, используя для этого всякого рода подстрекательства, шантажи и предательства.

Автора, по-видимому, заинтересовало то обстоятельство, что убийство одного из самых влиятельных, выдающихся и прогрессивных по тому времени владетелей Абхазии явилось не столько убийством его сыном, сколько политическим убийством. Аслан-Бей

оказался фактически орудием в руках турецких агентов и местных феодалов, стремившихся к власти в Абхазии.

Сюжет повести несложный.

Фатьма, возлюбленная Аслан-Бея, расстроена охлаждением к ней любимого. Она рассказывает повесть своей жизни о том, как в 16 лет была похищена из Кахетии (Восточная Грузия) и продана лезгинам в г. Поты.

Однажды, находясь в неволе у паши (потийского), она увидела молодого и красивого абхаза: завязывается роман между молодыми людьми. Аслан-Бей оказался сыном владетельного князя Абхазии, приехал он в Поты по каким-то дипломатическим делам.

Мулла — проповедник ислама и наставник Фатьмы — помогает бежать ей с Асланом в Абхазию. Три года страст-

57

ной любви... но вдруг Аслан изменил свои отношения к ней, его терзают какие-то политические вопросы, о чем неизвестно Фатьме.

В конце концов роман между молодыми людьми кончается самоубийством Фатьмы, но автор не акцентирует внимание читателя на эту сюжетную линию. Очевидно поэтому образ Фатьмы получился схематичным, лишенным живых красок. Сюжет, раздваиваясь, развивается параллельно. Мы видим Келиш-Бея, который обсуждает вопросы отношения с Турцией со своим сыном Асланом. Затем сцена с послом Турции. Посол подстрекает Аслана против Келиш-Бея — сторонника русской ориентации; эпизод, связанный с совещанием участников заговора. И, наконец, убийство Келиш-Бея.

Из главных действующих лиц в повести обращает на себя внимание образ Аслан-Бея. Этот образ вначале чем-то привлекает читателя к себе. Молодой и красивый абхаз, влюбившись в красавицу Фатьму, спасает ее из неволи и увозит к себе в Абхазию на своем черкесском коне. В этом поступке, несомненно, есть какие-то элементы традиционного романтизма. И вообще портрет молодого наследника дан автором запоминающимися штрихами: «Народная одежда абхаза, — пишет П. Каменский, — его черное полукафтанье, обложенное широким серебряным галуном, черкесская шапочка из красного сукна... шитые цуги и золотая насечка на оружии доказывали его непростое происхождение, непринужденная осанка, гордый взгляд, его правильное, но суровое лицо, не по летам изрезанное морщинами, представляли в нем раннего мученика пылких, жгучих страстей» (1).

Используя внутренний монолог, автор вводит нас в тайники души Аслана. Его терзает властолюбие, ради чего он жертвует всем, даже охладел к Фатьме. Далее следует эпизод, где Келиш-Бей беседует с Асланом. Аслан ведет себя с отцом грубо,

1 Каменский П.П. Келиш-Бей. // Повести и рассказы П. Каменского. Ч. 1. — СПб. 1838. С. 21.

58

пытается даже запугать его, опытного и бесстрашного владельца, турками. Келиш-Бей принимает вызов непокорного сына за оскорбление и заявляет, что не простит его, пока в первом же бою сын не смоет это оскорбление собственной кровью.

Автор постепенно раскрывает нам характер Аслан-Бея. Вначале, казалось бы, им руководит лишь чувство властолюбия, однако развязка наступает в следующей сцене, где происходят объяснения между турецким послом Мешади и Аслан-Беем. Мешади лицемерно сожалеет, что Келиш-Бей сам лезет в петлю султана, скрывая Теер-пашу (опальный турецкий паша, получивший убежище у Келиш-Бея), советует Аслану скорее избавиться своего отца от труда делать глупости. Турецкий агент прямо заявляет, что надо убрать с дороги Келиша... иначе султан не простит, и Абхазия обольется кровью. Кроме того, — шепчет Мешади, — медлить с этим нельзя, так как у Келиша есть и старшие сыновья (в повести Аслан — младший сын), которые могут опередить Аслана, и тогда... не видать ему власти.

Возможно, в образе Аслан-Бея не достаёт гамлетовского сомнения «быть или не быть». Уж не слишком ли легко идет Аслан-Бей на поводу у чужестранцев? Такое впечатление действительно создается при чтении повести, но об этом будет сказано ниже.

Несмотря на отдельные упущения автора, образ Аслан-Бея цельный и вызывает интерес как образ исторической личности. Он лишен той романтической идеализации, которой, похоже, увлекается Д.Л. Мордовцев, создавший этот же образ позже, в романе «Прометеево потомство».

Правдиво создан образ Келиш-Бея — владельца Абхазии, хотя выглядит он, на наш взгляд, односторонне. Автор стремился выявить лишь положительные черты характера, не замечая отрицательных.

Келиш-Бей у Каменского — сильная натура. Он не знает страха перед врагами. Его имени боятся все соседние страны.

59

В бою он подобен тигру. Он большой патриот, любит Абхазию и стремится ее возвеличить.

«Келиш-Бей, — пишет П.Каменский, — назначенный судьбою... на преобразование, возвеличение своего края, был одарен от природы всеми способностями... прозорливый ум, твердость воли, иногда доходившей даже до упрямства, сила души и тела прорывалась в каждом его поступке; спокойный, снисходительный, даже кроткий до времени, как вообще человек, сознающий свое превосходство во всем и над всем его окружающим, он был подобен величавой реке, тихо, мерно катящей свои волны, но горе тому, кто задумал бы нарушить, остановить ее стройное течение: в один миг она делается стремительным потоком, является демоном разрушителем... все летит вдребезги под истребительным порывом! Таков был Келиш-Бей, когда задумывал кто-нибудь мешать ему в исполнении его воли...» (1). Автор любит этого героя за его мужество, непреклонный характер, сочувственно относится к нему. Образ создан теплыми тонами краски художника.

Карикатурный образ турецкого посла, созданный П. Каменским, невольно вызывает смех. «Здравствуй, Мешади, — сказал он (Аслан-Бей. — А.П.) лежащему на ковре, с длинной бородой, с еще длиннейшею трубкою в зубах, турецкому дипломатическому агенту. Кривой нос, маленькие глаза, ни на минуту не останавливающиеся, полуоскаленные зубы,

неширокий выпуклый лоб, словом, все черты лица посла были отмечены клеймом коварства, пронырливости и лести...» (2).

С интересными типами встречаемся мы во время совещания участников кровавого заговора. В трех верстах от Сухума, в чаще леса собрались участники заговора, — говорится в повести. Здесь представители разных сословий. Каж-

1 Каменский П.П. *Келиш-Бей. // Повести и рассказы П. Каменского. Ч. 1. — СПб. 1838. С. 29-30.*

2 Там же. С. 31.

60

дый из них чем-то обижен и старается рассказать о произволе, который учиняется над ними местными князьями.

«Да, брат Хирбс, — говорил один из цебельдинцев... — хорошо, что между вами у худых отцов есть хорошие дети: зазнался Келиш-Бей, стал давить, угнетать вас — вот и явился какой-нибудь Аслан, родной сын его; удачный выстрел — и вы опять свободны, опять грабь, режь, продавай пленников. А между нами в Цебельде совсем не так... не спрячешься от своих грабителей, какой-нибудь Нимкуруш-Маршано (Амаршан. — А.П.), правда, молодец против русских... позавидовал мне, отнял стадо баранов, сжег мою саклю...» (1).

Этот голос принадлежит, конечно, одному из местных агентов, который занимался промыслом работорговли.

«Всякому свое, Сарлып, — отвечал абхазец, — меня отбичевали колючкой за то, что срезал винограду кисть в чужом саду» (2).

Есть среди них пессимистически настроенные. «А что же думаешь, — подхватил другой абхазец, — после лучше будет? С Кслишем и черт разве канет в омут... Эх, брат, от зла не уйдешь... Убьем Келиш-Бея — и из его крови полезут шайтаны, словно мухоморы, нам с тобой и от них не видать добра...» (3).

Здесь и кабардинец, называющий себя Шапсугом (он скрывался от кровной мести и попал в шайку заговорщиков Аслана), и длиннородый мулла — защитник власти ислама и турецкого султана, который спешит расправиться с Келиш-Беем, и сибирский перебежчик из ссыльных.

Образ последнего напоминает декабристов. Он презрительно обратился к мулле: «Вам, обманщикам народа, не люб этот аглый адам (мальчик. — примеч. автора). Келиш-Бей не боится, гонит вашу братью — правовестителей ислама, потому

1 Каменский П.П. *Келиш-Бей. // Повести и рассказы П. Каменского. Ч. 1. — СПб. 1838. С. 42-43.*

2 Там же. С. 43.

3 Там же. С. 44.

что вы уничтожаете, вредите всем благим его замыслам — и вот за что вы его не любите; а чем он виноват, что турки мешают ему, мешаясь не в свое дело?.. Скажи, пожалуйста, — продолжал ссыльный, обращаясь к мулле, — что за выгода твоим землякам тянуться за этим берегом от Трапезонта до Анапы, держать везде свои гарнизоны и не сметь никуда показать носу, бросать кучи золота и без всякой пользы, надобности» (1).

«Надобность большая, — цинично отвечает мулла, — так как без этого берега опустеют турецкие гаремы: без них (пленных. — А.П.) — ни красавиц, ни евнухов...» (2).

Историческая повесть П.П. Каменского «Келиш-Бей» в идейно-художественном отношении не лишена, конечно, и существенных недостатков. Один из них заключается в некотором искажении характеров горцев, в частности, образа Аслан-Бея. Искажение характера Аслан-Бея, на наш взгляд, вызвано недостаточным знанием автором как исторического, так и этнографического материала об абхазах.

Поступок Аслан-Бея (отцеубийство) в повести объясняется властолюбием самого Аслана и подстрекательством его со стороны Турции. Этого, конечно, недостаточно, поэтому читателю, хорошо знающему быт, нравы и обычаи абхазов, трудно поверить, чтобы сын поднял руку на отца по наущению чужестранцев, если даже он очень властолюбив.

Немало случаев в истории, когда отец или мать казнили, ослепляли сына за измену, и, наоборот, когда дети покушались на родителей, чтобы прибрать власть к своим рукам. И Абхазия в этом случае не является исключением. Тем не менее предательство не является характерной чертой горцев Кавказа, в частности, абхазов. Но, если оно случалось, то с предателем обычно расправлялись жестоко. Для абхазов и других горцев скорее была характерна кровная месть.

1 Каменский П.П. *Келиш-Бей*. // Повести и рассказы П. Каменского. Ч. 1. — СПб. 1838. С. 47-48.

2 Там же. С. 49.

Исторические события начала XIX в., приведшие к убийству Келиш-Бея Шервашидзе, как известно, разворачивались несколько иначе, но не так, как это получило отражение в интересующей нас повести.

Действительно В.Г. Белинский, обнаружив в повести не совсем оправданные зверства Аслан-Бея, писал: «Кавказ интересует всех и дикою красотой своей первобытной природы, и дикими нравами своих обитателей, и вот стали появляться беспрестанно описания этой страны, но большей частью в форме повестей. Тут обыкновенно описывается горский князь, молодой и прекрасный, с дикими страстями и сильною душой, который или страшно мстит врагу, или зарезывает родного отца, чтобы поскорее прибрать его владения... Повесть обыкновенно начинается громкими фразами, а оканчивается резнею, предательством, отцеубийством.

Конечно, все это бывает в жизни и на Кавказе больше, нежели где-нибудь, но ведь это только одна сторона жизни горцев; зачем же отвлекать только одну ее? Оно, конечно,

эффектно, но одно да одно — воля ваша — наскучает» (1).

В.Г. Белинский, хотя мало был связан с Кавказом, заметил, тем не менее, что подобные зверства вообще бывают, но не являются характерной чертой горцев».

Вспомним, каким образом развернулись трагические события, связанные с убийством Келиш-Бея Шервашидзе.

Старший сын Келиш-Бея, Аслан-Бей (в повести он выступает как младший сын), был лишен отцом наследственных прав в пользу своего младшего сына — Сафар-Бея, родившегося от крестьянки по фамилии Лейба. (Келиш-Бей даже тайно крестил Сафар-Бея, назвав его Георгием). Как свидетельствуют материалы, Келиш-Бей выгнал жену «вон и стал с ненавистью относиться к своему сыну от нее, Аслан-Бею» (2). Дяди Аслан-

1 Белинский В.Г. Повести и рассказы П. Каменского. // Полн. собр. соч. Т. 2. — М. 1950. С. 482.

2 Немирович-Данченко Вас. Ив. В гостях. — СПб. 1880. С. 165.

63

Бея со стороны его матери — князя Дзяиш-Ипа, не без основания были страшно недовольны еще и тем, что наследником становится не их племянник (Аслан-Бей), а Сафар-Бей, сын крестьянки. Эта группировка организовала обширный заговор против Келиш-Бея, но последний раскрыл их дела и жестоко расправился с ними (1). На этот раз Аслан-Бей спасся. Отсюда уже возникла и кровная месть, и непримиримая вражда между Дзяиш-Ипа и Шервашидзе, где Аслан-Бей, в силу сложившихся обстоятельств, естественно, занял сторону своей матери.

Ко всему этому присовокупилась и подстрекательства Турции, которая стремилась любой ценой укрепиться в Абхазии, чтобы не дать русским возможности овладеть побережьем, а также укрывательства опального Таяр-Паши, и другие события.

Таким образом, Аслан-Бей поднял руку на своего отца не потому, что продал себя турецким правителям, он убил отца (если он убил), защищая позицию своей матери и ее братьев (Дзяиш-Ипа), законно требовавших передачи наследственных прав ему, Аслан-Бею. Эта главная причина трагедии как раз и не получила своего отражения в повести «Келиш-Бей», что несколько искажает историческую основу повести.

Однако недавно появилась новая версия устранения Келиш-Бея. Она принадлежит профессору С.З. Лакоба, который считает, что убийство Келиш-Бея совершено не его сыном, Аслан-Беем, а российскими властями по наущению владельницы Мингрелии Нины Дадиани (2). Трудно безоговорочно согласиться с мнением С.З. Лакоба, поскольку эта версия, на мой взгляд, еще недостаточно обоснована и требует дополнительных материалов.

Анализ работы С.З. Лакоба не входит в нашу задачу. Но мне кажется, что российские власти все же не причастны к убийству Келиш-Бея. Во-первых, царизм в 1808 г. еще не имел в

1 Дзидзария Г.А. *Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. Сухум. 1960. С. 135.*
2 Лакоба С.З. *Асланбей. // Газ. «Нужная». 12 марта 1998 г.*

64

Абхазии господствующего положения, чтобы легко организовать этот заговор. Во-вторых, вряд ли русские, по наущению мингрельской владельницы, стали бы убирать пророссийски ориентированного Келиш-Бея, меняя его на Сафарбея, которого мало кто в Абхазии поддерживал. Владелец, вероятнее всего, погиб в результате повторной организации заговора оппозицией во главе с эшерскими Дзяпш-ипа. Разумеется, и Турция приложила руки к убийству, кроме всего прочего, мстя за укрывательство Таяр-Паши Келиш-Беем. Не исключено, что и Аслан-Бей прав в своем заявлении, что убийство его отца совершено не им, а посторонними (1). В то же время трудно поверить, что Аслан-Бей не был соучастником этого трагического заговора, организованного эшерской оппозицией. Не было, наверное, необходимости у Аслан-Бея собственноручно убивать своего отца, когда это могли сделать другие, т.е. его сторонники.

Возвращаясь к повести П.П. Каменского «Келиш-Бей», отметим, что язык повести оставляет желать лучшего, как об этом писали многие критики. Автор неуместно вводит много инородных слов, значение которых ему приходится объяснять в примечаниях.

Изучая произведения П.П. Каменского на кавказскую тематику, приходишь к выводу, что автор за сравнительно короткий срок действительно «обогатился знаниями нравов, характеров, местными красками, сокровищами исторических подробностей» и т.д., как об этом подчеркивал П.А. Плетнев (2) в журнале «Современник». А главное, его творчество о Кавказе в целом носит печать защиты прав горцев, печать его теплого отношения к обиженным как местными властями, так и иноземными колонизаторами.

1 Лакоба С.З. *Асланбей. // Газ. «Нужная». 12 марта 1998 г.*

2 Плетнев П.А. *Повести и рассказы П. Каменского. // Современник. Т. 10. СПб. 1838. С. 59.*

65

ГЛАВА II. АБХАЗИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

§ 1. Абхазия в творчестве В.И. Савинова

Почему-то всеми забытый Василий Иванович Савинов был интересным и своеобразным писателем 50-х гг. прошлого столетия. Биографические сведения о нем слишком скудны. Годы его жизни неизвестны. Офицер русской армии В.И. Савинов служил на Кавказе. Был в плену в 1843 г., по его словам, у какого-то абхазского князя Астан-Горы (Астангери), который жил в ауле Дазари в верховьях северного (скорее западного) рукава р.Гумиста (1). Судя по его произведениям, В.И.Савинов творил в конце 40-х и 50-х гг., хотя печатался и в 60-х гг. В научной литературе изредка встречаются лишь упоминания о некоторых его этнографических сочинениях (2). Однако В.И. Савиновым создано свыше двадцати произведений. Им написаны романы: «Тескольское ущелье» (1853), «Ших-Мансур. Восточный роман» (1853), «Знахари» (1854); повести, рассказы и другие произведения: «Два года в плену у горцев» (1851), «Русский солдат» (1853), «Старостиха

Василиса» (1850), «Дочь коменданта» (1850), «Кубегуля» (1853), «Провинциальный гость у Каротыгина» (1853), «Американский икар» (1850), «Черный вол» (1858), «Широкая ложь» (1859), «Стансы», подражание Пушкину (1860), «Охотники и дичь» (1860), «Переметная жизнь» (1852); мемуары: «Три месяца в плену у горцев» (1848), «Достоверные рассказы об Абхазии» (1850), «Верования и обряды абхазских горцев» (1859) и др.

К сожалению, в указанном совсем небольшом обзоре М.О. Косвена о В.И. Савинове допущено немало ошибок. Так,

1 Савинов В.И. Верования и обряды абхазских горцев. // Ж. «Ласточка». 1859. № 11. С. 575.

2 Косвен М.О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. — М. 1955. С. 331; Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии. // «Живая старина». 1893. Вып. III. С. 320-329.

66

например, рассказ В.И. Савинова о войне 1812 г. «Старостиха Василиса» М.О. Косвен ошибочно называет «Старухой Василисой», рассказ, или даже повесть «Дочь коменданта», по содержанию немного напоминающая «Капитанскую дочку» Пушкина и повествующая о событиях в крепости Редут-Кале, куда часто набегают абхазы, М.О. Косвен также неверно именуется «Дочерью командира» (1). Кроме того, М.О. Косвен почему-то считает, что В.И.Савинов был в плену не у абхазов, а у абазин, где, по его мпепито, В.И. Савинов «собрал сведения и об абадзехах» (2). А между тем, как свидетельствуют сочинения В.И. Савинова, он знал каждый уголок современной ему Абхазии. Более того, В.И. Савинов писал, что абхазский князь, у которого он находился в плену, жил у берега Западной Гумисты (3).

Необходимо уточнить, что в произведениях В.И. Савинова нет ни этнического, ни географического разделения между абхазами и абазинами. Всех он называет иногда абхазами, иногда абазинами, а зачастую и абазегами (но не абадзехамн или абадзехами, как пишет М.О. Косвен), а их страну — Абхазией или Абазией, территория которой по В.И. Савинову охватывает всю современную Абхазию, на северо-запад — до г. Анапы.

Любопытно, что подавляющее большинство творений В.И. Савинова создано на абхазскую тематику, в которой ведущее место занимает тема работорговли в Абхазии. Мы остановимся здесь на самых характерных и значимых его произведениях.

В седьмой книжке «Современника» за 1848 г. появился рассказ В.И. Савинова под названием «Три месяца в плену у

1 Косвен М.О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. — М. 1955. С. 331.

2 Там же.

3 Савинов В.И. Верования и обряды абхазских горцев. // Ж. «Ласточка». 1859. № 11. С. 575.

67

горцев (абазин)», состоящий из шести небольших глав (1), где автор рассказал о своем пребывании в плену у абхазов во время Кавказской войны.

На небольшой отряд русских войск, который шел ночью, в ненастную погоду, на помощь погибающему недалеко от берега военному транспорту, напали абазины в большом численном превосходстве. По указанию командира двое, в том числе и автор (рассказ ведется от первого лица), вызвались пробраться к своим, чтобы сообщить им о бедственном положении отряда. В этой операции они сбились с пути и случайно наткнулись на противника. Один из них погиб в схватке неравного боя, а другой (автор рассказа) — попадает в плен, откуда ему позже удастся бежать.

Действие разворачивается где-то на побережье северо-западной части Абхазии, а затем переносится в нагорную часть, т.е. в верховья реки Западной Гумисты.

«Три месяца в плену...», хотя и обладает всеми признаками мемуарного жанра (фактографичность, преобладание событий, обращение к прошлому, непосредственность авторских свидетельств и т.п.), однако, как нам кажется, представляет собой имитацию мемуаров, ибо значительная часть в произведении, по-видимому, занимает художественный вымысел. В.И. Савинов показал здесь один из самых тяжелых эпизодов истребительной Кавказской войны средствами художественной правды. «Светало. Хорошо кавказское утро, но теперь, — пишет автор, — нам было не до природы... мы увидели впереди почти неминуемую гибель...» (2).

Этим произведением В.И.Савинов обратил на себя внимание, показал даровитый писательский талант. Не случайно редакторы «Современника» (Н.А.Некрасов и И.И.Панаев) пре-

1 Рассказ опубликован без подписи. Автор устанавливается ссылкой самого В.И. Савинова на этот рассказ как на свое произведение (см. Савинов В.И. Верования и обряды абхазских горцев. // Ж. «Ласточка». 1859. № 11. С. 575).

2 Савинов В.И. Три месяца в плену у горцев (абазин). // «Современник». 1848. Т. X. № 7. Отд. «Смесь». С. 1-2.

доставили ему страницы журнала. Рассказ написан хорошим слогом. Живой, яркий и поэтический язык произведения свидетельствует о незаурядном таланте автора.

В 1851 г. В.И.Савинов выпустил книжку (138 стр.) «Два года в плену у горцев» (1), в предисловии к которой он сообщает, что использовал записки своего армейского друга Новоселова, который погиб во время Натухайской экспедиции в 1842 г.

Новоселов, по словам В.И. Савинова, был в плену у абазехов и горных кабардинцев, где мог наблюдать много любопытного и потрясающего, что и отразилось в его оставленных Савинову записках, которые некогда перечитывались ими вместе. Хотя часть из оставленных Новоселовым записок и была потеряна В.И. Савиновым, однако, как он пишет в предисловии, решается их передать читателям, «...тем более, — продолжает В.И.Савинов, — что все тропинки в горах Абхазии с обычаями и нравами их обитателей мне также знакомы, как и ему — ибо я разделял одинаковую с ним участь, с тою только

разницею, что намного позже» (2).

Казалось бы, можно ожидать от автора обычный хронологический дневник пленного, хотя В.И. Савинов и здесь не претендует на повесть или роман. И, действительно, его «Два года в плену...» на первый взгляд не отличаются от мемуаров. Однако изображение того сложного социального явления в жизни горцев (работорговля), для которого потребовался ряд острых эпизодов и сравнительно большое количество персонажей, наличие любовной коллизии, вокруг которой разыгрываются драматические сцены, наличие вымысла и других признаков, несомненно, дают основание считать, что мы имеем дело с повестью.

Интересно, что В.И.Савинов в этой повести, как и в других своих художественных произведениях на тему работорговли, акцентирует внимание читателя именно на дикий

1 Савинов В.И. Два года в плену у горцев. — СПб. 1851.

2 Там же. С. 1.

69

торг заморских искателей живого товара в Абхазии (1). А любовная коллизия, набросанная схематично, теряется и не занимает читателя. Поэтому повесть по своему содержанию направлена против эксплуатации, рабства и жестокой грабительской войны, имевшей место на Кавказе.

Повесть состоит из пяти глав. Повествование ведется от первого лица. Действие разворачивается в Абхазии, недалеко от города Сухума.

Небольшой отряд после двухчасовой ходьбы, говорится в повести, 10 февраля 1840 г. расположился в Абхазии и принялся за порубку дров. Штабс-капитан Новоселов отправился «преследовать дичь, которой в окрестностях Сухума всегда много», и вдруг неожиданно он попадает в руки яркого разбойника — работорговца по имени Келим-Ух. Связав пленного, Келим повез свою жертву левым берегом р. Баслаты к себе в село Акапа, которое и поныне расположено в четырнадцати верстах от Сухума.

В селе разбойник прячет пленного от односельчан абазинцев, так как большая часть жителей этого села была предана русским. Более того, жена Келима, «красивая абазинка», также протестует против разбойничьих походов мужа, она кормит пленного украдкой от него.

Келим продает Новоселова крупнейшему промышленнику рабами в Абхазии — еврею Урти — за пару трапезундских пистолетов и четырех баранов (2). Еврей везет купленный живой

1 Следует уточнить, что работорговля на Кавказе и, в частности, в Абхазии по своей жестокости не идет в сравнение ни с какими известными в истории торгами людьми, как, например, в античной Греции, Риме и других государствах, где господствовал узаконенный рабовладельческий строй, при котором рабу было известно, что его господин «имеет» право продать его. Совершенно иное положение мы наблюдаем на Кавказе. Чудовищность торговли живым товаром в этих краях заключалась в том, что

подготовленные агенты, словно хищные звери, охотились за ничего не подозревающими людьми, в особенности за подростками и женщинами — ловили их, связывали и продавали в чужие страны.

2 Этот типичный работорговец-еврей под разными именами фигурирует в нескольких произведениях В.И. Савинова.

70

товар в горы к своему промежуточному пункту, откуда потом, сформировав караван с рабами, доставит его к берегу Черного моря ко времени прибытия сюда турецких судов. Едут они в сопровождении Келима через р. Келасур по направлению села Чолоу (Члоу). По пути капитан занемог от холода и усталости и упал.

« — Что с тобою капудан? — вскричал испуганный Урти.

— Не могу идти, — прошептал я, — оставь меня — я умру здесь.

— Умрешь? — простонал еврей. — Умрешь тогда, как я совершенно разорился на тебя?.. Нет! На, возьми мою бурку... Келим, развяжи ему руки... нас четверо... бояться его нечего... Посадим его в арбу... Пускай согреться» (1).

Пришлось Новоселова посадить в арбу, где находились две красавицы-невольницы: мингрелка Чиха и абхазка Лейла.

«Пленницы говорили по-абазински. Стало быть, я мог понимать их» (2), — говорит Новоселов. Он узнал от них, что Чиха родом из села Бибигдар в Мингрелии, была некогда похищена тем же Келимом перед своей свадьбой и продана еврею Урти. Она любила своего жениха, армянина из соседнего села, но оказалась жертвой насилия.

В крытой арбе завязывается любовный роман между Новоселовым и абхазкой Лейлой. Этот роман проходит канвой по всей повести. Влюбленных разлучают, они случайно встречаются, опять теряют друг друга. Капитан неоднократно спасает свою несчастную возлюбленную, хотя отсутствие свободы не позволяет им быть вместе. В конце концов Лейла гибнет. Она стала жертвой дикой страсти князя Беяслана, у которого находилась в последнее время в плену.

1 Савинов В.И. Два года в плену у горцев. — СПб. 1851. С. 22.

2 Там же. С. 23. Кстати, В.И. Савинов в одном из своих великолепных рассказов, напечатанном в «Современнике», заявляет: «Д... почти пять лет прожил в г. Анапе и понимал несколько по-абазински» (ж. «Современник». 1848. Т. X. № 7. Отд. IV. С. 3).

71

На пути к промежуточному пункту еврея капитану удастся бежать. Однако добраться до своих не так легко. Он, измученный, две недели скитается в горах, после чего попадает в дом горца Шагет-Чебана, куда не замедлил прийти и вездесущий Келим, от которого вообще трудно скрыться в горах.

Русского пленного обвиняют в убийстве брата Шагет-Чебана и должны, по совету Келима-Ух, завтра же собрать совет старейшин и сбросить его со скалы. Однако Келим

верен своим торговым проделкам; явился он ночью к Новоселову и шепчет: «Бессмысленный гяур... не продавай жизнь за громкое слово... не прыгай через пропасть, когда есть тропинка, чтобы обойти ее» (1). Келим ночью, перевалив через горы, уводит пленного капитана к карачаевцам и проигрывает его там в карты ингушу Сатаю, ремесло которого состояло в том, что он обычно нанимался сопровождать караван с рабами другого крупнейшего работорговца — старого Солимана — к абхазскому побережью навстречу турецким купцам.

Большой интерес в повести вызывает рассказ старого турка-работорговца Солимана о том, как однажды невольницы, овладев оружием и оказав вооруженное сопротивление, уничтожили экипаж турецкого судна. А Солимана, оставленного в живых, заставили гнать кочерму обратно в Кодор, откуда они разбежались по своим домам.

Рассказ стоит того, чтобы привести его здесь с небольшим сокращением.

Сатай с капитаном на службе у Солимана. Ночлег в лесу, у лагеря Солимана с невольниками. Рано утром должны отправиться в путь к берегу Черного моря.

«Так-то, — говорил Солиман, — пятнадцать или четырнадцать лет тому назад... мы при свежем и попутном ветре вышли на Верче (Варча. — А.П.) в море. Грузу у нас было порядочно: двадцать красивых горянок, да в трюме не сбытых бочонков шесть пороху и до пятидесяти ружей и пистолетов...

1 Савинов В.И. Два года в плену у горцев. — СПб. 1851. С. 46.

72

Вдруг на беду нашу, в самую полночь, заревел крепкий шторм, трепанул нас в виду Илори... Думать было нечего, мы посоветовались и решили спуститься обратно к Верче. Измученный... я сдал руль и спустился вниз... Девчонки не спали и, обступив одну из красавиц, за которую я заплатил груды золота, о чем-то спорили с большим жаром... Это мне показалось подозрительным, тем более красавица черкешенка была украдена в горах из-под носу у любимого ею жениха и называла отцом человека, который восемь аулов за Кубанью водил на своих поводах...

— Страшно... опасно, Газваре! — несколько голосов сказали красавице.

— Трусихи вы! — отвечала Газваре. — Не дочери вы наездников... как будто бы не случилось вам под пулями, в вечерних играх, выносить из-за камней раненых отцов и братьев... Бойтесь кинжала!.. Разве родные горы хуже для вас грязного Батума? Разве грязные и сытые турки красивее и нежнее легких и бесстрашных горцев... Разве лучше смерти отвратительный позор, когда сорвет с вас одежду и выставят напоказ?..

— Она говорит правду! — послышалось в толпе. — Но как же мы это сделаем? — спросила одна из восприимчивых сообщниц.

— Бросимся по три на одного... и в море их! — прошептала Газваре. Лицо ее было бледно, глаза сверкали диким огнем отчаянной решимости... — И вот что я успела сделать, — добавила она тем же шепотом, отдернув постель и указывая на огромный запас пистолетов... — Я унесла их из трюма... они все заряжены... берите и... к делу!.. — При

этом храбрость меня оставила, дрожа как в лихорадке — я только мог сесть па пол и вскрикнуть: «Что вы делаете!.. вот я вас!»

— Он все слышал!.. Убить его!.. — раздалось в толпе женщин — и целый десяток пистолетов застучал на моем черепе... Но по знаку Газваре — в ту же минуту с головы моей сорвали чалму, распустили ее и, спеленав... горянки закидали меня подушкой и с воплем бросились наверх... Минут десять

73

я слышал шум на палубе, выстрелы и потом долгие, протяжные вопли утопающих... Не знаю, как скоро, но я уже очнулся на палубе, под проливным дождем, окруженный женщинами.

— Ступай на руль... и веди нас в Кодор, или Верче! — кричали мои пленницы. Я повиновался. И под надзором четырех красавиц пустил кочерму по ветру прямо к... берегам Кодера... С рассветом я врезал кочерму на отмели Кодора. В минуты явились толпы горцев, дружески растаскали мой груз, нанявшись в проводники к женщинам, а меня в тот же день продали в горы, но благодаря Аллаху, я через неделю бежал в Сухум и, разоренный вконец, переправился в Батум с печальной вестью о гибели товарищей... Вот как, душа моя Сатай, мы получаем барыши на этот дорогой товар... Уйдем от хищников, так подвернемся под картечь русского крейсера, вынес Аллах там — так девчонки зарежут — оплошай только!.. — заключил Солиман» (1).

Рассказ старого Солимана свидетельствует о том, что горцы оказывали ожесточенное сопротивление заморским порабощителям и их агентам.

В.И.Савинов, хотя не ставит в повести вопрос о путях избавления горцев от этого социального зла, однако его несомненной заслугой является то, что он обнажает, буквально выворачивает наизнанку всю структуру работоторговли в Абхазии.

1 Савинов В.И. Два года в плену у горцев. — СПб. 1851. С. 81-84. Подобный сюжет мы встречаем в одной из книг И.Г. Папаскир. Мы с Иваном Папаскир были не только близкими родственниками, но, несмотря на значительную разницу в возрасте, нас связывала многолетняя творческая дружба. Будучи моим наставником и консультантом, Иван Георгиевич сыграл немаловажную роль в моей жизни. Со своей стороны я знакомил его со многими научными материалами, которые легли в основу настоящего исследования. И он, пропуская эти источники через свое мировоззрение, нередко создавал художественные образы. В частности, вышеприведенный сюжет им был использован при написании, по словам критика Руслана Капба, великолепной повести «Человек и Родина» (1979). Одна из главных героинь этой повести, абхазка Сырма (как и черкешенка Газваре), является организатором бунта 19-ти абхазских девушек, угоняемых в турецкие гаремы (см.: Папаскир И.Г. Человек и Родина. — Сухум. 1979. С. 139 — 159. На абх яз.) Следует указать, однако, что художественные достоинства данного сюжета из книги Ивана Георгиевича значительно выше аналогичного рассказа Солимана из повести В.И. Савинова.

74

В повести встречаются такие невероятные преступления, которые трудно себе

представить современному читателю. Поэтому реалистичность художественного вымысла может вызвать некоторые сомнения, показаться неоправданной. Однако следует вспомнить, что даже военный министр царского самодержавия, по указанию которого была изъята книга Н.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе», где отразилась невообразимая торговля мертвыми головами, должен был признать, что в книге «что строчка, то правда» (1).

Из главных действующих лиц в повести наиболее выпукло и объемно создан образ работорговца Келима-Ух. У него своеобразная «гуманная» философия. Он не кровожаден, может убить лишь в исключительных случаях. Даже кровная месть — характерный обычай горцев — не имеет для него никакого смысла. Он предпочитает продать, чем убить. Келим все меняет на деньги, оружие и баранов; он ухитряется даже получать по несколько раз выкупы за одного и того же раба. Не успеет кто-то приобрести у него невольника, как он тут же, на следующий день, может увести этого пленного из-под носа и продать его или проиграть в карты уже где-то за хребтом, где «Келима-Ух из Баслаты» знают все.

Речь Келима характерна. У него привычные выражения в обращении: «душа души моей», «сердце моего сердца», «слеза моих глаз» и т.д. Это типичный горец-разбойник.

Не менее типичен образ старого Солимана. Этот турок посвятил всю свою позорную жизнь гнусному ремеслу работорговли. Невозможно не запомнить его маленькую фигуру с коротенькими ногами, которые он складывает «иксом», когда садится; его огромную трубку в зубах, которую он то и дело набивает табаком, «подкидывая на руке курящийся катышек пепла». Солиман недвусмысленно считает, что невольницы ведут себя невозможным образом, т.е. едут на невольничьи

1 Вейденбаум Е. Кавказские этюды. — Тифлис. 1901. С.315. (Цит. по: Титову А. А. Бестужев — герой забытого романа. // Русская литература. № 3. 1959. С. 136).

75

рынки Батуми и Стамбула с неохотой, осмеливаются устраивать заговоры, и что поэтому от них иногда бывает убыточно.

Еврей Урти такой же крупный и богатый работорговец как Солиман. Его образ под новыми именами находим и в других произведениях В.И. Савинова. Если Келим бесстрашный и отчаянный головорез в своих горах, то еврей Урти — большой трус. Урти не уступает, торгуясь — можно избить его, что и делал нередко Келим. Сила Урти в горах — в его деньгах и богатстве, ими он и действует безотказно.

Образ абхазки Лейлы не получил в повести полнокровной жизни. Ее портрет трудно запомнить, он очерчен схематично, хотя внутренний мир этой героини оставляет сильное впечатление. У нее страстная натура. Она влюблена в Новоселова всем своим существом и предана ему. Горянка упрекает русского капитана за его трезвое (а не безрассудно-влюбленное) отношение к ней, когда он, выручая от одного князя, вынужден передать ее другому князю, хотя сама она готова идти с ним на край света. Она заявляет ему, что он предал ее. Богат мир переживаний этой дикой, еще не обузданной цивилизацией природы, которая, в конце концов, становится жертвой прихоти господства.

Повесть по своему идейному содержанию направлена против эксплуатации, рабства и

грабительской войны, имевшей место на Кавказе.

В.И. Савинов оказался одним из первых русских писателей, кто так детально и глубоко изучив варварский институт работорговли в Абхазии, раскрыл его социальную сущность в художественных образах.

Почти с документальной точностью описаны автором повести местности в Абхазии: села — Акапа у р. Баслаты, Члоу, Дранда; реки — Гумиста, Баслата, Келасур; окрестность Сухума, нагорная и прибрежная части Абхазии и другие места, нашедшие свое отражение в повести. В.И. Савинов обнаружи-

76

вает безупречное знание всех районов Абхазии. Он очарован, любуясь природой Абхазии.

Так и начинается один из его рассказов под названием «Кубегуля», напечатанный в одном из номеров литературно-художественного журнала «Пантеон» за 1853 г., где описывается Бзыбское ущелье.

«Богата и роскошна природа Абхазии... Видел я горы... ее роскошные долины; не раз томился зноем под ее небом, не раз под вой шакала сам, как зверь, прятался в лесных трупцах и, дрожа от холода ночи, все-таки не мог оторваться от картин... но ничто не заключало в себе столько поэзии, как долины Дзыби, там, где Бзыбь, дойдя до аула, от которого получила свое название, круто, под прямым углом, поворачивает и с ужасающей быстротой бежит на запад» (1).

Описав природу. В.И. Савинов непосредственно переходит к изложению сюжета, в ходе которого сообщает очень много любопытного о нравах и обычаях абхазов, что, по его словам, удалось подсмотреть во время его пребывания у них в плену.

Как мы уже говорили, В.И. Савинов был в плену у какого-то абхазского князя (Астан-Горы), жившего в ауле Дазари на южном склоне Бзыбского хребта. Во время набега ему пришлось долго скитаться в лесах Бзыбского ущелья, прежде чем удалось выбраться к своим у форта Вильяминова (Туапсе), как об этом указано в рассказе. В интересующем нас рассказе, очевидно, отразились те в основном приключения, с которыми ему пришлось столкнуться во время побега.

Рассказ ведется от первого лица, что характерно для ряда произведений В.И. Савинова. Автор повествует о том, как он после побега из аула Дазари, скитаясь в горах, неочи-

1 Савинов В.И. Кубегуля. Рассказ из абхазских нравов. // «Пантеон». Т. 12. 1853. С. 133-134.

77

данно наткнулся на армянина-коробочника (1), который уже был осведомлен о побеге пленного.

Армянин-коробочник по имени Иосан, более всего занимавшийся розыском и выкупом пленных, согласился за определенную сумму вывести пленного к своим, но предупредил о

том, что придется странствовать с ним в горах Бзыбского ущелья около месяца, так как он отыскивал пленного мингрельца, богатого человека, который, по рассказам цебельдинского князька Арслана, перепродан уже в четвертые руки и находился теперь в Бзыби.

Иосан передел пленного, накормил его и повел в аул Дзыби, где абхазы этого аула в тот же вечер праздновали «Ночь Созереша» (бог обилия и домашнего благоденствия, как объясняет автор) (2).

1 Савинов В.И. разъясняет, что коробочников (часто бродяги, мелкие торговцы) можно делить на две группы: одни — русские крестьяне, они чаще в Грузии (Тифлисе, Мингрелии, Имерстии, Кахетии и т.д.), другие — евреи и армяне; что они, коробочники, хорошо знают горы Кавказа, легко проходят горные страны, в том числе и Абхазию; что они обычно с грузом мелкого товара для продажи. Однако, говорит В.И.Савинов, их основное ремесло — другое. Пленный, проданный в десятые руки, часто находит в таком коробочнике своего спасителя. Коробочник может передать записку пленного родным, и через год, возвращаясь опять в горы, он может принести весть или выкуп (разумеется, за определенное вознаграждение), и тогда пленник, владетель и коробочник — все довольны. «Воспоминание путевых впечатлений и приключений каждого из них (коробочников. — А.П.), — продолжает автор рассказа, — могли бы составить весьма интересный роман, который иной фельетонист школы Теккерея и Диккенса непременно назовет сказкою» (Савинов В.И. Кубегуля. // «Пантеон». 1853. № 12. С. 137). Образ коробочника метко схвачен автором. Действительно, людям старшего поколения в Абхазии памятны подобные коробочники (как правило, это были армяне, евреи и турки), которые под видом мелких торгашей ходили по селам, предлагая всякую мелочь. Однако они играли далеко незавидную роль посредников в купле и продаже невольников, тщательно скрывая свое основное гнусное ремесло. Как видно, В.И. Савинов, находясь в Абхазии, основательно изучил весь механизм этого чудовищного торга.

2 Следует указать, что В.И.Савинов, возможно, допускает этнографические неточности, приписывая абхазам некоторые религиозные обряды языческого происхождения (Мизитха, Созереш и др.), принадлежавшие адыгским племенам, как об этом пишет Н.М. Альбов (Альбов И.М. Этнографические наблюдения в Абхазии. // «Живая старина». 1893. С. 320-321). Можно допустить и другое, что В.И. Савинов действительно наблюдал эти обряды в Джигетской Абхазии (как называли места за Гаграми), где кроме абхазов, проживали промежуточные между адыгами и абхазами племена, как например, убыхи, а также, вероятно, и абадзехи. Не исключена также возможность, что указанные обряды могли быть заимствованы джигетскими абхазами у адыгских народов, которых, по-видимому, было немало в исторической Абхазии. И, наконец, можно предположить, что божеству лесов Мизитху поклонялись не только адыгские племена. Иначе трудно объяснить, например, указание проф. Д.С. Джанелидзе о том, что в древней Грузии во время религиозно-массовых зрелищ мужчине, олицетворявшего лесного бога Мизитху, украшали венком из дубовых листьев (Джанелидзе Д.С. Грузинский театр. — Тбилиси. 1959. С. 85). Следовательно, культ этого божества был распространен далеко за пределами адыгских племен и, наверное, был не чужд и абхазам. Вследствие истребления и выселения абхазов во второй половине XIX в. их история резко обрывается. Поэтому историкам все еще трудно ответить на многие вопросы, связанные с исторической Абхазией XVIII и XIX вв. Таким образом, нет оснований, как нам кажется, в категорической форме утверждать о несомненных этнографических ошибках В.И. Савинова, как это спешат делать некоторые исследователи.

Жители аула встретили странников очень гостеприимно. Каждый приглашал к себе в «асасаиру» (абх. — гостиную), заводили их в «амхару» (абх. сакля для молодоженов). Однако гостей уступили старшине семейства, старому горцу Албею, у которого оказалась дочь, красавица Кубегуля, с которой пленный завязывает небольшой роман. По обычаю этого праздника, дочь Албея могла плясать с гостем всю ночь. Праздник превратит Бзыбскую рощу в фантастический лес. Всю ночь здесь не прекращалось веселье. У Иосана нашлись карты; завязалась азартная игра. Пленный, оказавшись искусным фокусником, стал один за другим показывать фокусы на картах, чему удивлялись горцы и сильно ими заинтересовались. В полночь к герою рассказа является старый Албей и умоляет его научить секретам карточных фокусов, предлагая ему свою дочь за услуги, о чем бучет сказано ниже. Однако гость отказывается от дочери Албея, но требует помочь Иосану найти в горах пленного мингрельца, на что горец с радостью соглашается.

Рассказ завершается тем, что пленный с помощью армянина-коробочника, в конце концов, добирается до своих.

В эпилоге рассказа «Мадам писарша», что также является характерным композиционным элементом ряда произ-

ведений В.И. Савинова, наш герой через год «в Г... Укреплении» увидел множество женщин очаровательной красоты, среди которых находилась дочь старого Албея. Оказалось: турки везли этих невольниц, а русские отбили их и раздали своим офицерам.

В.И. Савинов здесь тонко подметил, что участь несчастных невольниц везде была одинаковой, т.е. горянки из одних невольничьих рук попали в другие. Кубегуля жила здесь с писарем и звали ее уже не Кубегулей, а Марией Ивановной (Марушкой) (1).

Этот рассказ представляет исключительный интерес еще и с этнографической точки зрения, хотя и художественные достоинства его несомненны. Автор так и назвал свое произведение: «Кубегуля. Рассказ из абхазских нравов». В.И. Савинов описал здесь удивительную красоту проведения малоизвестного абхазам религиозного праздника под названием «Ночь Созереша», где с полсотни насмоленных корзин было поднято и расставлено на скалах вокруг аула, после чего их подожгли... (2).

Далее В.И. Савинов рассказывает и о том, как ведут себя абхазы за стаканом вина. «Абазехи любят пожить весело, — пишет он, — для них праздник — пир горой, впрочем, не потому, чтобы цель этого праздника ограничивалась попойкой и пляской. Праздничная попойка для них часто результат предприятий целого аула... умы разгорячены вином, энергия — бойким рассказом о минувшей удали; сердце нараспашку, мнения откровенны, и вот почему для них каждый пир тот же

1 Савинов В.И. Кубегуля. «Пантеон». 1853. № 12. С. 158.

2 Классик абхазской литературы М. Лакербай в одной из своих книг приводит подобные наблюдения русского путешественника Дубровского в Джигстской Абхазии, где часто проводились красочные зрелища, связанные с пасхой (амшапы) или другими религиозными праздниками, как, например, праздником, посвященном богу огня Глапсу и др. (Лакербай

импровизированный хас (совет). Тут иногда решаются свадьбы, сочиняется умная песня и интересный рассказ» (1).

В.И. Савинов, как художник-наблюдатель, оказал нам неоценимую услугу. Он с любовью записал (и тем самым сохранил) одну импровизированную сценическую комедию, которая была разыграна странствующей по горам Абхазии труппой, называемой автором «абхазскими погливанами» (2). Эта запись представляет тем больший интерес, что никаких сведений о народном театре или каких-либо бродячих труппах в Абхазии мы до сих пор не имели.

Об абхазских погливанах В.И. Савинов объясняет следующее: «С именем погливана в горах сопряжено почетное звание фигляра, плясуна, иногда ловкого плута и всегда импровизатора... Погливан Абхазии ни больше, ни меньше как странствующий бродяга, готовый во всякое время... воспеть доблести, или потешать толпу забавной сказкой или замысловатым фокусом. Свадьба, возвращение горца в отчий дом с рук аталыка, словом, всякий праздник и пир, по обыкновению горцев, не может обойтись без погливана» (3).

Далее В.И. Савинов рисует картину выступления этого странствующего актера вообще. «...Осушив стопу кахетинского, (абхазский погливан. — А.П.) быстро ударяет по струнам чонгуры, и с последним шепотом струны под его искусною рукою смолкают смех и говор пирующих. «Братья! — говорит он. — Не буду петь вам про любовь, но хочу рассказать о подвигах джигитов славных. Прислушайтесь!» — И погливан, бросив пылающий взгляд на присутствующих, медленно начинает покачиваться... и с первым аккордом трехструнной чонгуры он импровизирует рассказ о подвигах одного из предков хозяина. Здесь импровизатор не щадит своей глотки и красноречия. Ка-

1 Савинов В.И. Кубегуля. // «Пантеон». 1853. № 12. С. 145.

2 Савинов В.И. Достоверные рассказы об Абазии. // «Пантеон». 1850. Т. VI. Кн. 11. Отд. VIII. С. 1.

3 Там же. С. 7.

ждое его слово, каждая фраза, всегда пестрая как пава, рассчитаны и задуманы так искусно, что непременно щекотят сердца слушателей... Если кто-нибудь... швырнет абаз в шапку барда, — бард, не изменяя плана своей повести, сумеет вклеить туда подвиги... его отца и прадедов. Случается так, что собеседники, желая потешить свое самолюбие, наперерыв спешат осеребрить кабардинку импровизатора, и импровизация превращается тогда в целую историю Абхазии...» (1).

Говоря о народных певцах-импровизаторах в Абхазии, автор «Очерков истории абхазского театрального искусства» М.Лакербай пишет: «И звучала новая песня про дела, про новых людей... Быть упомянутым в песне считалось высшей наградой для молодого человека. Каждая такая песня быстро облетала всю страну Апсны... Абхазцы очень любили поэзию этих песен. Поэты-импровизаторы, слагатели народных песен, происходили почти всегда из простого народа...» (2).

Одним из самых талантливых творцов импровизированных песен, частушек, шуток и каламбуров был слепой певец Жана Ачба, живший в конце XIX — в начале XX столетия. Он пользовался огромной популярностью среди народа. Его коротенькие сатиры, шуточные рассказы, юмористические повествования, прославлявшие достойных и бичевавшие лентяев и нерадивых, составляют шедевры абхазского фольклора.

В.И. Савинов показывает безупречное знание характерных черт абхаза-импровизатора (ахь?ырт??ы) — исполнителя импровизированных частушек (алерс) и др. песен, которого нередко можно встретить и в наши дни на свадьбах и других народных торжествах. Кстати, есть основание считать, что импровизация и ораторское искусство вообще не были чуждым явлением у абхазов. Среди некоторой части столетних

1 Савинов В.И. Достоверные рассказы об Абазии. // «Пантеон». 1850. Т. VI. Кн. 11. Отд. VIII. С. 7-8.

2 Лакербай М.А. Очерки из истории абхазского театрального искусства. — Сухум. 1962. С. 16.

82

стариков в Абхазии и поныне сохранилась способность, как говорится, без единой бумажки овладеть большой аудиторией. Эта традиция, по-видимому, была вызвана к жизни вековыми обычаями: высказать речь на собрании без предварительной подготовки, провозгласить тост за столом торжества и т.п., хотя имела место и специальная подготовка к искусству говорить красноречиво.

Небезынтересно вспомнить в этой связи небольшую заметку С. Быковского «Древняя академия красноречия», напечатанную в газете «Труд». Мы позволим себе привести ее целиком.

«В древней Абхазии, — пишет С.Быковский, — существовала народная академия ораторов. К такому выводу пришли этнографы. Занятия с иными «демосфенами» проводили в священных рощах мудрые, убеленные сединами старики.

Начинались уроки, «когда солнце всходило на полтора дерева» (примерно в 11 часов утра), а заканчивались, «когда крестьянин распрягал волов» (около шести часов вечера).

Школяру давали тему разговора о мужестве, верности родине, долге, и он должен был произнести трехчасовую речь, не сбиваясь и «не повторяя слово два раза». Когда допускалась тавтология, учитель бил посохом о землю и говорил: «Не жуй!»

Занимались несколько групп в разных селах. Наиболее способных молодых ораторов направляли на всеобщий сход в село Мокву, где они должны были выступить перед народом на тему морали. Победители моквского форума удостоивались чести выступать на Лыхненском поле и только тогда становились признанными ораторами.

И поныне в Абхазии ценится красивое и меткое слово» (1).

Как видно, предки абхазов уделяли большое внимание ораторскому искусству.

Познакомив читателя с отдельными абхазскими погливанами вообще, В.И. Савинов переходит к рассказу о целой труппе погливанов. «Иногда погливаны странствуют в горах целыми труппами, — пишет он, — и тогда, кроме песен, рассказов и плясок — они потешают абазехов импровизированными представлениями комедий, содержание которых — всегда основано на каком-нибудь историческом происшествии.

Вот одна из них, которой я был зрителем в ауле Дазари» (1).

В.И. Савинов подробно передает начало уникального театрального представления, не упуская ни одного интересного момента:

«В праздник Мизитхи десять человек таких погливанов, проходивших аулом, были оставлены князем Астан-Гори (Астангери. — А.П.). Когда кончились скачки... князь предложил странствующим фиглярам за пять абазов потешить усталых наездников фокусами, плясками и представлением **хасыли** (зрелище подобного рода называется горцами былью — хасыли. — примеч. автора)... все пороги саклей, все камни, овраги и пни, окружающие площадь аула, были в минуту заняты любопытными. Затем два погливана очистили площадку от растерянных подков и поломанных джиридов. Представление началось пляскою джигитки и кувырканием через кинжалы. Но вот фокусники отошли в сторону. Четверо из них накинули на себя чадры, а старший обратился к зрителям со следующей речью: «Храбрые наездники! — сказал он. — По желанию доброго, великодушного, могучего и славного князя вашего мы будем веселить вас **хасыли**... Слушайте, слушайте! — и среди мертвого молчания он начал, как вообще водится у горских актеров, пояснять завязку пьесы» (2).

В завязке пьесы, т.е. прологе, как это имело место в античной драме, говорится о том, как некогда адыги под пред-

1 Савинов В.И. Достоверные рассказы об Абазии. // «Пантеон». 1850. Т. VI. Кн. 11. Отд. VIII. С. 8.

2 Там же. С. 8-9.

водительством непобедимого наездника Гирей-Захала напали на абазинский аул «Кугары», и пришлось абазинцам без единого выстрела отдать много скота, лошадей и пленных. Но чтобы положить конец повадкам «Жадного волка» (Гирей-Захала), кугарцы решили пойти на хитрость. Гирей-Захал «любил красавиц больше своей славы». И вот, к нему были отправлены отары овец, табун лошадей и четверо красавиц: Гульчи, Юзейлу, Селиму и Рити, которые понесли ему пять лепешек мира. Четыре из них, предназначенные для Гирей-Захала и его джигитов, были приготовлены со снотворным зельем; а пятую, которую должны были съесть девушки, предполагалось испечь на меду. Отведав лепешек со снотворным, Гирей-Захал со своими кунаками, естественно, должны были уснуть, после чего девушки обязаны были обезоружить их и кликнуть своих одноаульцев,

ожидавших в засаде.

«Так и сделали, да не так вышло... — говорится в завязке, — проклятая стряпуха, старая Китела сбилась в счете, поздобила сонным зельем все пять лепешек... и вот что случилось... Слушайте! слушайте! Я буду Гирей-Захал, вот эти три молодца мои старшие джигиты... Мы сидим в сакле и ждем красавиц.

И пьеса началась» (1).

В.И. Савинов предупреждает о том, что он излагает пьесу по памяти, и что неточная запись несколько не меняет содержания пьесы, так как актеры каждый раз, разыгрывая пьесу, меняют текст, который не записывается, а всегда ими импровизируется.

Представление начинается так: Гирей-Захал со своими наездниками сидят на полу.

«Гирей-Захал. Я слышу свист бича, конский топот и шум...

Первый наездник. Слышу и я... Верно наши джигиты заспорили с ветром: кто кого обгонит...

1 Савинов В.И. Достоверные рассказы об Абазии. // «Пантеон». 1850. Т. VI. Кн. 11. Отд. VIII. С. 9.

85

Гирей-Захал. Нет... джигиты измучены дальним переходом, они отдыхают... не то... Атажук, загляни в окно... что там?

Второй наездник (Поднявшись, делает несколько шагов вперед и как бы приподняв решетку окна). Две отары овец, табун коней... семь пар ясырей... (пленных. — А.П.), пять кугарских старшин... и четыре красивых абазинки.

Гирей-Захал. Четыре!.. красивых!.. Атажук... погляди хорошенько... красавицы ли они?

Второй горец. (Не оставляя своего места). За Кубанью... не встречали таких черных глаз, таких длинных ресниц, таких розовых губ...

Гирей-Захал. Далеко ли они?

Второй наездник. У порога нашей сакли... они несут нам знаки мира...» (1).

Далее в пьесе повествуется, что по указанию Гирей-Захала наездники открывают дверь сакли и бросают бурки к ногам красавиц. Девушки обращаются к Гирей-Захалу со словами мира и дружбы и просят исполнить прадедовский обычай: разделить с ними мед и сладость мира, отдают наездникам четыре лепешки, а пятую делят между собой. Девушки вынули из-под чадры чонгуры и стали прославлять в песнях подвиги наездников и их князя. Один из наездников, взяв у девушки чонгуру, в свою очередь стал петь славу кугарцам, после чего засыпают не только наездники со своим князем, но и девушки.

Первыми просыпаются наездники с Гирей-Захалом. Они решили, что уснули от скучной

песни своего кунака, на которого нападают, а затем уходят к кугарским старшинам для извинения, считая за позор усыпить девушек, принесших им дары мира, скучной песней. А девушки, проснувшись, в свою очередь, поносят старушку, состряпавшую лепешки, и в

1 Савинов В.И. Достоверные рассказы об Абазии. // «Пантеон». 1850. Т. VI. Кн. 11. Отд. VIII. С. 10.

86

страхе ожидают наездников, которые по их мнению должны вернуться с веревками, чтобы повесить их за эти проделки.

Являются наездники. Девушки со слезами бросаются в ноги, моля о пощаде. А наездники, извиняясь, объясняют, что все уже улажено...

Пьеса кончается следующими словами:

«Гирей-Захал. Не плачьте перлы Абхазии... Мы поправили все дело...

Атажук. Это был виноват я... Но та, которая пожелает быть моею женою, верно простит меня... Наш князь заключил мир с вашими старшинами...

Гирей-Захал. А в залог этого мира мы четверо берем вас своими женами.

Девушки. Женами!..

Гирей-Захал. Ну да... За вас уже заплачен и калым... Все стада, табуны и ясыри возвращены вашему аулу...» (1).

В заключение В.И. Савинов говорит о реакции публики:

«На этой сцене оканчивается пьеса всегда при громком крике зрителей, которые заменяют здесь наше bravo.

Кончив представление, погливаны, исполнявшие роли девушек, тут же скинули с себя чадры и, уложив их в арбу, отправились с товарищами дальше, в соседний аул, где повторили ту же историю.

Игра погливанов, — заключает автор, — необычайно натуральна и свободна. Причина этому весьма очевидна. Заученного у них нет ничего, кроме плана пьесы, а импровизируя, они невольно приблизились к натуре» (2).

Таким образом, благодаря В.И.Савинову, мы имеем необычайно интересный экземпляр сценического представления.

Известно абхазское народное зрелище «Самакуа», которое перекликается с этим представлением. Правда, «Самакуа», тесно связанная с религиозным обрядом, устраивалась исклю-

1 Савинов В.И. *Достоверные рассказы...* С. 13.
2 Там же. С. 13-14.

87

чительно в годовщину со дня смерти; причем, эти комические представления шутов, скоморохов, вызванные для увеселения скорбящих целый год родных усопшего, разыгрывались лишь ночью. «Самакуа», как правило, начиналась демонстрацией животных для жертвоприношения, после чего начинались выступления абхазских «кечеков» (скоморохов). В этих импровизированных представлениях, как указывает М. Лакербай, «обычно высмеивались какие-либо отрицательные явления окружающей действительности... разыгрывались небольшие диалогические сценки... нередко рассказывали о тяжелом положении крестьян и об угнетении их дворянами и царской властью...» (1). Таким образом, истоки абхазского национального тетра следует искать во многих видах народного зрелища.

Не случайно, а возможно, и не на голом месте в первые же дни Советской власти в Абхазии (в 1921 г.) основоположником абхазской литературы Д.И. Гулиа был организован передвижной любительский театр (2). Кстати, в основе пьесы Г. Гулиа «Скоморохи на берегу Гумисты» лежит пьеса Савинова, о которой говорилось выше (3).

Однако пьеса с несложным сюжетом (где вокруг одного события разыгрываются действия), записанная В.И.Савиновым в 1843 г. в Абхазии, по своим характерным признакам является довольно зрелым образцом народной комедии, жанр которой определяется трагикомедией. Наличие в пьесе самостоятельной драматизированной игры (а не простых элементов драматического действия), где уже в художественной форме отражается общественная жизнь и быт народа, говорит, по нашему мнению, о гораздо более глубоких корнях начала абхазского национального театра.

1 Лакербай М.А. *Очерки из истории абхазского театрального искусства.* — Сухум. 1962. С. 33.

2 *Подробности об этом: Гулиа Г.Д. Д.И. Гулиа (повесть о моем отце).* — М. 1962. С. 138-142.

3 Гулиа Г. Д. *Скоморохи на берегу Гумисты.* // ж. "Алашара". 1979. № 7.

88

Запись В.И.Савинова определяет не только жанр пьесы, она дает полное представление о сюжетно-композиционном характере этого драматургического произведения со всеми его элементами. По своей структуре (наличие пролога, условностей на сцене, исполнение женских ролей мужчинами и т.п.) это представление напоминает нам античную драму, хотя сейчас трудно говорить о какой-либо связи этого, к сожалению, единственного импровизированного театрального представления с античной драмой. Разработка такой самостоятельной темы не входит в нашу задачу. Однако небезынтересно указать, что в древние времена колхидский город Апсар располагал великолепным театром. Как свидетельствует Прокопий Кесарийский (VI в. н.э.), «...в древности этот город (Апсарунт. — А.П.) был многолюдным... украшен он был театром и ипподромом...» (1).

Следует добавить, что сомнений о принадлежности интересующей пьесы абхамам не

должно быть, ибо в ней осуждаются и высмеиваются проделки адыгского князя (жадного волка), опустошавшего своими набегами абхазские аулы; и, напротив, прославляются абхазы, сумевшие хитростью и находчивостью предупредить повадки Гирей-Захала. Такая идейно-тематическая основа произведения не оставляет сомнения в том, что В.И. Савинов действительно был зрителем этого представления именно в Абхазии.

Работорговля в Абхазии и других странах Кавказа, свидетелем которой оказался В.И. Савинов, как видно из его творческого наследия, оказала тяжелое впечатление на писателя. Этим обстоятельством следует объяснить тот факт, что при всякой возможности он возвращается к своей волнующей теме.

В 1859 г. в одном из сатирических журналов автор «Тескольского ущелья» опубликовал совсем маленький (2 стр.), но довольно значимый в идейно-художественном отношении сатирический рассказ «Широкая ложь (восточная сказка)».

1 Прокопий из Кесарии. Война с готами. — М. 1950. С. 378. Подробности о городе Ансар и театре в нем см.: Джанелидзе Д.С. Грузинский театр. — Тбилиси. 1959. С. 87-88.

89

В этом миниатюрном рассказе В.И. Савинов, как бы обобщая в деградированные типы все им уже ранее созданные отвратительные образы работорговцев, решил саркастически посмеяться над уродством этих хищников — пожирателей человеческих достоинств. Рассказ написан в форме сказки, адресованной взрослым.

В кофейне еврея Шмуля, говорится в этом произведении, собралось разнохарактерное общество курильщиков — «человечество более или менее с **весом**». Здесь оказался «жирный купец, разменявший на пиастры свою честь», отставной начальник **ковасов**, выгнанный из службы за несправедливость и кражу, которая, однако, в его формуляре именуется «благоприобретением», старый мулла — «большой ханжа и превеликий грешник, невзрачный по уму, но сытый правоверный», и другие, как замечает автор, не стоящие внимания.

Сидят они, курят, молча поглядывая друг на друга, и ведут между собой внутреннюю вражду. Картина внутренней борьбы этого «благородного общества» изображена автором в следующих словах:

« — Этот жирный, — думал бывший поставщик (мулла. — А.П.), кивая на купца, — должен быть большой плут...

— О!.. Это должен быть вор — обобравший казну, — думал в свою очередь купец, поглядывая... на подрядчика...

— Аллахом поклянусь, что это два уважаемых мошенника, — думал ковас с наивной улыбкой полицейского, взирая молча на враждующих **плутов** или людей **добродетельных**...

— Гяуры! Собаки из-под иерусалимской подворотни, — говорил про себя мулла... — ко мне, поклонившемуся и Мекке, и Медине, ко мне, столько сказавшему красивых глупостей народу — они, кажется, не питают никакого уважения!...»

В это время в кофейню входит, уже знакомый нам по другим произведениям этого же автора, армянин-коробочник, который объявил «благородному собранию» следующее:

90

« — На нашем батумском базаре... сегодня выставлены великолепные женщины, сокровище с берегов Кавказа, женщины той красоты, за которую или живет человек в раю, или умирает, изнывая и телом, и душою...» (1).

Затем следует реакция этого пресыщенного сборища курильщиков на только что объявленную новость:

« — А... дороги? — удостоил спросить купец.

— Не дешевы? — важно и растянуто подхватил ковас.

— Не изморенные? — спросил в свою очередь бывший поставщик...» (2).

В этом произведении, так же как и в «Тескольском ущелье», В.И. Савинов акцентирует внимание читателя на забавный сюжет рассказа, в ходе которого в уста своих героев вкладывает самое существенное, через которое раскрываются подлинные лица этих пресыщенных развратников, собравшихся в кофейне еврея Шмуля в Батуме.

Острая сатира В.И. Савинова бичует произвол и насилие, извращение общественных нравов, чинимые иностранцами купцами и их верными агентами на побережье Кавказа. Автор сумел в предельно сжатой форме показать как бы результат происков всех работорговцев, изображенных им ранее в других произведениях (Келима-Ух, еврея Урти, Солимана и др.).

В 1853 г. В.И. Савиновым было издано самое значительное его произведение на тему работорговли в Абхазии — роман «Тескольское ущелье».

По объему роман небольшой (187 стр.), состоит из двух частей: «Дочь еврея» и «Клад». События в нем разворачиваются в конце XVIII в. в Авадхарском (в романе Одохарском) ущелье — выше высокогорного озера Рица.

Автор начинает свое повествование прологом под названием «Три пояса»: «Лет шестьдесят назад, в Одохарском ущелье, на площадке скал, раскидывался хорошо и удобно

1 Савинов В.И. Широкая ложь (восточная сказка). // Ж. «Весельчак». 1859. № 4. С. 41.
2 Там же.

91

построенный приют путников. Белые мазанковые стены его можно было видеть от самого аула Ридца. Всегда и во всякое время приют этот был полон приезжими торгашами и купцами. Арбы десятками стояли у ворот мазанного здания; в балке, побрякивая бубенчиками, паслись сотни коней...» (1).

В этом приюте, как далее повествует В.И. Савинов, всегда было многолюдно. Здесь собиралось самое разнообразное общество, представлявшее странную смесь одежд и лиц: «Турецкие чалмы, греческие фустанеллы, синие куртки европейских матросов, черные лица мавров, прикрытые красного феской, были перемешаны здесь, как на всемирном торжище» (2).

Они обычно играли в карты, косточки, или их развлекали погливаны (бродячие актеры), а также слушали мудрых сказителей Востока.

И вот однажды словоохотливый седой лезгин по имени Гие-ю-ко, хорошо знавший все сказки, легенды и предания Кавказа, рассказал о том, как некий богатый грузин Дамиан из Кизляра решил переселиться в Кафу (Феодосию), так как надоело ему торговать в своем духане. Для безопасности во время перехода по горам скряга Дамиан выменял свои несметные богатства на драгоценные камни и спрятал их в три пояса, которыми он был подпоясан. В рваном платье и на тощей кляче со своим верным слугой мавром (Али) он выехал ночью. Разведали об этом горцы и погнались за ними. Дамиан с мавром бросили коней и стали пробираться труднодоступными тропинками и обвалами. Измученные до изнеможения голодом, они добрались до Эльбруса и у входа в Тескольское ущелье рухнули, потеряв память. На шестые сутки скряга Дамиан с колоссальным количеством богатства в руках, почувствовав приближение голодной смерти, закопал свои пояса в Тескольском ущелье, пока мавр лежал без чувств. Затем он нарисовал на пергаменте какие-то знаки и оставил это завещание мавру.

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье. — СПб. 1853. С. 1.

2 Там же. С. 3.

«Завещаю тебе свои богатства, сказал он, — если у тебя хватит ума разгадать по этим знакам ключ к находке клада».

Дамиан скончался, а мавр был тогда спасен прохожим в горах евреем Гацалом-Шеуды, который неожиданно для слушателей оказался сейчас здесь, в приюте, где вел свое повествование старый лезгин.

Рассказ лезгина продолжил еврей, который умышленно для слушателей нарисовал страшную картину дальнейших событий о том, как он с мавром, не сумев разгадать знаки, выведенные Дамианом, отправились искать клад на месте (у Тескольского ущелья), где встретили труп Дамиана, с горящими глазами сидящего на камне, и что им с мавром с большим трудом удалось спастись от этого привидения. «Карачаевцы рассказывают о том, — говорил еврей, — что труп Дамиана в каждую полночь является на скалах, обходит ущелье, садится на камень и горько плачет, прося крошку чурека и каплю воды».

Из всех слушателей единственный матрос в синей куртке, сидевший у входа, слышат, как Гацат-Шеуды, окончив свой рассказ, проговорил шепотом, что он умышленно нагнал страху всем, чтобы никто не сунулся в Тескольское ущелье за кладом. Этот матрос еще уловил из разговора между двумя маврами, что тайна, разгаданная их мудрецами, лежит в поясе одного из них. Далее автор представил развязку своего пролога.

Матрос в синей куртке ночью похитил пояс мавра с тайной Тескольского ущелья; сторожевые видели, как он вспрыгнул на коня и помчался по направлению к аулу Ридца.

Утром в приюте поднялся шум об ограблении, но никто не заметил, что некий матрос в синей куртке скрылся.

Как видно из довольно пространныго (30 стр.) пролога, автор готов к повествованию приключенческого романа, все подготовлено к тому. И, действительно, по форме роман выглядит приключенческим, поскольку через всю сюжетную линию проходит тема поиска этого тайного клада. Действующие лица, в общем-то, заняты расшифровкой знаков Дамиана, они

93

со всех сторон всячески стремятся к этим злополучным сокровищам, которые спрятаны где-то в районе Эльбруса.

Однако это лишь внешняя оболочка романа, ткань которого соткана из темы работорговли в Абхазии конца XVIII в.

Первая глава романа («Том-Кук») так и начинается: «В исходе XVIII столетия, когда еще все укрепления северо-восточного берега Черного моря находились во власти Турции, торговля пленными едва ли не составляла главного ремесла всех приморских горцев Кавказа и большей части турецких купцов. Кроме главных базаров в Бугур-Кале, Сухуме, Кодере и Батуме, каждая бухта на берегах Абхазии, Мингрелии и Имеретии представляла печальную и отвратительную картину мены молодости и красоты на полированную сталь, мешок порошу и редко на мешок золота. Никем не преследуемые, напротив того, поощряемые турецким правительством к прибыльной торговле горскими красавицами, турецкие купцы не расставались с морем даже и в бурную осень... Покупатели, пренебрегая всеми опасностями осеннего плавания, являлись у берегов Абхазии вовремя со своими кочермами и брали его из первых рук... часто суда эти гибли в виду берегов, и тогда горцы с восторгом бросались в море и грабили... нередко уводя их (турецких купцов. — А.П.) в неволю» (1).

Сделав этот исторический экскурс, автор непосредственно переходит к изложению экспозиции романа:

«Вот почему, — продолжает В.И.Савинов, — в начале 17** г. толпы сухумских абазинов, несмотря на проливной дождь и непогоду, почти двое суток не покидали камышей, преследуя жадным взглядом небольшую кочерму, которая, видимо, была близка к гибели... небольшой экипаж кочермы безмолвно ждал своей гибели, к тому же в этой толпе матросов. представлявшей смесь лиц черных, белых и смуглых, в толпе людей, разных по вере, языку и понятиям о жизни и смерти, в решительную минуту нельзя было ожидать никако-

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье. СПб. 1853. С. 29-31.

94

го единоподушия: тут были негры, турки, африканские евреи и даже европейцы» (1).

Мы привели эту длинную выдержку из романа, и в дальнейшем придется цитировать наиболее характерные отрывки, чтобы наглядно показать, как В.И. Савинов стремится акцентировать внимание читателя на тех событиях, которые связаны с работорговлей.

Далее автор продолжает свою экспозицию. Он знакомит нас с одним матросом из экипажа, как позже выясняется, с тем самым матросом, который, похитив тайну Тескольского ущелья в Авадхарской долине, ночью бежал. Он высокий, широкоплечий, с мускулистыми руками и необыкновенной силой. Стоял он у руля, преодолевая все трудности, с каким-то ожесточенным упорством исполнял свои обязанности. Однако силы его истощились и он просил помощи. Он готов был уже бросить руль, как к нему подбежал молодой матрос (Ростиньяк), нанявшийся еще в Стамбуле перед выходом кочермы в море.

Два матроса (Том-Кук и Ростиньяк) пытаются вести судно в Анаклию (к устью Ингура), где стоит турецкий гарнизон, и где можно ожидать спасения, но не к устью Пшады, где абхазы могут продать их в горы. Но судно отнесло к берегу района Дранды и там потерпело крушение. Том-Кук и Ростиньяк спасаются.

Во второй главе автор, описав богатую природу Абхазии, приводит читателя к старой вьючной дороге в долине р. Келасур, чуть выше «аула Алидзар», по которой проходили караваны с рабами.

«Хунзах-гарская долина» между двумя рукавами р.Келасур служила главным сборным пунктом для караванов с рабами. «Весною и летом эта пустыня оживала частыми картинами кочевья и базара. Иногда безмолвной ночью, вдруг, в непроницаемой тьме слышались удары бича, громкий крик проводников, ржанье коней, и затем вспыхивали огни походного

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье. СПб. 1853. С. 31.

95

огня. В минуты над ним подвешивались котлы, у костров располагались люди и собаки, вокруг громадных арб, татарской постройки, выросли шатры — и жизнь просыпалась здесь, откликаясь... в заунывных звуках чонгура и напевах горской песни. Рассветал день над Хунзах-Гаром, снова скрипели арбы, снова побрякивали звонкие уздечки и новые толпы горцев прибывали сюда со своими услугами и живым товаром» (1).

Нарисовав печальную картину этого промежуточного пункта для караванов с рабами, автор обращает внимание на измученных путников: шотландца Том-Кука и Ростиньяка (француза по происхождению), которые в поисках знаменитого работорговца, еврея Гацат-Шеуды, скитаются в горах.

«Ах ты память дурацкая, — говорил шотландец Том-Кук, — два раза был я в этой дрянной труппе и не могу найти тропинку, которая ведет к сакле еврея» (2).

Товарищи по несчастью основательно знакомятся в пути друг с другом. Том-Кук признался, что он давно ищет напарника... Он подробно рассказал свою биографию, кстати, написанную автором слогом образцового мастерства (3), — с юмором, в

характерном тоне для англичанина. Том-Кук, долго скитавшийся в детстве беспризорным, в конце концов был завербован матросом на английское судно «Самуил», принадлежавшее старому пирату Минсу. С этого судна его забирает другой промышленник по имени Болден. Между ними (по рассказу Тома-Кука) происходит такой диалог. Болден обращается к Тому: «Слушай! Мне нужен лихой и дельный товарищ, лучше тебя я не нахожу... Видишь ли, цель моя — разбогатеть поскорее и наверную. Чтобы достигнуть этой умной цели, я знаю два средства: или торговлю неграми, или порохом и красивыми горянками на базарах Батума и Трапезунда; из этих двух средств я выбрал последнее. Теперь я тебе скажу,

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье. СПб. 1853. С. 42-43.

2 Там же. С. 44.

3 Там же. С. 50-73.

96

почему ты мне необходим. Из ваших рассказов я узнал, что последние шесть лет вы провели у сухумских берегов, подвозя горцам порох и оружие — так ли?

— Правда, — отвечал я.

— Стало быть, берег этот тебе так же хорошо знаком, как и свои карманы.

— Правда, — повторил я.

— Видишь ли, почему ты для меня находка, — продолжал Болден... — Но еще постой, главного твоего достоинства я не сказал! Посещая часто берега Абхазии, ты, вероятно, знаком с языком горцев — не так ли?

— По совести, знаю его едва ли не так же, как и свой.

— Ну, друг мой Томи, так по рукам...

— Мои выгоды, почтенный Болден? — спросил я» (1).

Болден и Том-Кук, поторговавшись, остановились на том, что Том будет служить Болдену за звание штурмана, полную свободу в своих действиях, сто фунтов стерлингов и седьмую часть барышей после продажи каждого груза.

Том-Кук продолжает свой рассказ.

«Дела наши пошли отлично. В пять лет Болден нажил пропасть денег, я тоже сколотил себе порядочный капитал и, завидуя товарищу, решил сам сделаться хозяином судна, как одно обстоятельство совершенно изменило мои планы» (2).

Том-Кук далее рассказал своему другу то, о чем уже известно читателю из пролога, т.е. о похищении им тайны Тескольского ущелья у мавра в Авадхарской долине.

С этого места автор продолжил тот остро-приключенческий сюжет, который был начат им еще в прологе, т.е. когда матрос с тайной Тескольского ущелья скрылся в сторону Рицы.

Оказалось, что тайна была разгадана на арабском языке. Том был вынужден явиться в Сухум в надежде встретить старого друга Болдена, чтобы прочесть запись на

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье... С. 69.

2 Там же. С. 70-71.

97

арабском языке и поделиться с ним своей тайной. Но, так как Болден не явился в Сухум, Том-Кук поступил матросом на первую встречную кочерму, чтобы отыскать Болдена где-нибудь в Трапезунде. Однако Том-Кук поделился своим секретом с капитаном судна, который со своими друзьями, устроив заговор, решил убить Тома и овладеть сокровищами Дамиана. Об этом разведал Том-Кук, он овладел рулем судна и привел его к гибели вблизи берега Дранды, спаслись лишь он и Растиньяк, а все остальные им были потоплены.

Затем и Растиньяк рассказал о себе. Его биография оказалась также «интересной». Он с детства был изгнан, как сын революционера, работал матросом на одном судне в Италии, потом на другом — у «известного контрабандиста Измаил-Рустана, плавал у берегов Абхазии, обходя все прибрежные рынки» (1). Влюбился в одну еврейку, которая возвращалась из Стамбула (где она была в плену) в Сухум со своим отцом, работником Гацал-Шеуды (знакомый уже читателю).

Том-Кук и Растиньяк договорились дружить и дали слово не покидать друг друга.

В третьей главе («Хунзах-гарский гарем») путники отыскиали дом еврея Гацал-Шеуды, некогда рассказавшего о сокровищах Дамиана. У него на этот раз оказалось в неволе «лишь» до сорока женщин-красавиц, предназначенных для продажи туркам весной.

На вопрос, кто их охраняет, Галискар (слуга) отвечает им: «Уч, шапсуг-Увиджа, натухаец-Бона, карачаевец Доу... и я... Я им пою песни и рассказываю сказки, а Уч, Увиджа и Бона стоят у саклей с винтовками...» (2).

Гости пожелали остаться у еврея до прибытия первого каравана. Еврей повел их показывать своих пленниц. Селение Гацал-Шеуды было хорошо укреплено от нападений. Он с большим удовольствием говорил о своем лагере, который раз-

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье... С. 74-75.

2 Там же. С. 86.

98

разросся за последние годы. О пленницах еврея автор пишет: «Казалось в гарем Гацал-Шеуды все племена, населяющие вершины гор, прислали своих красавиц» (1).

Глава кончается тем, что гостям подали абхазского меду, и начался пир, где заставили танцевать отборных горянок из числа пленниц.

Параллельно развивается и любовная коллизия. Ростиньяк встретил здесь свою возлюбленную — дочь еврея. Аксана отвечает ему взаимностью. Возникает конфликт между друзьями, так как и Том-Кук не на шутку влюбляется в Аксану. Друзья договариваются стреляться, чтобы счастливицу досталась и Аксана, и сокровища Тескольского ущелья.

Во время поединка Галискар (слуга Аксаны), который знал обо всем и был на стороне Ростиньяка с Аксаной, из засады метким броском ножа ранил Тома, который до выстрела свалился в пропасть.

Таким образом Ростиньяк овладел тайной Тескольского ущелья.

Следующие события разворачиваются уже во второй части романа («Клад»).

Большая группа всадников во главе с Болденом, узнавшая о кладе Дамиана, нападает на торговое село еврея Гацал-Шеуды и берет в плен всех вместе: и невольниц, и еврея с дочерью.

Болдену нужен был еврей, у которого также имелась тайна клада, поэтому он и погнал его (вместе с невольницами) в горы по направлению к Тескольскому ущелью. Ростиньяк с Галискарсом преследуют их, чтобы спасти Аксану, и в свою очередь овладеть сокровищами Дамиана. Шотландец Том-Кук не погиб, очнулся, встретил одного из своих старых друзей и тоже погнался за ними. И вот несколько групп в надежде разбогатеть спешат в горы, к заветному месту. Каждую группу на

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье... С. 90.

99

пути поджидают острые приключения, и, в конце концов, кладом овладевают Ростиньяк и Галискар, они спасают и Аксану.

Роман имеет счастливый конец. В эпилоге романа Ростиньяк с Аксаной показаны необыкновенно богатыми людьми — имеют свое судно; к ним на судно (в районе устья Кодора) появляется Том-Кук в одежде горца. Он рассказал о своих похождениях, как он спас еврея, который по-прежнему живет в своем Хунзах-гарском селе, собирая новую партию невольниц. Старые друзья принимают Тома-Кука матросом к себе на судно и т.д.

Роман «Тескольское ущелье» представлен в своей классической форме, т.е. здесь налицо: пролог, эпилог, экспозиция, завязка, развитие действий, кульминация и другие сюжетно-композиционные элементы.

Действия романа, правда, местами, но развиваются стремительно. Построен он на ряде более или менее случайных событий. Сюжет увлекательный. Все эти признаки дают основание для определения его жанра как приключенческого романа. Однако увлекательность сюжета нисколько не подменяет глубокое изображение картин жизни и типичных характеров, как это порой бывает в приключенческих романах. Напротив, автор постоянно стремится вывести на передний план и глубоко раскрыть картины социальной жизни. Картины работоторговли занимают в романе самое значительное место, ибо автор посвятил его, как и все свои произведения на кавказскую тему, этому дикому промыслу.

Если в других подобных сочинениях В.И. Савинов, как правило, выводил образы лишь турецких купцов и их местных агентов, то в «Тескольском ущелье» география промышляющих рабами в Абхазии намного расширяется. Здесь показана многоплановая картина работорговли. В романе мы видим, что заморские искатели живого товара: англичане, французы, итальянцы, турки, евреи и др., спокон веку грабят жителей Абхазии, вывезли и все еще вывозят несметное количество людей, наживаясь на несчастии обреченных.

100

Так, например, шотландцу Том-Куку и французу Ростиньяку давно знакомы берега Абхазии. Они грабят местное население едва ли не с детства; так давно, что шотландец уже прекрасно владеет абхазским языком. Самым эффективным методом наживы англичанин Болден считает, например, торговлю рабами на восточном побережье Черного моря. Даже торговля неграми не сулит такой выгоды, не может конкурировать с кавказским живым товаром. Здесь нет никакого преувеличения.

Русский ученый, генерал П.К. Услар по этому поводу писал: «Торг невольниками составлял неотъемлемую принадлежность Кавказа с древнейших времен и, притом, сопровождаем был злодеяниями, **перед которыми бледнеют даже все преувеличенные рассказы о торговцах черным мясом по берегам Африки**» (1). (Выд. — А.П.).

В.И. Савинов относится к страданиям населения Абхазии не только сочувственно, но и тяжело переносит это оскорбление человеческой личности, свидетелем которого он был. Он рисует нам крупным планом портреты страдающих, подчеркивает нежность, красоту и обаяние этих несчастных невольниц. В романе «Тескольское ущелье» он описывает красоту абхазских женщин, которых выставили для продажи во время отдыха каравана. «Эту группу горянок, — пишет он, — составляли шесть девушек привлекательной красоты, по языку и костюму их можно было догадаться, что родина их Абхазия. Исходите весь Кавказ, от Анапы до Сольяна и от Кизляра до Кутаиса, ни в одном горском племени вы не встретите такой дивной красоты в женщинах как в женщинах нагорной Абхазии. Белизна и правильность лица, в котором просвечивается бездна жизни и энергии, темно-русый волос, в мелких косах упавший по плечам, высокий рост и стройный стан, перетянутый заветным колетом, ножка, зятая в сафьян и крошечная; прибавьте к тому взгляд, полный обаятельной ласки, и ручку, на которой мизинец едва ли не тоньше вермишеля — и

1 Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. — Тифлис. 1881. С. 428.

101

вы получите еще не совсем верное понятие о красоте абхазских женщин. Такие-то первообразы этих красавиц составляли ту небольшую группу, на которую я указал моему читателю» (1).

Абхазские женщины, а тем более невольницы, куда попадали отборные, несомненно, были привлекательной красоты, о чем с любовью пишет В.И. Савинов. Однако несколько возвышенное подчеркивание красоты необходимо было автору и для оформления антитезы — стилистической фигуры, усиливающей контраст между красотой невольниц и

их несчастной судьбой.

В.И.Савинов не проходит и мимо бедноты абхазского горца. Во второй части романа автор даст возможность заглянуть в жилище абхаза. Ростиньяк и добрый помощник его Галискар следуют за пленной Аксаной, чтобы выкупить ее. Они зашли в первую встречную саклю. «Абхазский горец всегда рад принять и угостить странника», объясняет Галискар своему другу. «Агури-Мыдга всегда умел делить свой чурек и войлок со странником, хотя бы он был кровный враг его, — пишет В.И.Савинов. — Картина полудикой, бедной жизни встретила наших путников при первом шаге за гостеприимный порог горца. Небольшая сакля, с потрескавшимися стенами, в которые врывается ветер, освещалась двумя сучками самшита, пылавшими на полуразрушенном очаге. На земляном полу было брошено седло и пара войлоков... у крошечного окна, задвинутого решеткой, сплетенной из лыка, висела винтовка, на другой стороне — шашка и пистолет; тут же, на воткнутом в перекладину кинжале, торчала баранья нога. Старая горянка, полулежа на войлоке, расчесывала всколоченные волосы оборванного мальчика, который спокойно дремал на коленях матери. При входе Галискара и Ростиньяка мальчик, не переменяя своего удобного положения, открыл глаза и взял старуху за руку» (2).

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье... С. 164-165.

2 Там же. С. 152-153.

102

Примечательно, что автор обратил внимание и на то, как этот оборванный и, вероятно, не очень сытый мальчик, первым заговорил об угощении гостей:

« — Еана (мать), — сказал он. — Кунаки пришли.

— Вижу, родной мой, вижу, — отозвалась старуха.

— Давай баранины...

— Молодец Бач! Молодец! — подхватил старик. — Именно так, — продолжал он, — гости с дороги — нужен сытый кусок баранины на голодный зуб... Старуха принялась за стряпню, а маленький Бач подсел к гостям, с непременным намерением досыта полюбоваться богатым вооружением странников» (1).

Рисую бытовые сцены абхазской деревни. В.И. Савинов не упускает из поля зрения самые, казалось бы, незначительные детали, подчеркивающие обычаи и нравы горцев.

Автор ненавязчиво, но упорно проводит свою идею о варварском уничтожении абхазского народа иностранными дельцами всех мастей путем промысла работорговли.

Повествование ведется стремительным темпом там, где кладоискатели спешат к своей цели (во второй половине пролога, например), и, наоборот, там, где описывается лагерь с рабами еврея Гацал-Шеуды, автор замедляет свой рассказ, как бы показывая крупным планом картины, связанные с живым товаром.

Образы Тома-Кука и Ростиньяка созданы правдиво. Эти характеры формировались в таких типических обстоятельствах, что их нельзя представить себе другими. Они с детства попадают в руки крупных купцов-пиратов, которые используют их в самых грязных и

преступных делах. Идеал шотландца — это разбогатеть любой ценой, не считаясь ни с какими опасностями, не говоря уже о морали. Натура Ростиньяка несколько лирическая; он страстно влюблен в красавицу Аксану и, в конце концов, добивается счастья с ней.

Язык романа дифференцирован. Автор индивидуализирует язык действующих лиц, чтобы подчеркнуть характер-

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье... С. 152-153.

103

ные особенности героев романа. Речь шотландца Тома-Кука насыщена оборотами речи с характерным юмором, свойственным английской речи. Том-Кук, рассказывая о своей биографии, приводит беседу своих друзей, говорящих о нем. Болден спрашивает у Минса о профессии Тома-Кука, занимавшегося в прошлом грабежом: «Да он, смею спросить, какими отличался способностями?»

— Путешествовал, занимался, так сказать, нумизматикой и собирал монеты, исключительно золотые» (1), — ответил Минс.

Другой пример. Том-Кук и Ростиньяк, оставшиеся в живых после кораблекрушения, совершенно обессилев, плетутся вверх по долине р. Келасур. Ростиньяк упал, просит Тома-Кука дать ему возможность передохнуть. Том не без шуток отвечает: «Отдых! Но можно ли отдыхать в этой отвратительной грязи! Черт возьми! На десятую долю шиллинга нет комфорта, хоть бы клочок травки, хоть бы капля рому; тут даже не успеешь, при всем желании, спать без просыпу» (2).

А когда автору необходимо создать речь кавказца с национальной окраской, то его герои говорят с соответствующей интонацией, их речь эмоционально окрашена. Подобной образцово-характерной речью без излишества пользуются и герои В.И. Савинова в повести «Два года в плену у горцев», хотя и в «Тескольском ущелье» немало примеров.

Новоселов в поисках спасения Лейлы повстречал старую горянку и завел с ней разговор:

«— Честь и богатство детям твоим, мать славных джигитов! — сказал я, подделываясь под тон манеры рыцаря и наездника.

— Бодрость коню твоему и веселый путь тебе, бравый наездник! — отвечала с поклоном старуха...

— Если жажда томит странника, — продолжала горянка, — то в моей сакле есть для гостя прохладный кумыс.

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье... С. 66.

2 Там же. С. 45.

104

— Ты угадала, отвечал я... измученным зноем и дальним переходом, — я не отказался бы от твоего гостеприимства...» (1).

В.И. Савинов умело пользуется изобразительно-выразительными средствами языка: сравнениями, эпитетами, метафорой, метонимией и другими видами тропов. Часто использует метонимию. «Ближе всех его (повествователя. — А.П.) обступили чалмы и кабардинки» (2), — пишет он. Очень редко Савинов употребляет гиперболу.

К недостаткам языка можно отнести чрезмерное употребление варваризмов. К ним можно отнести слова тюркского происхождения: аллах, гяур, шайтан, кейф и др., которые иногда засоряют речь, хотя В.И. Савинов, в отличие от П.П. Каменского, использует их более умело и к месту.

В целом роман оставляет волнующее впечатление, читается с большим интересом. Но, к сожалению, «Тескольское ущелье» забыто и давно уже является библиографической редкостью. Поэтому желательно было бы воскресить его вновь, чтобы познакомить нашего читателя с печальной картиной жизни и быта абхазского народа конца XVIII и начала XIX столетия, судьба которого была необычайно тяжелой.

Следует отметить еще, что наряду со множеством любопытных, в целом, верных наблюдений, В.И. Савинов иногда рисует картины, не имеющие ничего общего с бытом и нравами абхазов. Так, например, в рассказе «Кубегуля» старый Албей (абхаз) спокойно предлагает свою дочь пленнику взамен за обучение его карточным фокусам. Трудно поверить, чтобы абхазы, у которых необычайно развито чувство родства, могли бы так безболезненно предлагать своих детей или родных посторонним. В подобных случаях он, по-видимому, использовал книги литературных клеветников, о которых будет сказано в следующем параграфе.

1 Савинов В.И. Тескольское ущелье... С.106-107.

2 Там же. С. 3.

105

В творчестве В.И. Савинова, давшего развернутые реалистические картины работорговли в самых широких масштабах, нет, правда, острых конфликтов, вызванных прогрессивным стремлением; нет героев, которые направляли бы свои силы на борьбу с социальным злом, за исключением отдельных стихийных выступлений. Он прямо не призывает горцев к активной борьбе против порабощения. Однако его заслуга, как художника, в том, что в своих произведениях он, обнажая грабительские проделки иноземцев, стремившихся к физическому и моральному уничтожению горцев (в данном случае абхазов), детально показывая всю структуру работорговли, сумел поставить острые социальные вопросы, волновавшие все народы Кавказа; он стал на сторону угнетенных, занял позицию защиты их человеческих прав. Это, несомненно, вытекает из его оценки, данной происходившим в Абхазии событиям, которые получили отражение в его сочинениях на абхазскую тематику.

§2. Вас. Ив. Немирович-Данченко об Абхазии

Василий Иванович Немирович-Данченко (1844 — 1936) вошел в историю русской

литературы как талантливый и необычайно плодовитый писатель, перу которого принадлежат около двухсот пятидесяти книг.

Старший брат Владимира Ивановича Немировича-Данченко (театрального деятеля и писателя), Вас. Ив. Немирович-Данченко, родился в Тбилиси, в семье русского офицера (мать писателя была армянкой). Василий Иванович провел свое детство на Кавказе в походной обстановке. Учился он в кадетском корпусе. Много ездил по России (по Северу, Уралу, Дальнему Востоку), европейским странам (Испании, Италии, Голландии, Германии, Швейцарии, Франции), Южной Америке, Малой Азии, Персии и другим странам. Свои путешествия описал в многочисленных художественно-этнографических

106

очерках. Был военным корреспондентом в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг. и русско-японской войне 1905 г.

Книги, написанные им, реалистичны и публицистичны, в особенности «Год войны» (в трех томах), который принес автору европейскую известность. И.С. Тургенев и А.М. Горький отмечали правдивость и наблюдательность в ряде его книг («Соловки» и др.). Перу Вас. Ив. Немировича-Данченко принадлежит большое количество произведений о горах Кавказа. Самые значительные из них: «Горные орлы» и «Горе забытой крепости», объединенные общностью темы, идеи, сюжета и действующих лиц; «Царица Тамара» и «Большой Шамхор» также объединены между собой; «Беспросветная глушь», «Дагестанские захолустья» и множество других, где автор показывает бедственное положение горцев, притесняемых царскими чиновниками и заморскими искателями наживы.

Вас. Ив. Немирович-Данченко как турист-художник, беллетрист и публицист пользовался большой популярностью среди читателей. «Не было тогда (в 80-х гг. — А.П.) такого более или менее прогрессивного издания, в котором не участвовал бы Немирович-Данченко», — пишет его биограф Петр Быковский.

В 1880 г. вышел сборник Немировича-Данченко под названием «В гостях», куда вошли несколько художественно-этнографических очерков, главным образом, об Абхазии («Черное море», «На берегу», «Абхазское поморье», «Пицунда» и др.). А в 1889 г. была издана детская повесть «Соколиные гнезда», действие которой происходит в Абхазии. Повесть имела довольно большой успех — издавалась она двенадцать раз.

Вернувшись из путешествия по северному краю (1874 г.), Вас. Ив. Немирович-Данченко через год отправляется на Кавказ. Его первый маршрут по Кавказу лежал пароходом от Таганрога, по берегу Азовского моря, через Керчь, мимо Черкесского и Абхазского берегов до Поты, а затем и в Тифлис. Эта поездка дала ему колоссальный материал, который был использован автором в его кавказских произведениях.

107

Художнику-публицисту Вас. Ив. Немировичу-Данченко, посвятившему военной тематике самое значительное место в своем творчестве, не могли не броситься в глаза печальные последствия Кавказской войны. В своих путевых очерках он раскрывает варварское отношение колонизаторов к горцам. С болью в сердце говорит автор очерков о выселении туземного населения из Абхазии и других соседних стран и об уничтожении их векового цветущего хозяйства.

С первых же строк своих очерков автор критикует новых правителей этого края за их бесхозяйственность. Автор путевых очерков говорит о неисчерпаемых возможностях сельского хозяйства. Интересно, что в конце XIX в. Немирович-Данченко мог лишь мечтать о тех сельскохозяйственных культурах, которые при Советской власти составляли основной национальный доход Абхазии. Так, например, он подчеркивал, что «при небольших затратах тут могут возникнуть в будущем шелководство и виноделие, устроиться плантации табака и хлопка. Даже маслины и чай могут быть разведены, начиная от Туапсе к югу» (1).

Нельзя без волнения читать нарисованные им картины разрушения и запустения Черноморского побережья Кавказа после насильственного выселения горцев в Турцию. «Теперь кругом все спокойно, — пишет автор, и тишину девственных лесов нарушает только пронзительней крик дикого козла... да грохот горных речонок... и навсегда смолкла горделивая песня горца, наполнявшая некогда эти пустыни!.. С каждым годом рушатся обгорелые остатки людных когда-то аулов... еще несколько лет — и от величавой эпопеи Кавказской войны останется только одно воспоминание» (2).

Нельзя не вспомнить здесь печально-образное выражение П.К. Услара, который назвал этот край «кладбищем народов», и высказывание другого ученого — генерала

1 Немирович-Данченко Вас. Ив. *Черное море. // В гостях.* — СПб. 1880. С. 69.
2 Там же. С. 132.

Г.И. Филипсона, хорошо знавшего судьбу горцев, который писал, что здесь остались лишь редкие песни об исчезнувших народах Кавказа. «Скоро замолкнут и народные песни, — продолжал он, — которые уже не гармонируют с настоящим бытом... наши потомки будут знать столько же (об адыгах. — А.П.), сколько мы знаем о дикарях Бразилии и Парагвая» (1).

Опустошенные поля, вырубленные сады, разрушенные села: все вокруг несет на себе мрачный отпечаток войны. И Немирович-Данченко потрясен этой поистине жуткой картиной. Он пишет элегического тона строки: «Аулы... уничтожены, разрушены, сожжены, а те, кто жил в них, давно на чужбине, и следа от прежних повелителей этого края точно и не было. Только десятая часть выселившихся в Турцию горцев осталась в живых; все остальное — погребло, рассеянное, изголодавшееся. Ни в чьих преданиях, ни в чьей песне не останется памяти об исчезнувшем народе, и скоро, проходя мимо его могил, мимо этих безмолвных и безлюдных аулов, никто не будет знать, какая жизнь кипела под этими плоскими кровлями, какие сердца бились там, и каких суровых драм были свидетелями эти раскидистые дубы и каштаны. А между тем... духом легенды веют каменные вершины, так красиво вырезающиеся в лунном свете, темные и серые ущелья, заповедные леса. И только когда из-под массы дикой поросли вдруг вырвется неожиданно благоухающий розовый куст, и аромат белых лилий встретит вас в чаще боярышника и плюща, вы поймете, что здесь когда-то жило целое племя, сильное и мужественное, племя, разом исчезнувшее с лица земли, как исчезает дым... как тень от пробежавшей по небу тучки, как зыбь на морском просторе... Тихо колышутся эти чудные цветы, и едва-едва шелестит их листва, точно робко жалуется она вам на эту стихийную смерть — смерть целого народа» (2).

1 Филипсон Г.И. Письмо Филипсона к Сталю от 2 марта 1854 г. Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. Ленина. Шифр 169, 81, 13.

2 Немирович-Данченко Вас. Ив. Соколиные гнезда. — М. 1897. С. 70.

109

Автор с болью в сердце повествует о том, как «под топором невежественного колониста» валяются превосходные плодовые деревья выселенных горцев. Некий убых, сумевший вернуться в пределы родной аулы после Кавказской войны, «зарыдал как ребенок, увидев пустыню в полном смысле слова!.. Лучшие деревья, передававшиеся сотни лет от отца к сыну, питавшие не одно поколение, были срублены на костры! Несчастный (убых. — А.П.) провел здесь одну ночь и опять сгинул куда-то, в Турцию или дикие лесные трущобы... — кто знает! ...Невольная жалость, — продолжает автор, — проникает в сердце, когда вспомнить о тяжелой участи недавних наших врагов — этих гордых и мужественных племен... обреченных на страшную нищету, вымирающих в Анатолии тысячами, в то самое время, как на их родине валяются под топорами чудные сады... немногие возвратившиеся горцы сложили грустные песни об этом» (1).

Немирович-Данченко беседует в пути со многими переселенцами (из Харьковской, Киевской, Курской, Оренбургской, Полтавской, Тамбовской и других губерний), направлявшимися в Сухум и другие места Абхазии, которые уже «очищены» от местного населения:

«— Что вам... плохо жилось дома? — спрашиваю.

— Зачем плохо? Земля у нас хорошая была...

— Чего же вы переселяетесь?

— А прослышали, что на Капкесе места есть. Так вот в Сухое (Сухум-Кале) и перебираемся» (3).

Ниже автор раскрывает секрет поисков «новых мест»; он указывает, что в течение одного 1868 г. только в Кубанской области продано превосходной земли купцами и колонистами около 15000 десятин по 2 руб. 22 коп. за десятину (4).

1 Немирович-Данченко Вас. Ив. По берегу. // В гостях. — СПб. 1880. С. 123-124.

2 Там же. С. 119.

3 Там же. С. 120.

4. Там же. С. 122.

110

«Отсюда ясно, — продолжает Немирович-Данченко, — как дешево ценятся земли по Восточному берегу Черного моря» (1).

Немало страниц в очерках, говорящих о тяжелых условиях обработки земель в горной

местности. Несмотря на это, как утверждает автор, горцы образцово обрабатывали свои участки. Немирович-Данченко приводит беседу пассажиров:

«— Знаете ли вы, как во время оно горцы обрабатывали свои земли? Как не крута гора, а вся она у них под пашней. Обыкновенно наделают по ней террас с каторжным терпением... спиралью до вершины. Потом сверху, с горных истоков по всем этим грядкам воду проведут. Земли на террасы снизу навезут чуть не по горсточке... поди-ка болгар или наш русский примись за такую пашню — жизнь проклянут, а сделать ничего не сделают.

— Как же горцев упрекают в лености?

— Да кто упрекает? Горец здесь как вол работал. Поселились вон чехи на их местах, да что — ни к чему не приложат. С тех пор, как выселили горцев в Турцию, производительность этих местностей во всем упала. Где превосходные сады да фермы были, там теперь пустыри, и под топором невежественного колониста валяются миндальные, черешневые и персиковые рощи на дрова!» (2).

Автор осуждает царских чиновников за хищнические условия аренды награбленных ими земель в долине Черноморского побережья. Описывая условия этой аренды, он восклицает: почище крепостного нрава!

Вас. Ив. Немирович-Данченко собрал множество легенд о горцах. Во время своего путешествия по югу он записал любопытную легенду, связанную с озером Абрау (в окрестностях Новороссийска).

По преданию, здесь некогда была прекрасная долина, на которой был построен Абраг-аул. Абрагцы до того возгор-

1 Немирович-Данченко Вас. Ив. *По берегу.* // *В гостях.* — СПб. 1880. С. 122.

2 Там же. С. 78-79.

111

дились, говорится в легенде, что вместо камней в играх начали употреблять кружки сыра, а вместо глины (чтобы мазать жилища) — хлебное тесто... За это господь наказал их: долина распалась, и в ужасной расщелине погиб весь аул. Спасся лишь один праведный с семьей, которого ангелы вынесли в горы. На месте аула разлилось озеро, и до сих пор, на дне его слышатся вопли и крики отчаяния...» (1).

Как видно, это предание перекликается с известной абхазской легендой о народе ацанов, которые также были наказаны Богом за то, что они возгордились и не стали признавать его.

Автор путевых очерков приводит и один из вариантов (адыгский) нартского эпоса (2).

Немирович-Данченко называет Абхазию страной легенд. В очерке «Пицунда» автор повествует об услышанных от абхазов легендах. В одной из них, связанной с пицундским храмом, говорится, что некогда джигеты, напавшие на абхазов в Пицунде, перебили немало врагов, оставшиеся в живых продолжали отсиживаться в большой круглой башне, которая стояла среди развалин. Осажденные абхазы (женщины, дети, старики), не

выдержав голода, стали бросать своих детей с высоты башни, чтобы и самим броситься за ними. Однако грянул гром, говорится в предании, и вокруг башни собралось множество ангелов, которые подхватывали детей и выносили за лес в темное ущелье. Их матери также были доставлены в ущелье, где за их детьми уже ухаживала, кормила молоком женщина чудной красоты — сама «Майрам-богородица». Легенда заканчивается тем, что благодарные абхазы соорудили ей храм, величаво и одиноко стоящий теперь в Пицунде (3).

Другая легенда имеет отношение к самой башне, на дверях которой, как утверждали абхазы, по утрам обнаруживали кровь. Некая женщина бросила ребенка и мужа и ушла к

1 Немирович-Данченко Вас. Ив. *Черное море. // В гостях.* — СПб. 1880. С. 92-93.

2 Там же. С. 93-97.

3 Там же. С. 161-162.

112

любовнику в турецкую землю... Муж кинулся догонять, но турки убили его. Ребенок остался в башне один и умер с голоду. С тех пор он плачет по ночам, просит есть... А мать осуждена на другую муку: она каждую ночь выходит из своей могилы с хлебом в руках, ходит вокруг башни, чтобы накормить ребенка, но не может найти дверей. В отчаянии она стонет и бьется головой о стены башни так, что по утрам они оказываются окровавленными (1).

В другом предании, которое было широко распространено в Самурзакании, повествуется о том, как некий старец, инок Георгий, организовал в широких масштабах продажу детей в Турцию в пользу своей обители, за что и сам был изгнан туда же обозлившимися абхазами (2). Вас. Ив. Немирович-Данченко указывает, что имя инока Георгия передавалось в назидание потомству.

Интересующие нас путевые записи по жанру определяются как художественно-этнографические очерки. Написаны они с публицистическим пафосом, хорошим слогом, читаются легко, имеют большой познавательный интерес, хотя несколько перегружены этнографическим материалом, что, несомненно, снижает художественные достоинства. Этот недостаток (в общем характерный для писателей школы А.А.Бестужева-Марлинского) дает о себе знать и в повести «Соколиные гнезда» этого же автора, которая относится к детской литературе. Детская повесть «Соколиные гнезда», по-видимому, имела в свое время довольно большой успех. Об этом свидетельствуют двенадцать изданий этой книжки.

В идейно-художественном отношении «Соколиные гнезда» не представляют особого интереса, так как воспитательное значение повести основывается на религиозном мировоззрении (герой повести мальчик Михако часто молится Богородице, после чего ему удается найти счастливый конец

1 Немирович-Данченко Вас. Ив. *Пицунда. // В гостях.* — СПб. 1880. С. 163.

2 Там же. С. 184.

своих многочисленных приключений). Повесть заслуживает внимания в историко-литературном плане.

Содержание этого произведения сводится к следующему. В Пицунду, на освободившееся место (после выселения абхазов в Турцию), из Имеретии переселился некий грузин Нико, у которого один сын служит в Поти, другой — в Новороссийске, а третий, малолетний Михако, находится дома. Мальчик уговаривает родителей отпустить его в Тифлис к своему дяде, который, говорят, работает «большим человеком», т.е. «мушой» (носильщиком). Михако отправляется в путь, но, заблудившись, странствует все время по территории Абхазии, где с ним приключаются разные истории.

Наиболее удачным эпизодом, насыщенным острыми драматическими сценами, можно считать встречу Михако на берегу моря с абхазами — охотниками за дельфинами, где мальчиком заинтересовался турок, приехавший сюда за товаром. Турок соблазняет абхазов золотыми монетами и просит их продать ему Михако. Абхазы вначале удивились нахальству турка, но затем, получив золото от турецкого купца, посоветовали ему посадить мальчика в крепостную башню на горе до утра, чтобы тот не убежал, а сами показали мальчику выход из крепостной башни, по которому тот ночью и убежал.

В конце концов после долгих скитаний Михако посчастливилось найти и поймать в горах некогда пропавшего сокола молодой княжны Маргани, которая обещала полную шапку абазов тому, кто найдет ее любимую птицу.

Михако разбогател. Княжна взяла его к себе служить сокольником, вызвала его родных, отвела им большой участок с садом и домом.

« Так голодный мальчик Михако и, не добравшись до Тифлиса, нашел свое счастье», — заключает автор свое повествование.

В повести много религиозного излишества. Кроме того, художественные достоинства интересующего нас произ-

ведения снижаются и тем, что множество этнографических сведений, легенд, сказаний, а также всякого рода лирических отступлений, имеющие место между отдельными эпизодами повести, целиком и полностью списаны с путевых очерков, о которых говорилось выше.

Таким образом, Вас. Ив. Немирович-Данченко, создавая свои художественные произведения на кавказскую тему, всячески акцентировал внимание читателя на запущенный край северо-восточного побережья Черного моря, который был варварски уничтожен в результате Кавказской войны. Эта потрясающая тема сквозит во всех сочинениях о Кавказе, вышедших из-под пера художника-публициста Вас. Ив. Немировича-Данченко. Его творчество насыщено пафосом защиты прав горских народов, значительная часть которых была осуждена на полное физическое истребление.

Писатель сознает прогрессивное значение присоединения Кавказа к России. Его позиция по кавказскому вопросу требует дружественных отношений к горцам. А для этого необходимо строго наказывать лиц, злоупотребляющих властью. По мнению Немировича-

Данченко, нельзя давать простора хищничеству господ, приезжающих на Кавказ ради наживы. Эти господа захватили значительные и «весьма невинные участки для самих абхазцев», как не без иронии замечает автор, и «по пословице, как собаки, лежа на сене, и сами его не едят, и другим не дают» (1).

Гуманистические и просветительские идеи писателя сказываются в его стремлении установить дружественные и культурные связи между горцами и русскими. Этой благородной цели и посвящены его кавказские произведения.

Основные особенности стилистики Немировича-Данченко (последователя школы А.А.Бестужева-Марлинского) в кавказских произведениях заключаются в том, что автор часто и умело ведет диалог, помогающий ему ярче создать образ и по-

1 Немирович-Данченко Вас. Ив. Пицунда. // В гостях. — СПб. 1880. С. 166.

115

высить драматизм конфликтов; нередко он прерывает свое повествование, чтобы вставить какое-нибудь лирическое отступление бытового, исторического или этнографического характера, чаще овеянное элегическим тоном. Писатель употребляет немало восклицательных предложений, что делает его речь излишне риторичной и несколько натянутой. Можно отметить также излишнюю метафоричность слога, хотя имеются яркие и оригинальные метафоры, которые носят конкретный, предметный характер.

К недостаткам в творчестве Немировича-Данченко в идейно-тематическом отношении можно отнести его некоторые явные противоречия, вызванные использованием работ авторов-клеветников, где под реакционным лозунгом окультуривания горцев Кавказа эти авторы ура-патриотического направления всячески пытались очернить нравы горцев, изобразить их дикарями.

Образцами подобных клеветнических публикаций являются, например, «Абхазия» Д.Е. Зубарева (1), «Записка...» иностранного агента самодержавия Р.Скаси (2), работы М.Владыкина (3) и др., в которых дана явно неверная и, притом, совершенно невежественная характеристика абхазского народа.

Вас. Нв. Немирович-Данченко правдив, когда он описывает адский труд, который требовался горцам для обработки клочков своих земель в горных условиях. Несмотря на эти условия, писатель обнаружил на заброшенных горцами местах следы роскошных садов и полей, о чем с большим сочувствием к ним он писал. Однако, вопреки собственным же выводам, Немирович-Данченко иногда впадает в противоречие, когда он, рабски веря клевете М.Владыкина, буквально спи-

1 Зубарев Д.Е. Абхазия. // Русский вестник. 1842. № 3.

2 Скаси Р. Сведения о Сухум-Кале и абхазах. // Акты, собранные кавказской археологической комиссией. Т. VI. Ч. I. — Тифлис. 1874. С. 643-652.

3 Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Ч. II. — М. 1885.

116

сывает с его «Путеводителя...» (о чем Немирович-Данченко сам признает) (1) небылицы о лениности абхазского народа (2).

Эти отдельные недостатки не умаляют, конечно, заслуги писателя-гуманиста. В целом он пишет о горцах Кавказа правдиво и с участием к их нелегкой судьбе, вызванной жестокой Кавказской войной.

§ 3. Д.Л. Мордовцев и его исторический роман «Прометеево потомство»

Русский и украинский писатель Даниил Лукич Мордовцев (1830 — 1905 гг.) также вошел в историю литературы как один из самых плодовитых писателей XIX столетия (он написал 129 убористых томов (3)). Его перу принадлежат темы, главным образом, на излюбленные им исторические сюжеты.

Родился он в крепостной украинской семье (4), в слободке Даниловка-на-Дону. Рано лишившись родителей, Даниил Лукич провел всю свою жизнь в материальной нужде, хотя братья его, занимаясь торговлей, впоследствии разбогатели.

Окончил он Саратовскую гимназию. Петербургский университет (историко-филологический факультет), где в 1854 г. и начинается его литературная деятельность. Затем Д.Л. Мордовцев возвращается в Саратов, чтобы развернуть здесь свою литературно-общественную и служебную деятельность. Был он в большой дружбе с известным историком Н.И. Костомаровым, хорошо знаком был с Н.Г. Чернышевским и его двоюродным братом, академиком А.Н. Пыпиным. Н.Г. Чернышевский в письмах к родным постоянно передавал поклоны Д.Л. Мордовцеву (5).

1 Немирович-Данченко Вас. Ив. Пицунда. // В гостях. — СПб. 1880. С. 170.

2 Там же.

3 Глинский Б.Б. Среди литераторов и ученых. — СПб. 1914. С. 267.

4 Карасев А. Происхождение Мордовцева. // Исторический вестник. СПб. 1907. № 4. С. 268.

5 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. XIV. — М. 1949. С. 71, 239, 280.

117

Кавказ хорошо знаком Д.Л. Мордовцеву. Он приезжал сюда двадцать лет подряд, где в 1905 г. в Кисловодске и скончался.

Кавказский материал лег в основу ряда произведений: романы «Царь без царства» (1891) — из истории последних дней царства Имеретинского, «Железом и кровью» (1896) — из истории завоевания Кавказа при Ермолове, «Прометеево потомство» (1897) — из истории последних дней независимости Абхазии; цикл рассказов (девять рассказов), изданных под общим названием «Кавказские курорты» (1909); наброски путевых впечатлений, составившие книгу «На Арарат» (1883); рассказ «Кавказский герой» (историческая быль), повествующий о приезде Хаджи-Мурата в Тбилиси, где выведен и образ вдовы А.С. Грибоедова — Нины Чавчавадзе, и др.

Наибольший интерес для нашей темы представляют «Кавказская пленница» из цикла

«Кавказских курортов» и исторический роман «Прометеево потомство». На этих мы и остановимся.

Русские писатели, успевшие сколько-нибудь ознакомиться с жизнью горцев Кавказа, не уставали писать о торге чудовищным товаром, который вывозился отсюда с древнейших времен. Не случайно А.С. Грибоедов сразу же по прибытию на юг обратил внимание на пленного мальчика-грузина, которого продавали на таврическом рынке, что нашло свое отражение в отрывке из его поэмы «Путник» (или «Странник») — «Кальянчи» (1). О древности и жестокости этого позорного ремесла тот же кавказовед П.К. Услар писал: «Финикиане... являются древнейшими торговцами людьми; по берегам стран, которые они посещали, имели тайных сообщников, доставлявших им... детей и женщин...» (2).

В этом отношении рассказ Д.Л. Мордовцева (знатока истории Востока) «Кавказская пленница», в котором изобра-

1 Грибоедов А.С. Сочинения. — М.-Л. 1959. С. 345 — 347.

2 Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. — Тифлис. 1881. С. 430.

118

жена картина работоторговли в странах бассейнов Средиземного и Черного морей в античные времена, представляет несомненный интерес.

Автор повествует о том, как в Афинах (в античной Греции) во время шумного праздника Посейдона пиратами из Финикии было похищено множество дочерей знатнейших людей, в том числе и дочь Геродота — Андромеда (1). Ее подруга Тамара, родом из Колхиды, которую Геродот некогда выкупил из неволи в Пантикапее (Керчи), также попала в плен с Андромедой.

Собралась экспедиция во главе с «Отцом истории» и погнались за пиратами, говорится в рассказе.

«Новые аргонавты» (так назвали экспедицию Геродота, состоявшую из трех судов) с большим трудом через неделю доплыли до Тира (город-государство в Финикии). Нашли там самого крупного работоторговца — Тиграна из Великой Армении, у которого храмы были набиты невольниками. Этот работоторговец ответил им спокойным и деловым тоном, что он действительно купил знатных афинянок «на законном основании», но красавицу Андромеду с подругой он уже продал «в хорошие руки», т.е. поставщику рабов в Колхиду и Иверию — на Кавказ.

«Новые аргонавты» немедленно пустились в путь к мифической Колхиде. В Колхиде им сообщили, что Андромеда с Тамарой проданы еще дальше, т.е. царю Иверии. И, наконец,

1 Известно, что финикийцы, будучи древнейшими работоторговцами, похищали людей преимущественно из самых знатных семей. В этой связи любопытно вспомнить, что Г.Ф. Турчанинов, читая Библические письменные памятники из Финикии на языке предков абхазов, обнаружил, что в начале II тыс. до н.э. из Абхазии был пленен и продан в Финикию абхазский царь Пту, который, как повествует письменный памятник, сообщал

своим соотечественникам о путях и средствах его выкупа (Турчанинов Г.П. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. — Л. 1971. С. 116). Небезынтересно и высказывание Дюбуа де Монперэ по этому поводу. Он указывает, что из абхазского и черкесского берегов продано несколько миллионов обитателей, причем, можно подумать, продолжает он, «что его (провидения. — А.П.) намерением было воссоздать, обновить другие вырождающиеся расы смешением их с прекрасной черкесской нацией» (Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. — Сухум. 1937. С. 48).

119

под видом иностранных купцов им удастся пробраться к ней и похитить ее у царя иверов. Рассказ завершается благополучным возвращением «новых аргонавтов» в Элладу, которые отыскивали и спасли дочь знаменитого Геродота, попавшую в беду.

Рассказ представляет едва ли не энциклопедический интерес в познавательном отношении. Автор сознательно вводит в свое повествование имена мифических богов, толкование о которых органически сливается с сюжетом повествования. Так, например, перед отправкой в экспедицию «новые аргонавты» слушают напутственные слова слепого Рапсода, которые изложены автором следующим образом:

«— Послушайте старого слепца, который много лет томился в плену у разных варварских народов и знаком с обычаями работорговцев и рабопокупателей... Если вы желаете вовремя спасти ваших пленниц, то поторопитесь... — продолжал слепец.

— Мы завтра же, прежде чем Гелиос пошлет на землю свои стрелы, отправимся в путь, — сказал Новмах...

— Так да пошлет вам могучий Эол благоприятные ветры, а великий Посейдон охраняет вас от бурь и не в меру разыгрывающихся тритонов... спешите в Тир... там невольничий рынок и там же — главный поставщик рабов и в особенности рабынь, некто Тигран из Великой Армении. Его там все знают. Его отец и меня когда-то купил у пафлагонских пиратов и перепродал другому работорговцу, который поставлял рабов на Кавказ для колхов» (1).

Таким же образом автор, используя разнообразные мифические сюжеты, раскрывает и свое отношение к варварскому торгу людьми. Следующий отрывок свидетельствует об этом.

Соотечественники успокаивают «Отца истории»: «Не предавайся отчаянию, благородный историк, — молвил рыжий Полихрон, тоже участвовавший в погоне. — Я уверен, что и к

1 Мордовцев Д.Л. Кавказские курорты. // Первое полн. собр. соч. Т. XVII. — СПб. 1909. С. 148 — 149.

120

твоей Андромеде, как к дочери Кефея и Кассиопеи, явится новый Персей и спасет ее, — добавил он, мельком взглянув на атлетическую фигуру Никострата.

— Но у медузы была одна голова, и Персею было легко ее отрубить: а у современной медузы — у неволи — десятки голов — все невольничьи рынки... А кто знает, на каком рынке продают в неволю мою бедную девочку — в Гире или Силоне, в Смирне или Диоскурах, в Пантикапее или в Херсонесе диким царям тавров? — убитым голосом проговорил Геродот, все еще не спуская глаз с морского горизонта, за которым скрылась обожаемая им дочь» (1).

Далее Д.Л. Мордовцев коротко рассказал содержание этой мифической драмы, а именно, как Персей, спасая красавицу Андромеду (дочь эфиопского царя), отрубил чудовищную голову Медузы. Автор не преминул напомнить читателю и о том, что астрономы, назвав четыре блестящих созвездия именами действующих лиц этой легенды (Андромеда, Персей, Кефей и Кассиопея), увековечили отважный и благородный подвиг Персея.

Реальные события в рассказе нередко переплетаются с фантастическими действиями образов богов, как это бывает в мифологии. Архонту (в Колхиде), например, Артемида из своего храма (в Тавриде) чудесным образом сообщает план спасения дочери Геродота и т.д.

«Кавказская пленница» до предела насыщена мифической терминологией. Автор упоминает чуть ли не обо всем, что связано с древней Колхидой. Здесь и аргонавты, и Прометей с хищным орлом, и Язон, похитивший из Колхиды золотое руно, «несмотря на все козни Медеи», и Фрикс с Геллой, бежавшие на златорунном баране в Колхиду от злой мачехи, и золотоносный Фазис, и бог богов Зевс, и т.п.

1 Мордовцев Д.Л. Кавказские курорты. // Первое полн. собр. соч. Т. XVII. — СПб. 1909. С. 144-145.

121

Познавательная ценность этого рассказа необычайно велика. Современные писатели, к сожалению, в своих сочинениях почти не используют разнообразные мифологические сюжеты, дающие богатую пищу, так необходимую для воображения ума, в особенности для нашей молодежи. Незнание богатейшего наследия греческой и римской мифологии, несомненно, сказывается у наших школьников, да и студентов, при изучении классиков литературы.

Исторический роман Д.Л. Мордовцева «Прометеево потомство» вышел отдельным изданием в 1897 г. (1).

В высшей степени интересное письмо Мордовцева сохранил нам переводчик романа на грузинский язык — грузинский писатель и общественный деятель Тедо (Федор) Тимофеевич Сахокия, который обратился к Д.Л. Мордовцеву с письмом, перед тем как взяться за перевод интересующего нас романа.

В этом коротком ответном письме Д.Л. Мордовцев писал:

«Многоуважаемый Федот Тимофеевич!

Ваше милое сердечное письмо очень меня тронуло. Сердечность эта, конечно, вызвана моими симпатиями, хотя недостаточно выраженными к героической народности, к которой

Вы принадлежите, — симпатиями, недостаточно, — повторяю — выраженными мною в «Прометеевом потомстве». Но, набрасывая свой роман о последней агонии свободного народа, я по многим причинам, и в том числе по цензурным, не решился дать волю моему воображению — поплакать над печальной участью, выпавшею на долю исторического народа, увы! — ныне вымирающего.

Я рад, — продолжает Д.Л. Мордовцев, — что мое произведение пришлось по душе и надеюсь, — оно охотно читается Вашими соотечественниками в Вашем переводе...

1 В отличие от произведений В.И. Савинова, о которых говорилось в предыдущих параграфах, роман Д.Л. Мордовцева известен литературоведам и книголюбам, хотя в наше время он является библиографической редкостью. О «Прометеевом потомстве» написано несколько газетных статей, а также имеется перевод его на грузинский язык, хотя перевод осуществлен с искажениями, о чем будет сказано ниже.

122

Шлю самый сердечный, горячий привет и бирюзовому морю, и поэтическим горам, и всей дивной величавой красоте Вашей бедной родины.

Сердечно жму Вашу руку.

Д. Мордовцев.

Петербург, 2 апреля 1898 г.» (1).

Это письмо, до какой-то степени являющееся ключом к анализу произведения, по словам И. Ениколопова, «проникнуто большой сердечностью к абхазцам» (2).

Не случайно Д.Л. Мордовцев сожалеет в этом письме о том, что по цензурным соображениям ему не удалось вволю «поплакать над печальной участью... исторического народа, увы! — как он пишет, — ныне вымирающего».

Эти слова, полные элегического тона, могли вырваться из уст лишь писателя-гуманиста, который был свидетелем трагедии абхазского народа в XIX столетии. Д.Л. Мордовцев писал свой роман «о последней агонии свободного народа» как раз после всех этапов насильственного выселения абхазов (90-е годы).

Кстати, очень много общего по абхазскому вопросу обнаруживается между взглядами Д.Л. Мордовцева и Вас. Ив. Немировича-Данченко, которые оказались очевидцами тяжелой участи, выпавшей на судьбу абхазов в результате покорения Кавказа.

С цензурой царизма у Д.Л. Мордовцева действительно были свои счёты.

На просьбу А. Кауфмана (редактора) прислать ему в Одессу что-нибудь для сборника в пользу голодающим крестьянам в 1892 г. Д.Л. Мордовцев писал: «О, мой дорогой кол-

1 Письмо находится в Государственном литературном музее Грузии; мы цитируем по:

*Ениколопову И. Прометеево потомство. // Газ. «Советская Абхазия». 31 июля 1964. № 150.
2 Там же.*

123

лега! Я не знаю, как и быть с этой подлою цензурою. Постараюсь дать вам что-нибудь уж абсолютно цензурное» (1).

Позже, посылая свой очерк, автор «Прометеева потомства» писал: «Наконец посылаю вам — на жертву одесским палачам — снова третью попытку мою появиться на столбцах «Одесских ведомостей». Надеюсь и уверен, что одесским цензорам не к чему будет придраться... Если же и это задержит цензура, то я плюну на все» (2).

Следует также отметить, что именно в результате преследований цензуры Д.Л. Мордовцев был вынужден отказаться от создания исторического романа об Одессе, где он, по словам А. Кауфмана, непременно отразил бы зарождение жизни в Одессе, о наплывах туда искателей приключений и тех трагедий с похищением женщин, которые разыгрывались в одесских подземельях. «Мордовцев был сих дел мастером. В его исторических романах, — подчеркивает А. Кауфман, — описывалось, преимущественно, как благоденствовал и страдал народ, как он бунтовал...» (3).

Приведенные примеры со всей очевидностью свидетельствуют о том, что между строк романа «Прометеево потомство» можно обнаружить немало прогрессивных мыслей о тяжелых страданиях абхазов, оказавшихся на грани вымирания в результате враждебной национальной политики царского режима к горцам Кавказа. В основе романа лежат исторические события, связанные с присоединением Абхазии к России. Хронологические рамки его ограничиваются первой четвертью XIX в. — одним из периодов смутных времен в истории Абхазии.

Роман состоит из трех частей (всего 220 стр.). В первую часть вошел трагический эпизод, связанный с убийством владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе.

1 Кауфман А. Даниил Лукич Мордовцев (из воспоминаний и рассказов). // Исторический вестник. — СПб. Т. 122 № 10. 1910. С. 233.

2 Там же.

3 Там же. С. 234.

124

Действие второй части перебрасывается в Петербург, куда попал один из главных героев произведения (Сефер-Али-бей) в качестве аманата-заложника еще подростком, а третья часть (в ней больше вымысла) посвящена событиям, происшедшим в Кисловодске, где владетель Абхазии Дмитрий Шервашидзе (внук Келишбея) проводит время со своей невестой, Варенькой Гагариной из Петербурга.

На протяжении всего романа на фоне всех исторических и романтических конфликтов идет ожесточенная борьба между Арслан-беем, с одной стороны, и его братом Сефер-Али-беем (Сафар-беем) со своими наследниками — с другой. Эта междоусобная борьба, подогреваемая Турцией и царской Россией, фактически велась за раздел Абхазии между

двумя этими колониальными державами.

Д.Л. Мордовцев в силу своего времени не мог, конечно, дать социального анализа происходящих тогда событий, хотя, чувствуя прогрессивную роль присоединения Абхазии к России, он симпатизирует сторонникам русской ориентации. А с другой стороны, автор романа, последовательно рисуя реалистическую картину описываемого периода, не может порой не восхищаться успехом Арслан-бея против наступления царизма, на штыках которого поддерживалась власть и Сефер-Али-бея, и Дмитрия, и других номинальных владетелей Абхазии.

Вместе с тем Д.Л. Мордовцев осуждает нечеловеческий метод ведения войны царизмом в Абхазии. Хотя по цензурным соображениям он не мог дать волю своему воображению, как он отмечал, все же не мог не описать несколько случаев, свидетельствующих об умышленном уничтожении всего в Абхазии, что было связано даже с мирным населением этого края. Так, например, по приказу коменданта Сухумской крепости, подполковника Михина (историческая личность), и майора Рокоци был сожжен аул Чичи. «И тотчас же был отдан приказ разорить аул — камня на камне не оставить. Несчастный аул, — пишет автор, — постигло полное разорение. Все, что могло го-

125

реть, было подожжено. Из сакель вытаскивалась всякая рухлядь, домашняя посуда, все, что могло быть унесено в горы, в леса, — все это сваливалось в кучи, образуя собою костры, которые пылали по всему аулу. Кое-как слепленные из камней стены сакель и их кровли разваливались и разбрасывались ногами... Скоро злополучный аул, — продолжает автор, — представлял из себя груды дымившихся развалин» (1).

Этот трагический эпизод имеет под собой реальную почву. Как явствует из исторических материалов, в 1824 г. по всей Абхазии вспыхнуло восстание против жестокостей царских сатрапов. Генерал Горчаков, приехавший в Сухум в мае месяце, направил карательные отряды в отдельные села, где он подозревал очаги восстания. В частности, он поручил подполковнику Михину напасть на село Акапа (в 14 верстах от Сухума) 22 мая 1824 г. и сжечь его на страх другим (2). Именно этот случай получил правдивое отражение в романе Д.Л. Мордовцева, который, как видно, располагал достоверными фактами.

Образы военачальников царской армии: Горчакова, Тармасова, Могилевского, Михина, Орбелиани и др. созданы автором внешне благодетельными спасителями мирных абхазов от турецкого ига. Однако из-под их изысканной дипломатической речи у автора романа проглядывает политический авантюризм колонизаторов побережья.

Как известно, русский царизм, ожидая военных действий со стороны наполеоновской Франции, не имел возможности сосредоточить свои военные силы на юге. Поэтому, идя на некоторые уступки Турции, самодержавие старалось ограничить свои захватнические планы на Кавказе, в частности, в Абхазии. Именно поэтому власть в Абхазии после присоединения ее к России (1810 г.) формально была оставлена мнимым владетелям Абхазии (Сафар-бею, Дмитрию, а затем и

1 Мордовцев Д.Л. Прометеево потомство. // Собр. соч. Т. XXXII. — СПб. 1902. С. 198.

2 Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. — Сухум. 1966. С. 181.

Михаилу Шервашидзе). Эти, так называемые, владетельные князья нужны были царским властям для использования их в деле покорения свободолюбивого абхазского народа тогда, когда международное положение не позволяло России активно действовать в Абхазии.

Фиктивная власть владетелей Абхазии верно подмечена Д.Л. Мордовцевым, который написал об этом немало замечательных страниц. Третья часть романа, например, начинается с того, что власть Дмитрия Шервашидзе «в Абхазии опиралась исключительно на русские штыки», под которыми не было народной почвы. «Народ не любил его и не уважал именно за эти штыки» (1), — пишет Мордовцев.

Действительно Дмитрий оказался у себя в стране совершенно беспомощным. Его образ наиболее психологичен. Он много переживает, понимая ту историческую роль, которую предложили ему играть, назначая его владетелем. Беседуя с майором Рокоци, он думал: Да разве она (Абхазия. — А.П.) его? Она — ничья. Скорее она — владение его ненавистного дядюшки Арслана. Да и эти два пункта (Сухум и Сауксу. — А.П.) — разве они принадлежат России, русским; русские их защищают... он же только вывеска, за которой скрывается пустота (2). «Абхазцы — такие же мои подданные, как кабаны и козы, — говорит Дмитрий в другом месте, — лови их по лесам и горам и подстреливай... Они такие же мои подданные, как эти пчелы, как вон те ласточки... Все это мое, и солнце мое — все это на моей земле... А черт с ним!.. ехать так ехать... (в Кисловодск. — А.П.). А то я с ума сойду от моего «высокого достоинства» (3), — заключает он.

Образ Арслан-бея несколько романтизирован, причем, он похож скорее на политического разбойника-головореза,

1 Мордовцев Д.Л. Прометеево потомство. // Собр. соч. Т. XXXII. — СПб. 1902. С. 147.

2 Там же. С. 149.

3 Там же. с. 151.

нежели на правителя. Его вероломные действия по отношению к своему отцу нельзя расценивать как бандитский акт.

Д.Л. Мордовцев. на наш взгляд, излишне акцентирует внимание читателя на его разбойничьих похождениях, которые свойственны абрекам. Идеализируя характер Арслан-бея, автор пишет, что «это был такой отчаянный головорез, такой необыкновенный джигит и наездник, какие редко встречаются даже в в самой Абхазии, не говоря уже о других горских странах» (1).

Мы уже говорили о том, что подлинные причины убийства Келишбея Шервашидзе не получили своего отражения в повести П.П. Каменского «Келиш-Бей» (2). Этот недостаток, несомненно, вызванный незнанием подробностей исторических событий, имеет место и в романе «Прометеево потомство», хотя у нас нет никаких оснований считать, что Д.Л. Мордовцеву не была известна повесть П.П. Каменского.

Эти два произведения, написанные в разное время, связаны между собой лишь общностью темы. Если фабулой повести "Келиш-Бей» является отцеубийство, вокруг которого разыгрываются все сцены, то роман «Прометеево потомство» построен совершенно иначе. Здесь эта трагедия выполняет роль лишь экспозиции произведения, где завязывается узел конфликта, а борьба за власть наследников Келишбея против Арслан-бея, на протяжении шестнадцати лет насыщенная острыми драматическими эпизодами, стала главным содержанием романа.

Женские образы в романе (Варенька Гагарина. Эсма-ханум, Дида и др.), хотя и не получили предельной глубины, индивидуальны и интересны каждый по-своему. Дида — молочная сестра Арслана — привлекает внимание своей непосредственностью и сильной необузданной натурой. Ее неподдельная страстная любовь к Арслан-бею получила правдивое отражение. Ей настолько веришь и сочувствуешь, что даже злодейский поступок (попытка утопить Эсму) в какой-то мере прощаешь.

*1 Мордовцев Д.Л. Прометеево потомство. // Собр. соч. Т. XXXII. — СПб. 1902. С. 11.
2 См. гл. 1 настоящей книги.*

128

Варенька Гагарина — дигя петербургского высшего общества — наделена всеми соответствующими ее сословному положению чертами характера. Ее образ представляет большой интерес в том отношении, что, будучи еще совсем молоденькой барышней, она в своем характере и поступках уже обнаруживает светскую львицу петербургских салонов.

Образ Эсмы-ханум, на наш взгляд, менее удачный. Он построен на внешних эффектах.

Действия третьей части романа разворачиваются, главным образом, в Кисловодске, куда приезжают Варенька и Голицын из Петербурга, а Дмитрий Шервашидзе — из Абхазии. Сцены, изображающие конфликты между этими тремя героями (дуэль между Голицыным и Дмитрием и др.), несомненно, написаны под влиянием «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, как об этом свидетельствует и Е.Н. Ищенко.

Об абхазском «историческом народе» автор пишет с большой симпатией и теплотой. Он глубоко сочувствует его страданиям. Кроме того, в романе получила отражение совместная борьба Мингрелии и Абхазии против турок и их ставленника Арслана.

Сюжет и композиция романа построены увлекательно и с большим профессиональным мастерством. В романе немало лирических отступлений, вводных эпизодов, художественных обрамлений и других композиционных средств, которые усиливают характеры и поведение персонажей.

Если для писателей школы А.А. Бестужева-Марлинского (П.П. Каменский, Вас. Ив. Немирович-Данченко и др.) характерно вводить этнографический материал в свое повествование в виде лирических отступлений, то Д.Л. Мордовцев для этой цели использует мифы, предания и сказания. Так, например, автор, подчеркивая отчаянный характер Арслан-бея, рассказывает сюжет народного предания о том, как Арслан-бей некогда победил златокудрую красавицу — «Дух гор», которая обычно, предлагая коварный замысел (десять лет сожительства с ней),

убивала мужчин одним прикосновением (1). В других местах автор также использует миф о прикованном Прометее во всех его вариантах, редакциях как греческих, так и римских авторов.

Кроме того, для Д.Л. Мордовцева нехарактерно излишнее употребление восточных слов (келим, кунак, гяур, шайтан и др.), как мы наблюдаем это у В.И. Савинова и, в особенности, у П.П. Каменского.

Язык персонажей слабо дифференцирован. Поэтому трудно, например, отличить речь княгини Тамары Дадиани от речи, скажем, княгини Гагариной из Петербурга. Михаил, никогда не бывавший в Петербурге, говорит так же изысканно, как и Дмитрий, который воспитывался десять лет при царском дворе столицы.

Д.Л. Мордовцев умело использует изобразительно-выразительные средства языка: эпитеты, сравнения и метафоры. Чаще всего писатель обращается к простым эпитетам: «Огненная колесница», «Божественный Язон», «золотые кудри» и др.

Роман «Прометеево потомство», как уже отмечалось, переведен на грузинский язык. Недопустимой ошибкой переводчика Ф.Т. Сахокия, по нашему мнению, является неправильный перевод самого названия романа.

Следует отметить, что название романа взято автором из мифологического сюжета древней Греции о происхождении предков абхазов. Предки абхазов, как повествует миф, жили в Колхиде и являлись потомками Прометея и Океаниды (одной из трех тысяч дочерей Океана и Тефии). Поэтому Д.Л. Мордовцев, создавая свой исторический роман об абхазах первой половины XIX в., подчеркивал в нем борьбу, в конечном итоге, за просвещение и прогресс, которые ожидалось от присоединения Абхазии к России. Отсюда вполне естественно, что он поэтично называет абхазов потомками Прометея, роман символически назван «Прометеево потомство». Поэтому совершенно неправомерно именовать роман в переводе на

1 Мордовцев Д.Л. Прометеево потомство. // Собр. соч. Т. XXXII. — СПб. С. 6 — 7.

грузинский язык «Амирановым потомством» («Амиранис швилни» (1)), как это сделал переводчик Ф.Т. Сахокия. В таком случае теряется всякая связь между названием романа и его содержанием — ибо грузинский эпический герой Амирани в данном случае не имеет никакого отношения к абхазам, о которых идет речь в романе. У абхазов имеется свой эпический герой — Абрскил, именем которого нельзя было бы называть роман, не говоря уже об имени Амирани. Можно легко представить себе, как будет выглядеть название романа, если все кавказские народы при его переводе будут называть Прометея именами своих вариантных эпических героев.

Еще один вопрос, вызывающий недоумение. Судя по всему, переводчик Сахокия в письме к Мордовцеву (которое еще не найдено) просил согласия на перевод романа о жизни абхазов начала XIX в. на грузинский язык, естественно, для грузинского читателя. В таком случае не совсем понятно вышеприведенное ответное письмо Мордовцева, в

котором сказано: «Ваше милое сердечное письмо... меня тронуло. Сердечность... вызвана моими симпатиями... к героической народности, к которой Вы принадлежите... Набрасывая свой роман о последней агонии свободного народа (абхазского. — А.П.)... я не решился поплакать над печальной участью... народа, увы! — ныне вымирающего».

Возникает вопрос: как случилось, что Сахокия просил Мордовцева разрешить ему перевести роман на грузинский язык, а Мордовцев с радостью думал, что его роман будут читать абхазы, к которым Сахокия якобы принадлежит?

На этот вопрос удастся ответить тогда, когда найдется письмо Сахокия, адресованное Мордовцеву. А пока остается лишь догадываться, что Сахокия сообщил в письме Мордовцеву, мягко говоря, не совсем верную информацию об этнических особенностях абхазов и грузин.

¹ დ.მორდოვცევი. ამირანის შვილნი, ისტორიული რომანი. აფხაზეთის ცხოვრებიდან. თარგმნილი თ. სახოკიას — მიერ, თბილისი. 1898 წ.

131

ГЛАВА III. А.М. ГОРЬКИЙ И А.П. ЧЕХОВ В АБХАЗИИ

§ 1. А.П. Чехов в Абхазии

В 1888 г. Антон Павлович Чехов посетил Абхазию, о чем уже неоднократно писалось (1). Он был поражен необыкновенной красотой этого сказочного края. Его восторженные отзывы об увиденном в Абхазии отразились в письмах писателя (2). Кстати, картина Черноморского побережья рисуется А.П. Чеховым еще до того, как он посетил Кавказ. И, надо сказать, великий художник точно уловил колорит абхазской природы. В повести «Огни», которая была напечатана в журнале «Северный вестник» еще в июне 1888 г., действие происходит в уютном, теплом и красивом приморском городке на Кавказе. Небольшая круглая беседка, составлявшая самый поэтический уголок во всем городе, стояла на краю берега. «От беседки, — читаем в повести. — по крутому, почти отвесному берегу... бежала тропинка; там, где она кончалась, далеко внизу у песчаного побережья лениво пенились и нежно мурлыкали невысокие волны» (3).

Удивительно верно схвачен этот пейзаж. Подобных беседок на побережье Черного моря, в частности, в Абхазии, как известно, множество.

22 июля 1888 г. А.П. Чехов, находясь в гостях у А.С. Суворина в Феодосии, писал своей сестре: «...Завтра я выезжаю из Феодосии... Мечтал я написать в Крыму пьесу и 2 — 3

1 См.: Талиашвили Г.А. А.П. Чехов. — Тбилиси. 1960; его же, Русско-грузинские литературные взаимоотношения. — Тбилиси. 1967. С. 440-453; Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. — Сухум. 1960. С. 259; Лордкипанидзе О. Все пережитое представляется мне сновидением. // Ж. «Литературная Грузия». 1973.

2 Чехов А.П. Полное собрание сочинений. Т. 14. — М. С. 139 — 140, 144 — 149.

рассказа, но оказалось, что под южным небом гораздо легче излететь живым на небо, чем написать хоть одну строку» (1).

Как видно, А.П. Чехов вместе с сыном А.С. Суворина (Сувориным 2-м) действительно выехал из Феодосии 23 июля, и 24 числа он уже был в Новом Афоне, в Абхазии, где провел ночь. В письме из Сухума от 25 июля, адресованном А.С.Суворину, читаем: «Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно... и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное — горы, горы и горы без конца и краю... Сижу я сейчас на балконе, а мимо лениво прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов; через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темно-синее море... Вы не поверите, голубчик, до какой степени вкусны здесь персики!» (2).

Из Феодосии до Нового Афона А.П. Чехов ехал на пароходе «Юнона», а из Сухума до Поти — на «Дире», который, кстати, чуть не столкнулся с «Твидом» из-за того, что писатель во время качки на судне, потеряв равновесие, схватился за какой-то прибор, изменивший направление судна" (3).

В Новом Афоне Антон Павлович познакомился с архиереем Геннадием, о котором он писал А.С. Суворину: «Познакомился... с епископом сухумским, едущим по епархии верхом на лошади. Любопытная личность» (4). В этой загадочной характеристике обнаруживается интерес Чехова к социальной жизни в Абхазии, его критическое отношение к служителям церкви, способствовавшим обрусению местного населения распространением здесь православной веры. Так, например, об этой «любопытной личности» в повести Чехова

1 Чехов А.П. Собр. соч. в 12-ти томах. Т. II. М. 1963. С. 233.

2 Там же. С. 235-236.

3 Там же. С. 236-239.

4 Там же. С. 236.

«Дуэль», действие которой происходит в Абхазии, мы читаем: «Между архиереями встречаются очень хорошие люди... Жаль только, что у многих из них слабость — воображать себя государственными мужами. Один занимается обрусением, другой критикует науки. Это не их дело. Они бы лучше почаще в консисторию заглядывали» (1).

Природа в Абхазии вызвала необыкновенный восторг и вдохновение у писателя. «Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, — пишет он А.С. Суворину, — то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать» (2). «Кавказ вы видели? — спрашивал А.П. Чехов в письме к редактору журнала «Осколки» Н.А. Лейкину. — Если вы еще не ездили по Военно-Грузинской дороге, — продолжает он с юмором, — то заложите жен, детей, «Осколки» и поезжайте» (3).

В письме к К.С. Баренцеву, где писатель вдохновенно и неоднократно восклицает: горы, горы, горы! — он сумел передать первозданную красоту Военно-Грузинской дороги настолько ощутимо, что у читателя захватывает дух. «Пережил я Военно-Грузинскую дорогу, — пишет он, — это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный демоном и посвященный Тамаре... Вообразите Вы себя на высоте 8000 футов... Вообразили? Теперь извольте подойти мысленно к краю пропасти и заглянуть вниз; далеко, далеко Вы увидите узкое дно, по которому вьется белая ленточка — это седая ворчливая Арагва: по пути Ваш взгляд встречает тучки, лески, овраги, скалы. Теперь поднимите немножко глаза и глядите вперед себя: горы, горы, горы, а на них насекомые — это коровы и люди... Поглядите вверх — там страшно глубокое небо — дует свежий горный ветерок... Вообразите две высокие стены и

1 Чехов А.П. *Собр. соч. в 12-ти томах. Т. VI. М. 1963. С. 439.*

2 Там же. С. 236.

4 Чехов А.П. *Полн. собр. соч. Т. 14. С. 146.*

134

между ними длинный коридор; потолок — небо, пол — дно Терека; по дну вьется змея пепельного цвета. На одной из стен полка, по которой мчит коляска, в которой сидите Вы...» (1).

Разумеется, А.П. Чехова интересовала не только природа Кавказа; он прислушивался к вопросам социально-политического характера, стремился узнать о событиях, которые оказались результатом Кавказской войны, хотя в его письмах обнаруживаются лишь некоторые отрывочные фразы, свидетельствующие об этом. Так, например, в письме к своему брату А.П. Чехов, рассказывая о своем путешествии из Сухума в Потти на пароходе «Дир», пишет о капитане этого судна следующее: «Рядом со мной стоит маленький толстенький капитан в желтых башмаках... Он разговаривает со мной о кавказских переселенцах...» (2). А.П. Чехов был в Абхазии, когда уже два крупных этапа выселения абхазов и других горцев были позади. Капитану «Дира», которому, вероятно, пришлось перевезти не одну тысячу насильственно выселенных горцев, несомненно, были известны все подробности этой народной трагедии, о чем, как видно, он рассказывал писателю.

Запланированное путешествие по маршруту Новый Афон — Сухум — Потти — Батум — Тифлис — Баку — Средняя Азия — Персия было прервано в Баку, так как спутник Чехова, А.С. Суворов, получил известие о смерти своего брата и должен был вернуться домой (3). Впечатления, оставшиеся после путешествия по Закавказью, не могли оставить великого художника равнодушным. Вскоре после возвращения он писал К.С. Баренцеву: «Видел я чудеса в решетке... Впечатления до такой степени новы, что все пережитое представляется мне сновидением, и не верю себе» (4).

1 Чехов А.П. *Собр. соч. в 12-ти томах. Т. II. С. 240.*

2 Там же. С. 240.

3 Там же. С. 636.

4 Там же. С. 240.

135

А.П. Чехов, побывав в Абхазии, увидев своими глазами всю красоту этого края, не мог пройти мимо этой очаровательной природы, чтобы впоследствии не использовать ее как место действия повести «Дуэль», которую Вл. Ив. Немирович-Данченко считал лучшим произведением Чехова.

Об изображенных картинах в «Дуэли» совершенно справедливо писал проф. Г.А. Талиашвили, хотя его выводы, по нашему мнению, требуют некоторого уточнения.

Действие в повести «Дуэль», по всей вероятности, происходит в Гудауте и ее окрестностях, но не в Сухуме, как полагает Г.А. Талиашвили (1). Действительно скучный и никому не нужный городишко (2), в котором нет гостиницы (3), где единственная маленькая церковь (4), по улице этого городка ходят абхазы и турки (5), а на рейде стоят два парохода (6). Отсюда герои повести отправляются на пикник к Черной речке (в семи верстах) в шесть часов вечера. И они, естественно, через час полтора были на месте. В указанном городишке стоит воинский гарнизон, где служат некоторые главные герои повести (Самойленко и др.).

Приведенные факты говорят в пользу города Гудаута, тем более что в Бомборах (в пригороде) в те времена постоянно стояли воинские части русской армии.

То обстоятельство, что один из героев повести (Лаевский) намеревается уехать «сегодня же... на грузовом пароходе, или даже на паруснике, в Новый Афон или Новороссийск», чтобы послать оттуда матери телеграмму, говорит также в пользу нашего мнения (7).

1 Талиашвили Г.А. Русско-грузинские литературные взаимоотношения. — Тбилиси. 1967. С. 450-453.

2 Чехов А.П. Собр. соч. в 12-ти томах. Т. VI. С. 459.

3 Там же. С. 392.

4 Там же. С. 404.

5 Там же. С. 388.

6 Там же. С. 403.

3 Там же. С. 452.

В повести имеются некоторые несоответствия с описываемой конкретной местностью. Так, например, экипаж едет из города к Черной речке не по направлению к северу, как это в действительности, а к югу. Кроме того, Черная речка не сливается ни с Желтой, ни с другой вообще речкой, как это написано в повести. Разумеется, все это можно отнести к вымыслу художника.

Таким образом, по описанию местности, в которой действуют герои повести, мы вполне можем узнать прибрежный городок Гудаута (ныне районный центр) и его окрестности: Бомбора — традиционное местопребывание воинских частей — и живописное побережье Черной речки, где в настоящее время располагается хозяйство по разведению форели. Кстати, в повести говорится, что татарин-Кербалай, владелец духана, стоявшего на берегу Черной речки, предлагает жареную форель (1).

Чехов мимоходом, но набрасывает в повести некоторые бытовые зарисовки из жизни

абхазов. «...На другом берегу, — пишет он, — как раз напротив на четырех высоких сваях стоял сарайчик, сушильня для кукурузы, напоминавший сказочную избушку на курьих ножках; от его двери вниз спускалась лесенка» (2). Как видно, здесь Чехов описал вид типичного традиционного абхазского амбара (аца) для сушки кукурузы.

В повести неоднократно упоминается об абхазах. Одна из бытовых сценок, связанная с абхазами, описывается автором так: «На том берегу около сушильни появились какие-то незнакомые люди. Оттого, что свет мелькал и дым от костра несло на ту сторону, нельзя было рассмотреть всех этих людей сразу, а видны были по частям то мохнатая шапка и седая борода, то синяя рубашка, то лохмотья от плеч до колен и кинжал поперек живота, то молодое смуглое лицо с черными бровями, такими густыми и резкими, как будто они были написаны углем. Человек пять из них сели в кружок на землю, а

1 Чехов А.П. *Собр. соч. в 12-ти томах. Т. VI. С. 412.*

2 Там же. С. 413.

137

остальные пять пошли в сушильню. Один стал в дверях спиной к костру и, заложив руки назад, стал рассказывать что-то, должно быть, очень интересное, потому что, когда Самойленко подложил хворосту и костер вспыхнул, брызнул искрами и ярко осветил сушильню, было видно, как из дверей глядели две физиономии, спокойные, выражавшие глубокое внимание, и как те, которые сидели в кружке, обернулись и стали прислушиваться к рассказу. Немного погодя сидевшие в кружок тихо запели что-то протяжное, мелодичное, похожее на великолепную церковную песню...» (1).

О характерных чертах абхазских народных песен, как о мелодичных и мужественных песнях, замечал также и А.М. Горький, который слушал их в Абхазии в 1929 г., более того, и сам иногда подпевая, говорил: «Хорошие песни, чудесные песни! Такие мелодии мог создать только коллектив, только трудовой народ. Как надо любить и чтить своих героев, чтобы так трогательно, мужественно и горячо петь о них!» (2).

Таким образом, Абхазия произвела на Чехова неизгладимое впечатление, ее природа и люди вдохновляли на новые творческие силы, что он не раз подчеркивал. Естественно, что пребывание Чехова в Абхазии не прошло бесследно. Оно оставило заметный след в его творческом наследии.

Бывал ли А.П. Чехов в Абхазии и позже?

В 1900 г. А.П. Чехов и А.М. Горький с художником В.М. Васнецовым и врачами А.Н. Алексиним и Л.В. Срединым путешествовали по Кавказу, в том числе и по Грузии, но посетили писатели Абхазию на этот раз или нет, вопрос до сих пор оставался открытым. Лишь в 70-х годах XX в. грузинскими исследователями обнаружены некоторые материалы, проливающие свет на эту тему.

1 Чехов А.П. *Собр. соч. в 12-ти томах. Т. VI. С. 415-416.*

2 Ковач К. А.М. Горький об абхазском народном творчестве. // «Литературная Абхазия». Сухум. 1957. № 2. С. 230.

Традиционное мнение исследователей о том, что маршрут двух великих писателей в конце мая 1900 г. лежал по направлению: Ялта — Владикавказ — Тбилиси неожиданно получил иное направление. Появилась другая версия, согласно которой Горький и Чехов прибыли в Тифлис не через Северный Кавказ, а по маршруту: Ялта — Батум — Тифлис. В таком случае писатели, безусловно, проехали по абхазскому побережью. Как сообщает О. Лордкипанидзе, в 1936 г. в журнале «Красный архив» было опубликовано донесение ялтинского уездного исправника о том, что поднадзорный М. Горький вместе с А. Чеховым и другими лицами 28 мая 1900 г. сели на пароход, который направлялся из Ялты в Батум (1).

Если А.П. Чехов и А.М. Горький действительно ехали на пароходе из Ялты в Батум, то следует предположить, что указанный пароход останавливался в Гаграх и, несомненно, в Новом Афоне. Правда, трудно сказать, как долго он мог стоять у пристани Нового Афона; могли писатели успеть пройти по памятным местам? Возможно, они остались в Новом Афоне до следующего парохода? Естественно, здесь возникает много вопросов, которые все еще остаются загадочными до обнаружения новых материалов.

Новые материалы, как известно, трудно выявлять, ибо по конспиративным соображениям совместное путешествие А.М. Горького и А.П. Чехова не получило тогда широкой огласки (2).

§ 2. А.М. Горький в Абхазии

Наиболее значительным исследованием темы «Горький в Абхазии» является работа Х.С. Бгажба, вошедшая в кни-

1 Лордкипанидзе О. Все пережитое представляется мне сновидением. // «Литературная Грузия». 1973. № 8. С. 79.

2 Талиашвили Г.А. Русско-грузинские литературные взаимоотношения. — Тбилиси. 1967. С. 449.

гу «Горький и литература народов СССР» (1). Однако эта тема настолько обширна, что требует специального монографического исследования. В данном случае хронологические рамки настоящей работы позволяют рассмотреть лишь дооктябрьский период этой проблемы.

Творческая биография великого писателя Алексея Максимовича Горького тесно связана с Кавказом, в частности, с Грузией.

Свое отношение, искренние чувства к Кавказу и кавказским народам А.М. Горький выразил в своей статье «О кавказских событиях» (1905 г.), в которой он писал: «Я так горячо люблю эту прекрасную страну — олицетворение грандиозной красоты и силы, ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума быстрых певучих рек, и ее красивых гордых детей» (2).

Эта любовь писателя была тем искренней, что начало его творческого пути связано с Грузией и ее столицей Тифлисом, где в 1892 г. в газете «Кавказ» он опубликовал свой первый превосходный рассказ «Макар Чудра», ознаменовавший собой рождение Максима Горького как писателя.

Немало впечатлений в памяти великого писателя оставила и Абхазия, где он бывал неоднократно. Именно здесь, на берегу р.Кодора, в 1892 голодном году еще никому не известный Алексей Пешков, будучи рабочим строительства шоссейной дороги, оказал помощь женщине, родившей в необычайно тяжелых условиях. И в последующие годы Алексей Максимович стремится использовать каждый удобный случай, чтобы вновь посетить те места в Абхазии, куда тянула память его юности.

В Абхазии Горький побывал не три раза, как до недавнего времени казалось, а четыре раза (в 1892, 1900, 1903 и 1929

1 Бгажба Х.С. Горький в Абхазии. // Горький и литература народов СССР. — Ереван. 1970.

2 Горький А.М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 23. — М. С. 337.

140

годах, хотя, как было указано выше, вопрос о пребывании здесь Горького и Чехова в 1900 г. недостаточно изучен. С его первым посещением Абхазии связаны два рассказа: «Калинин» и по словам автора один из его лучших рассказов — «Рождение человека», который по художественным достоинствам, гуманизму и идейно-философской направленности стоит на уровне лучших произведений мировой литературы. Оба рассказа, созданные в 1912 г., вошли в сборник «По Руси».

В 1891 г. после долгих странствий по югу России Алексей Пешков вместе со случайно встретившимся в Одессе грузином — прототипом литературного героя Шакро Птадзе (рассказ «Мой спутник») — решил отправиться в Тифлис. Пройдя Северный Кавказ и Военно-Грузинскую дорогу, после четырехмесячного голодного и холодного скитания в ноябре 1891 г. Горький пришел в Тифлис. А летом 1892 г., получив расчет в Главных железнодорожных мастерских, где он работал, побывал в Абхазии.

1892 год — время первого пребывания Горького в Абхазии — был тяжелым годом. Масса голодающих крестьян средней полосы России потянулась к южным краям на поиски работы и куска хлеба. Нищей быта тогда и сама Абхазия. Колониальный гнет царизма и гнет многочисленных феодальных пережитков тяготели над страной. Только царские чиновники, местные феодалы, а также спекулянты, торговавшие землей после выселения местного населения, чувствовали себя здесь вольготно. Царскими властями было запрещено даже наименование Абхазии, страна называлась «Сухумским округом».

Горький побывал в Новом Афоне, работал у монахов Новоафонского монастыря. Его впечатления, оставшиеся после первого посещения этого уютного уголка Абхазии, легли в основу его рассказа «Калинин».

В рассказе автор сообщает о том, как в монастыре он встретил странника по фамилии Калинин, родом из Воронежа, и заинтересовался им. Получив недельный заработок в

монастырской конторе, автор рассказа вместе с Калининым рано утром вышли к берегу моря и направились в сторону Гудауты. В пути их застала непогода, и они скрылись в выжженном дупле большого дерева, после чего разожгли костер под огромным камнем, висевшим над обрывом, где, беседа между собой, присидели почти до заката солнца.

Горький приводит слова Калинина, который вспоминает о том, как он спорил со старцем Виталием — смотрителем за работами в Новоафонском монастыре. Старец Виталий пытался доказать, что монахи, прибывшие в Новый Афон, призваны навести порядок против царившего здесь хаоса. Монах «гордо очерчивает крепкой рукою... круг в воздухе, — рассказывает Калинин, — в этот круг, как в раму, заключена гора, разработанная уступами под фруктовый сад, — земля, точно пух, взбита на ней; под ногами Виталия серебряная полоса водопада и лестница, высеченная в камне, — она ведет в пещеру Симона Кананита. А внизу горят на полуденном солнце золотые главы новой церкви... Зеркалом лежат рыбные пруды и всюду — царственно-важные холеные деревья» (1).

В ответ на это колонизаторское хвастовство старца Виталия Калинин говорит: «Тут я его прижал: «Христос ваш, говорю, тоже был человек бездомный и надземный: он вашу земную заботливую жизнь отвергал!..» (2).

Уместно вспомнить здесь о некоторых эпизодах истории строительства Новоафонского монастыря, отразившихся в сочинениях церковных писателей.

Перед началом строительства монастыря в конце XIX в. была выпущена масса книжек и брошюр, в которых захват лучших земель в Абхазии русскими монахами церковь пыталась объяснить провидением Бога. В одной из этих книжек рассказывается о том, как некий абхаз-мусульманин по имени Асан, живший за рекой Псырдзха, был однажды во сне избит

1 Горький А.М. Собр. соч. в 18-ти томах. Т. VIII. — М. 1961. С. 169.

2 Там же.

человеком почтенного и величественного вида за то, что Асан заявлял свои права на землю, где он жил. «Уходи отсюда со всем домом твоим, — говорил почтенный человек, — это место назначено монахам, они будут жить здесь и молиться Богу» (1). Анонимный автор добавляет, что после этого случая участок Асана, бежавшего в Турцию, также отошел монастырю, который расширил свои владения до 1000 десятин.

Церковный писатель излагает и другое сказание о том, как в развалинах церкви Симона Кананита жил некий абхаз Гасан Маргания, которого также по ночам прогоняли какие-то незнакомцы, после чего он начал строить себе дом, перетаскивая строительный камень из развалившейся церкви. Это святотатство не прошло ему даром, — пишет автор, — один из строителей, таскавший камень, внезапно умер. А Гасану пришлось бежать в Турцию, где он и погиб со всем своим семейством, — заключает он (2).

Церковь таким образом запугивала коренных жителей, чтобы захватить Новый Афон — один из лучших уголков Абхазии. А там, где не удавалось одурманить народ, с помощью

церковной идеологии, царские чиновники действовали оружием. Так было и в Гаграх в начале XX в., когда Николай II «подарил» принцу Ольденбургскому гагрскую дачу (ныне «Гагрипш») с прилегающими к ней землями и отпустил три миллиона рублей. Ленинская «Искра», тут же откликнувшись, писала: «Захват гагрской дачи вызвал целую бурю недовольства у абхазцев — аборигенов края, и для тех в Гагра приглашены две пехотные роты. Санаторий на штыках царских опричников» (3).

Любопытны мотивы, побудившие Калинина оказаться на Кавказе. На вопрос автора, как он попал на Кавказ, герой рассказа отвечает:

1 Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения богородицы в Пицунде. — Одесса. 1888. С. 52-61.

2 Там же.

3 Коронованный вор или царское приданое. // Газ. «Искра». 15 августа 1907 г.

143

«— Шел, шел и пришел!.. — На Кавказ попасть всякому хочется...

— Почему?

— А как же? С малых лет слышим: Кавказ, Кавказ!.. На Кавказ, брат, всякого тянет...» (1).

А когда привратник Новоафонского монастыря, отец Серафим, стал предостерегать Калинина от «голодного абхаза», который «по ночам тут бродит», герой рассказа спокойно отвечает: «Мне абхаз не вреден...» (2). Калинин хорошо знает, что ему, действительно, страшен не абхаз, доведенный до нищенства социальным неравенством так же, как и он сам...

А.М. Горький осуждает героя рассказа «Калинин» за его эгоистический уход от жизни. Странник Калинин внутренне опустошен. Он — жертва реакционно-индивидуалистической философии, которая, по его словам, гласит: «Я ничего от тебя не хочу, и ты от меня ничего не требуй» (3).

Полемический подтекст, обнаруживаемый в этом рассказе, направлен против антиобщественных настроений; против мрачного индивидуализма и пессимизма, которыми была охвачена почти вся литература после поражения революции 1905 г. Достаточно вспомнить, что Горький в своих публицистических статьях, справедливо обвиняя авторов явно антиобщественных сочинений, писал тогда: «Эпидемия самоубийств среди молодежи в тесной связи с теми настроениями, которые преобладают в литературе, и часть вины за истребление молодой жизни современная литература должна взять на себя» (4).

Рассказ «Калинин» в это время прозвучал как прямой ответ на главный вывод крайне мрачного рассказа Леонида Андреева «Тьма» (5). Л. Андреев под влиянием идеалистической фило-

1 Горький А.М. Собр. соч. в 18-ти томах. Т. 8. — М. 1961. С. 161.

2 Там же. С. 153.

3 Там же. С. 168.

4 Горький А.М. Статьи 1905 — 1916 гг. С.96. Цит. по: *Истории русской литературы*. Т. X. — М. 1951. С. 608.

5 Бялик Б. Судьба Максима Горького. — М. 1968. С. 229.

144

софии Запада не только проповедовал, что смерть является высшей свободой человека («День гнева» — 1910 г.), но, дойдя до полного отчаяния, сам трижды пытался покончить с собой.

Андреев вложил в уста главного героя своего рассказа «Тьма» (1907 г.) следующие слова: «Если нашими фонариками не можем осветить всю тьму, так погасим же огни и все полезем в тьму» (1). А.М. Горький, отвечая автору «Тьмы» на эту зловещую проповедь, в заключение рассказа «Калинин» пишет: «Иду во тьме и сам себе свечу; мне кажется, что я живой фонарь, в груди моей красным огнем горит сердце, и так жарко хочется, чтобы кто-то боязливый, заплутавшийся в ночи, увидел этот маленький огонь...» (2). Несомненно, эти оптимистические слова, в которых, чувствуется и тон сожаления по поводу «заплутавшегося в ночи», адресованы Л. Андрееву, с кем Горький имел настоящую многолетнюю дружбу. Кстати, рассказ «Тьма» явился одной из причин разрыва отношений между Л. Андреевым и Горьким. Письмо Горького автору «Тьмы» напоминает знаменитое письмо Белинского Гоголю (3).

Рассказ «Калинин» в качестве антитезы перекликается и с другим зловещим произведением Л. Андреева под названием «Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы». Лейтмотивом этого жуткого рассказа является фраза «я тебя люблю», которую периодически повторяет змея, уговаривая свою жертву согласиться на смертельный укус (4). А. Горький, описывая красоту побережья моря у Нового Афона, этой фразой подчеркивает любовь человеческого сердца к своей земле, к прекрасному миру (5).

Для всего рассказа «Калинин» характерны те места, где Горький вдохновенно говорит о любви к своей земле, к жизни,

1 Цит. по: Бялику Б. Судьба Максима Горького. — М. 1968. С. 229.

2 Горький А.М. Собр. соч. в 18-ти томах. Т. 8. С. 170.

3 Горький А.М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 29. — М. С. 191-193.

4 Андреев Л. Рассказ змея о том, как у нее появились ядовитые зубы. // Полн. собр. соч. Т. II. — СПб. 1913. С.183-185.

5 Горький А.М. Собр. соч. в 18-ти томах. Т. 8. С. 156.

145

к человеку. «С каждым днем, — пишет он, — все более неисчислимы нити, связующие мое сердце с миром, и сердце копит что-то, от чего все растет в нем чувство любви к жизни...» (1).

В следующих строках мы узнаем автора «Рождения человека». «Страшно хочется жить, — продолжает писатель, — так жить, чтоб смеялись старые камни и белые кони моря еще выше вставали бы на дыбы; хочется петь хвалебную песню земле, чтоб она, опьянев от

похвал, еще более щедро развернула богатства свои, показала бы красоту свою, возбужденная любовью одного из созданий своих — человека, который любит землю... и охвачен желанием оплодотворить ее новою красотой» (2).

Таким образом, рассказ «Калинин» проникнут идеями гуманизма; в нем ярко проявились те высокие мотивы прославления человека на земле, которые так характерны для другого рассказа Горького «Рождение человека», также оказавшегося плодом пребывания писателя в Абхазии в том же 1892 г.

После посещения Нового Афона Алексей Пешков в Сухуме нанялся рабочим строительства, так называемого, Стратегического шоссе Новороссийск — Сухум. Однако здесь у него произошло резкое столкновение «с важным сухумским инженером», грабившим беззащитных голодающих, которые и без того были раздавлены своим горем.

Не поладив с начальством, Алексей Максимович через неделю (в июле 1892 г.) берегом направился в сторону Очамчыры. По пути он зашел в старинное абхазское село Адзюбжа. Вот здесь и произошел тот случай, который получил правдивое отражение в рассказе «Рождение человека».

Это произведение поистине стало восторженным гимном человеку на земле. С большой любовью и проникновенным сочувствием к страданиям женщины-матери автор описывает рождение «нового жителя земли русской».

1 Горький А.М. Собр. соч. в 18-ти томах. Т. 8. С. 156.

2 Там же.

146

Алексей Максимович видел эту женщину и ее спутников до этого, в Сухуме. «Я знаю их — орловские, вместе работал с ними и вместе рассчитался вчера, — пишет он, — ушел я раньше их, в ночь, чтобы встретить восход солнца на берегу моря... В Сухуме у нее помер муж... Я жил в бараке среди этих людей» (1).

А.М. Горький слишком тяжело переносил людское горе. Он при каждом возможном случае, несмотря ни на какие препятствия и опасности, мужественно бросался на помощь к людям. «Я чувствовал, что искренне и действительно люблю человека...» (2), — писал он. Правда, его протесты против жестокостей часто кончались тем, что били его не только «блюстителю» порядка, но и голодные люди, доведенные до отчаяния. Так, например, в Сухуме он ругался «с начальством из-за харчей...», в селе Кондыбино его избили, когда он бросился на помощь к жестоко избиваемой женщине (рассказ «Вывод»). И вот на этот раз в селе Адзюбжа А.М. Пешков исполнял должность акушера тогда, когда сам еле держался на ногах. Пытаясь остановить мужчин, оставивших свою попутчицу, у которой начались родовые схватки, он крикнул им: «Скоты вы этакие! Может, здесь Шекспир родится!» В ответ — он был избит (3). В таком положении он принялся помогать женщине.

«Мучительно жалко ее, — пишет Горький, — и кажется, что ее слезы... брызнули в мои глаза, сердце сжато тоской, хочется кричать, и я кричу... И вот на руках у меня человек...» (4).

Рассказ пронизан лирическим духом бытия. Автору было бесконечно дорого это

произведение тем, что в нем отразилась предельная правда о том, как он содействовал рождению человека «неизвестной судьбы», поиски которого писатель продолжал всю жизнь (5).

-
- 1 Горький А.М. *Собр. соч. в 18-ти томах. Т. 8. С. 8.*
 - 2 Горький А.М. *Леонид Андреев. // Русская литература XX в. — М. 1971. С. 356.*
 - 3 Бялик Б.А. *Судьба Максима Горького. С. 19-20.*
 - 4 Горький А.М. *Собр. соч. в 18-ти томах. Т. 8. С. 11.*
 - 5 Груздьев И. *Горький и его время. — М. 1962. С. 675.*

147

Позже, когда он бывал в Абхазии, по свидетельству очевидцев, не проходил мимо тех мест, которые напоминали ему годы юности. Так, в 1903 г. А.М. Горький, находясь на пути из Кутаиса в Сухум, остановил экипаж на берегу р. Кодор и показал жене место, где он принял у женщины ребенка (1).

Рассказ «Рождение человека» не получил еще должного внимания в научной литературе. Он является программным произведением всего цикла рассказов «По Руси». Не случайно этот сборник открывался «Рождением человека», ставшим тогда одним из «центральных» произведений всего творчества А.М. Горького (2).

В архиве Горького имеется множество писем, полученных писателем по поводу этого замечательного произведения, в которых выражены глубокие волнения даже разных по своим общественным взглядам читателей; писали, например, И.А. Бунин, П.А. Кропоткин, И.И. Горбунов-Посадов и другие (3).

Кстати, характерна первая, как бы «устная» публикация этого рассказа. В апреле 1912 г. в Париже на митинге, посвященном ленинским событиям, А.М. Горькому было предоставлено слово. Вместо публицистического выступления писатель перед большой аудиторией прочитал «Рождение человека». Чтение было встречено бурной овацией (4).

Чем же объясняется, что маленький рассказ, как установлено, написанный за несколько часов (хотя он вынашивался автором два десятилетия (5)), оказал огромное волнующее внимание на читательскую аудиторию?

Следует еще раз обратиться к творчеству Леонида Андреева, хотя дело не только в нем, а во всей декадентской литературе. А.М. Горький, ведя ожесточенную борьбу со всей реакци-

-
- 1 Польшая Е. *Дорогами Черноморского побережья Кавказа. // Газ. «Советская Абхазия». 28 марта 1963 г. № 61.*
 - 2 Бялик Б.А. *Судьба Максима Горького. С. 228.*
 - 3 Там же. С. 228-229.
 - 4 Финк В. *Рождение человека. // «Известия». 23 марта 1938 г. № 73.*
 - 5 Бялик Б.А. *Судьба Максима Горького. С. 229.*

148

онной литературой, по-видимому, чаще полемизировал с Андреевым, с которым его связывала многолетняя дружба. Кроме того, Л. Андреев, изменивший реалистическим и демократическим позициям, являлся тогда одним из наиболее талантливых и влиятельных литераторов среди упадочного течения.

Известно, что рассказ «Рождение человека» был создан как ответное полемическое произведение на философскую драму Л. Андреева «Жизнь человека», первое действие которой также называлось «Рождением человека». Л. Андреев в прологе своей драмы, рисуя до предела мрачную картину рождения человека, пишет: «...Он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой жизни... Смотрите и слушайте пришедшие сюда для забавы и смеха, — продолжает он, — вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее темным началом... Родившись, он примет образ и имя Человека и во всем станет подобен другим людям... Ограниченный зрением, он никогда не будет знать, что несет ему грядущий день... И в слепом неведении своем, томимый предчувствиями, волнуемый надеждами и страхом, он покорно совершит круг железного предназначения» (1).

Этот жуткий монолог читает **Некто в сером**. Его монотонный могильный голос доносится из пустого серого помещения без окон и дверей.

Пролог завершается словами: «Так умрет Человек. Придя из ночи, он возвратится к ночи и сгинет бесследно... Вы, обреченные смерти, смотрите и слушайте: ...пройдет перед вами... быстротечная жизнь Человека» (2).

Так начиналась эта зловещая пьеса, вывод которой сводился к тому, что жизнь человека на земле не имеет никакого смысла.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что идейным противником Горького в этот период был и ре-

1 Андреев Л.Н. Полн. собр. соч. Т. I. — СПб. 1913. С. 172-173.

2 Там же. С. 173.

акционный литератор М.П. Арцыбашев, который утверждал, что лучше детям совсем не рождаться на свет, чем рождаться «на жизнь несчастную и бесцельную» (1).

Именно на эти чудовищные заявления этих человеконенавистников отвечал великий писатель-гуманист своим ярким жизнеутверждающим произведением, в основе которого лежит реальный эпизод, имевший место в Абхазии. В своем рассказе А.М. Горький показал, что величайший акт рождения человека — это всегда праздник, заслуживающий всевозможного прославления, если даже он происходит в таких нечеловеческих муках и условиях, при которых вынуждена была родить голодная крестьянка в кустарнике на берегу Кодора.

Новый человек земли русской родился здесь на фоне полной жизненных соков животворящей природы Кавказа. Яркими красками рисует Горький природу юга, которая приветствует появление человека. Все здесь празднично: и краски осени, и пена моря, и

сияние солнца, и радостный возглас: «Шуми орловский! Кричи во весь дух!»

Таким образом, великому писателю приходилось в сложнейших условиях антиобщественной ситуации отстаивать право человека жить на земле. Ведя непримиримую борьбу против всякого рода мизантропов, проповедовавших преступную идею о том, что жизнь бессмысленна, Горький в ответ мрачным и упадочным сочинениям предлагал читателям свои оптимистические, глубоко волнующие произведения, в которых немаловажную роль сыграл и многокрасочный пейзаж Абхазии. Этот «безумно красивый уголок земли» (как Горький называл Абхазию) помог наиболее полно воплотить замысел автора «Рождения человека», в котором он вдохновенно восклицал: «Превосходная должность — быть на земле человеком!»

Второе пребывание А.М. Горького в Абхазии относится к 1900 г., когда он путешествовал с А.П. Чеховым, о чем мы уже писали в конце предыдущего параграфа.

1 Цит. по: Бялику Б.А. Судьба Максима Горького. С. 230.

150

Третий раз А.М. Горький посетил Абхазию в 1903 г. Тогда он вместе с женой Е.П. Пешковой, с директором издательства «Знание» К.П. Пятницким и режиссером и артистом Художественного театра А.А. Тихомировым, путешествуя по Кавказу, вновь побывал в Абхазии. О некоторых подробностях путешествия Горького со своими спутниками стало известно лишь в 1963 г., когда краеведом Е. Польской был найден очерк горного инженера И. Акинфиева «По Черноморскому побережью и Кавказу», напечатанный в ставропольской газете «Северный Кавказ» (1903. № 6).

Как свидетельствует указанный очерк, Алексей Максимович и его друзья проводили до Новороссийска Е.П. Пешкову, которая была вынуждена прервать путешествие из-за болезни дочери, а затем в Гаграх сели на пароход «Батум». Горький и его спутники сошли с «Батума» в Новом Афоне и к вечеру второго дня отправились в Сухум, откуда они собирались идти пешком в Сванетию. Врачи предписали писателю, как пишет И. Акинфиев, ходить как можно больше пешком для укрепления нервной системы. Однако пассажиры на пароходе не советовали Горькому и его друзьям предпринимать столь опасное путешествие пешком в Сванетию. И, действительно, автор очерка сообщает, что позже еще раз видел Горького с его спутниками на пароходе по пути из Сухума в Поти, где он и расстался с ними. Из Поти они отправились в Кутаиси на поезде (1).

Интересные наблюдения записал И. Акинфиев во время совместного плавания с писателем на пароходе у берегов Абхазии — от Гагр до Нового Афона. «Зоркие дамы первые заметили появление знаменитости на палубе, — пишет он, — и, по обыкновению, забегали вокруг и около, перешептывались и разглядывали с головы до ног рослого мужчину с весьма характерными чертами лица... Трогательно было видеть, — продолжает автор очерка, — как заботливо относятся к писателю его два спутни-

1 Польская Е. Максим Горький на Черноморском побережье. // Газ. «Советская Абхазия». 28 марта 1963 г. № 155.

ка... Оба они, видимо, старались развлекать автора «На дне» разговорами, хлопотами о всех удобствах в пути и вообще зорко следили за ним, предупреждая малейшее желание его» (1).

Нет сомнения, что Алексей Максимович, находясь в Новом Афоне целые сутки, а затем и в Сухуме, ходил со своими спутниками по памятным ему местам, встречался с людьми. Разумеется, поднялся он и к Новоафонскому монастырю. Но, к сожалению, пока нет других материалов, в которых более подробно отразились сведения о пребывании великого писателя в Абхазии в 1903 г.

Мы располагаем значительным количеством материалов по теме «А.М. Горький и Советская Абхазия», являющейся самостоятельной проблемой. А вопросы, связанные с пребыванием великого писателя в Абхазии в четвертый раз, т.е. в 1929 г., выходят за рамки нашей темы и относятся к ее продолжению. Поэтому мы здесь ограничиваемся лишь беглым освещением основных эпизодов четвертого пребывания, безусловно, имеющего тесную связь и с предшествующими посещениями писателем Абхазии.

Четвертый раз А.М. Горького потянуло к знакомым местам в Абхазии во время его путешествия по СССР.

Вечером 6 сентября 1929 г. писатель прибыл в Новый Афон, где он провел ночь. В Новом Афоне его навестили председатель ЦИК Абхазии С.Я. Чанба и редактор абхазской газеты «Апсны капш» М.Л. Хашба (2). Интересуясь новой советской Абхазией, в Новом Афоне Горький познакомился с совхозом, к которому перешло хозяйство прежнего монастыря.

Писатель был приглашен в дом абхазского сказителя Исмаила Бутба, где встреча прошла в дружественной обстановке (3).

1 Цит. по: Польской С. Максим Горький на Черноморском побережье.

2 Бгажба Х.С. Горький в Абхазии. // Горький и литература народов СССР. — Ереван. 1970. С. 472.

3 Там же.

В тот же день он направился в Сухум, где посетил вновь созданный здесь обезьяний питомник. В питомнике Горький со своим сыном Максимом провел несколько часов. Писатель много беседовал с научными сотрудниками института, интересовался их успехами. Сохранилась запись Горького в книге почетных гостей, а также фотография Алексея Максимовича среди сотрудников института. Сейчас на стене административного Корпуса Научно-исследовательского института экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии в Сухуме в память о посещении великим писателем Сухумского питомника обезьян в 1929 г. установлена мемориальная доска.

Утром следующей дня (8 сентября) Горький направился в г. Очамчыра. Его сопровождал председатель Совнаркома Абхазии Н.А. Лакоба и другие. По пути Алексей Максимович заехал в село Адзюбжа, посетил больницу, выстроенную в честь великого писателя. Из Очамчыры Горького проводили до Ахали-Сенаки (ныне г. Цхакая), откуда он направлялся

в Тбилиси.

Не вдаваясь во все подробности, мы обратим внимание лишь на воспоминание первого абхазского композитора и собирателя песенного творчества К.В. Ковач, который по горячим следам встречи написал статью «А.М. Горький об абхазском народном творчестве» и опубликовал ее в 1936 г. Эта работа, как указывает Х.С. Бгажба, несомненно, заслуживает большого внимания как наиболее достоверный источник (1).

К.В. Ковач вспоминает, что 7 сентября 1929 г. его вызвали к Алексею Максимовичу, который в это время беседовал с председателем Совнаркома Абхазии Н.А. Лакоба. «Они беседовали, — пишет К.Ковач, — и лица их были очень серьезными. У меня мелькнула мысль: «До песен ли сейчас?» Но, прислушавшись к разговору, я понял, что речь идет о... песнях, об аб-

1 Бгажба Х.С. Горький в Абхазии. // Горький и литература народов СССР. — Ереван. 1970. С. 473.

153

хазском народном творчестве» (1). Действительно, когда К.Ковач зашел к беседающим, то в руках А.М. Горького он увидел сборник абхазских народных песен (2). Автор воспоминания сообщает, что Алексей Максимович отнесся к собиранию абхазского народного творчества с исключительным интересом и, что, вопреки всем ожиданиям, А.М. Горький, не будучи музыкантом, блестяще понимал ответы на заданные им вопросы.

Глубокий интерес писателя к абхазскому народному творчеству раскрывается в следующем диалоге, который приводит К. Ковач. "Сами-то вы, хоть немного поете эти песни? — спросил... Алексей Максимович. — Мне приходится усваивать песни основательно, прямо с голоса исполнителя, иначе мне было бы очень трудно что-либо правильно записать. Ведь у меня нет фонографа. — Отсутствие фонографа — это не такая большая беда... если вы сами поете абхазские песни. Сам исполняя их, вы лучше усваиваете характер песни и дух народа, вложенный в содержание этих напевов. Вы еще молоды, у вас много энергии. А дело крайне нужное и для вас почетное. Надо любить это дело. А в крайнем случае можно достать и фонограф..." (3).

К.В. Ковач замечает, что собравшиеся вокруг Горького абхазские товарищи пели песни, пел и Нестор Лакоба, местами подпевал и сам Алексей Максимович... (4).

«Я слышал, — продолжает К.Ковач, — как в перерывах между песнями он говорил: «Хорошие песни, чудесные песни! Такие мелодии мог создать только коллектив, только трудовой народ! Как надо любить и чтить своих героев, чтобы так трогательно, мужественно и горячо петь о них!» (5).

А.М. Горький советовал композитору записывать не только песни, но и сказки и легенды. «Если вы не запишете, —

1 Ковач К.В. А.М. Горький об абхазском народном творчестве. // Газ. «Советская Абхазия». 26 декабря 1936 г.

- 2 Там же.
3 Там же.
4 Там же.
5 Там же.

154

говорил он, — пройдут года, песня может затеряться, может не сделаться достоянием народа. Вы такую вашу ответственность понимаете?» (1).

А когда К. Ковач скромно заметил, что ему могут возразить, что он, записывая сказки и легенды, занимается не своим делом, то Горький подчеркнул, что «для советского человека не существует «не своих» дел... Пусть сказки и легенды собирают еще сотни людей... Советская власть воспитывает в Абхазии много своих национальных поэтов, писателей, композиторов. Они тоже будут собирать фольклор, но они используют и все ваши и другие записи» (2).

Алексей Максимович, как пишет К.Ковач, продолжал беседу на эту тему и на следующий день, когда его провожали в Тбилиси. Горький предупреждал, что будет много трудностей, но «собрание народного творчества, — говорил он, — это благороднейший труд. Это дело имеет большое будущее, особенно в таких республиках как Абхазия. Вы знаете приблизительно ее тяжелое прошлое? Партия и Советская власть уделяют много внимания всем ранее угнетенным народам» (3).

Великий писатель высказал пророческие слова: «Придет время, — сказал Горький, — и вы услышите, как огромные народные хоры и оркестры будут празднично исполнять абхазские песни и музыку прямо на площадях. Это будет довольно скоро» (4).

А.М. Горький и сопровождающие его лица остановились в Очамчыре, чтобы отдохнуть. Писатель был приглашен в дом Иллариона Кантария, где снова зазвучали песни. Алексей Максимович, как отмечает К. Ковач, не только не уставал слушать, но здесь он был еще более взволнован. «Когда пели «Песню о Гудисе», — вспоминает К. Ковач, — Алексей Максимович встал

1 Ковач К.В. А.М. Горький об абхазском народном творчестве. // Газ. «Советская Абхазия». 26 декабря 1936 г.

- 2 Там же.
3 Там же.
4 Там же.

155

и нервно заходил по комнате. Глаза его горели вдохновением... Я подошел к Алексею Максимовичу и тихо спросил его: Вас волнует эта песня? Она нравится Вам? Алексей Максимович посмотрел на меня... совсем для меня неожиданно, бурно сжал меня в объятиях и крепко поцеловал. Я растерялся и ничего не мог сказать этому дорогому, незабвенному человеку» (1).

Кстати, один из присутствующих тогда за столом, знаток грузинских и абхазских песен Д.А. Надаришвили вспоминает: «Алексей Максимович с наполненным бокалом в руке

подошел к нам, певцам, и произнес... взволнованную речь, в которой сказал, что объехал всю Европу и Америку, слышал песни многих народов, но таких темпераментных и захватывающих песен, как грузинские и абхазские, ему не приходилось слышать. Они также чудесны, как чудна ваша страна» (2).

Так трогательно и с глубоким волнением прошли те два-три дня, которые проездом мог уделить Абхазии старый друг абхазского народа Максим Горький.

Действительно, у Горького были основания для волнений во время дружественных встреч в Абхазии. Он, как никто другой, мог сравнить старую Абхазию с новой Абхазией, которая изменилась до неузнаваемости.

Примечательно, что на том месте, где некогда А.М. Пешков помог орловской женщине, сооружена сельская больница с родильным отделением. Были нередки случаи, когда мальчикам, родившимся в этом отделении, матери символично и не без гордости в честь великого писателя давали имя «Максим» (3).

В марте 1968 г. жители села Адзюбжа особенно торжественно отметили 100-летие со дня рождения великого писателя. На юбилейный вечер собрались и труженики из соседних сел.

1 Ковач К.В. Указ. соч.

2 Ашванба С. Максим Горький в Абхазии. // Газ. «Советская Абхазия». 19 июня 1966 г.

3 Моисеев О. Между Сухумом и Очамчырой. // Газ. «Гудок». 27 марта 1968 г.

156

Прибыли в гости к адзюбжинцам члены правительства Абхазии, а также многочисленные гости из района и республики.

Старые жители этого села — те, кому посчастливилось лично встретиться с А.М. Горьким в 1929 г. (агроном И. Инал-ипа, пенсионер А. Пилиа, педагог А. Григолая и др.) — поделились своими воспоминаниями. Интересно, что старейший сельский учитель Александр Григолая стал жителем этого села после того, как однажды прочитал рассказ Горького «Рождение человека», который потянул молодого учителя к горьковским местам (1).

На вечере было высказано предложение о присвоении Адзюбжинской сельской больнице имя «Рождение человека». Совет Министров Абхазии, рассмотрев пожелание адзюбжинцев, удовлетворил их просьбу: больница носит имя «Рождение человека» (2).

Великий писатель и великий гуманист Алексей Максимович Горький дорог всем читателям его талантливых книг, а абхазы же, кроме всего прочего, с благодарностью хранят в памяти все, что связано в Абхазии с его именем.

1 Ариба Т. Там, где родился человек. // Газ. «Советская Абхазия». 23 марта 1968 г. № 58.

2 Газ. «Советская Абхазия». 27 марта 1968 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судя по письменным источникам, сведения о Кавказе и кавказцах дошли до русских книжников еще на заре зарождения и становления древнерусской литературы (X-XI вв.). В первую очередь на Руси стали известны близлежащие страны и народы: ясы (аланы), касоги (адыги), обезы (абхазы) и др.

С XV в. Московская Русь стала активнее общаться с адыго-черкесскими народами на Северном Кавказе, налаживать контакты с Грузией, Арменией и другими странами Закавказья, чтобы иметь выход к южным морям и обезопасить свои южные границы. Однако по-настоящему Кавказ изучается русскими писателями начиная с XIX в., в частности, после присоединения к России Грузии (1801 г.), Абхазии (1810 г.) и других стран Закавказья.

Абхазия, вскоре после ее присоединения к России, становится одной из тем русской литературы. Пишут о ней: поэт пушкинского круга Е.П. Зайцевский, выдающийся писатель и декабрист А.А. Бестужев-Марлинский, малоизвестный друг Марлинского П.П. Каменский, совершенно забытые прозаик В.И. Савинов, писательница Е.П. Лачинова, Вас. Ив. Немирович-Данченко. Д.Л. Мордовцев, а также классики русской литературы А.П. Чехов. А.М. Горький и многие другие.

В настоящей книге прежде всего рассматривается часть эпистолярного наследия А.А. Бестужева, в которой сохранились интересные сведения об абхазах и других горцах Кавказа. В письмах А.Марлинского получили недвусмысленное отражение политические и эстетические взгляды передовых людей России на Кавказ и его проблемы. Эта исходная позиция была выработана, главным образом, самим А. Бестужевым, и она стала руководством для прогрессивных людей, писавших о Кавказе и его обитателях. Заслуга А. Бестужева еще и в том, что он, тщательно изучив этнически пестрый Кавказ, с пониманием относился к национальным особенностям каждого на-

рода. Между тем на Кавказ тогда, как правило, смотрели как на однородную массу. Позиция, выработанная А. Бестужевым, была основана на гуманном отношении к горцам, которые оказались жертвой ожесточенной схватки двух колониальных держав (царской России и султанской Турции). Последние боролись за раздел Абхазии и всего Причерноморья.

Все эти разработки А.Бестужева стали достоянием, прежде всего, окружавших его в кавказской ссылке писателей, о которых упоминалось выше.

Таким образом, «закадычный друг» Бестужева-Марлинского (1), молодой в то время П.П. Каменский, в 1837 г. опубликовал повесть «Келиш-Бей». В основу повести легли исторические события, имевшие место в Абхазии перед ее присоединением к России. Несколько позже тот же автор издал роман «Искатель сильных ощущений», действия которого разворачиваются в Грузии, Абхазии и других местах Кавказа. В романе выведен и образ одного из абхазских князей, украдкой занимающегося работорговлей.

Другая повесть этого писателя — «Мертвые головы или русские в Чечне» — по своему идейному замыслу перекликается с романом Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе»,

написанным под влиянием А. Бестужева-Марлинского. Оба произведения повествуют о диких методах уничтожения горцев царскими колонизаторами. Роман Е.П. Лачиновой (1844 г.) написан не только под влиянием А. Бестужева, но он, Бестужев, является прототипом главного героя романа, протестующего против жестокостей царизма. В романе изображена довольно мрачная картина жизни до предела разложившихся офицеров и многих генералов на Кавказе, торговавших не только пленными, но и трупами.

Литература второй половины XIX в. намного богаче по своей абхазской тематике. Особого внимания здесь заслуживает незаслуженно забытое творчество В.И. Савинова, который в ряде своих крупных художественных произведений наиболее

1 Каменская М.Ф. Воспоминания. // Исторический вестник. 1894. № 10. С. 55.

159

полно отразил все стороны нелегкой жизни абхазского народа. Он нарисовал развернутую картину хищнической работоторговли в Абхазии со всеми ее атрибутами. Всесторонне изучив этот чудовищный механизм, В.И. Савинов подробно отразил его в своем творчестве. Он знакомит нас с процессом воровства, купли и продажи людей. Мы видим здесь массу специально построенных лагерей для содержания невольников, промежуточных пунктов, караванов с рабами, идущих к берегу моря навстречу иноземным купцам, а также организацию охраны живого товара. В.И. Савинов выводит образы иностранных купцов разных мастей и их посредников. Он изобразил картины восточных рынков, где срывают одежду с невольниц, чтобы показать «товар лицом». И, наконец, писатель рассказывает об организованном вооруженном сопротивлении, оказанном угоняемыми в Турцию невольницами.

Трудно переоценить значение творчества В.И. Савинова еще и потому, что в 1843 г. он, будучи в Абхазии, бережно записал полный текст уникальной импровизированной пьесы, которая разыгрывалась здесь абхазскими бродячими труппами. Следовательно, благодаря В.И. Савинову, наши представления об истории развития абхазского национального театра могут намного расшириться.

Необычайно плодовитый русский писатель Вас. Ив. Немирович-Данченко в своих путевых очерках заостряет внимание читателя на трагедии, связанной с выселением абхазов и других горцев Кавказа в XIX в.

Д.Л. Мордовцев в своем историческом романе «Прометеево потомство» с большим участием к судьбе «героического абхазского народа» (как он его называет) дал широким полотном картины укрепления власти царского правительства в Абхазии в первой четверти XIX столетия. Автор гневно осуждает варварский метод ведения войны в Абхазии царскими сатрапами.

160

Тема работоторговли волновала всех писателей, бывавших на Кавказе. Об этом писал А. Грибоедов («Кальянчи»).

В 80-х гг. позапрошлого столетия в Абхазии побывал классик русской литературы А.П.

Чехов. Пребывание здесь великого писателя, разумеется, не прошло бесследно. В его письмах отражается необыкновенное восхищение сказочной природой Абхазии, Грузии, всего Кавказа. Под впечатлением пребывания в Абхазии написана одна из лучших его повестей — «Дуэль», действие которой разворачивается в одном из приморских городов (по нашему мнению, в Гудауте) и его окрестностях.

Великий писатель А.М. Горький также не раз бывал в Абхазии. С его первым посещением Абхазии в 1892 голодном году связано создание им великолепного рассказа «Рождение человека», который по своему художественному достоинству и гуманизму стоит на уровне лучших произведений мировой литературы. В основе этого рассказа, как известно, лежит исключительный случай, который произошел в старинном абхазском селе Адзюбжа на берегу р. Кодор. А.М. Горький здесь оказал помощь женщине из Орловской губернии; которая родила человека «неизвестной судьбы». Именно в рассказе «Рождение человека» появился знаменитый афоризм Горького: «Превосходная должность — быть на земле человеком!»

По впечатлениям первого пребывания в Абхазии создан и другой рассказ А.М. Горького, «Калинин», в котором отразились картины богатой природы Нового Афона и его окрестностей. Оба рассказа имеют полемический подтекст. Они созданы как оптимистический ответ представителям декадентской литературы, сочинявшим антиобщественные, глубоко мрачные произведения после поражения революции 1905 г. (Л. Андреев и др.). Яркий, жизнеутверждающий пейзаж Абхазии, на фоне которого происходят действия этих двух произведений, помог Горькому наиболее полно воплотить свои замыслы.

Таким образом, лучшие люди России, посещая Кавказ, не только изучали жизнь горцев, в том числе абхазов, не

161

только создавали правдивые произведения о них, что, несомненно, способствовало укреплению дружбы между нашими народами, но и вели активную просветительскую деятельность среди местного населения.

162

ЛИТЕРАТУРА

А.Г. Сказание о св. апостоле Симоне Кананите (он же зилот) и сказание об основании Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители в Абхазии на Кавказе и о некоторых знаменьях под сею св. обителью. — М. 1891.

Адамянц Г. А.П. Чехов на Кавказе. // Газ. «Советская Абхазия». 12 февраля 1970 г.

Абхазия в русской литературе. Составитель Квициния И.И. — Сухум. 1983.

Акаба Л., Пачулия В. Глубокие корни. // Газ. «Советская Абхазия». 10 июля 1957 г.

Александров М. В плену у горцев. // Рассказ старого кавказца. — СПб. 1871.

Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии. // «Живая старина». 1893. Вып.

Ш.

Андреев Л. Жизнь человека. // Полн. собр. соч. Т. I. — СПб. 1913.

Андреев Л. Тьма. // Полн. собр. соч. Т. I. — СПб. 1913.

Анонимный автор. Русская литература. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1938. № 21.

Анонимный автор. Утренняя заря. Альманах на 1839 г., изд. Владиславлевым. // Отечественные записки. 1839. № 2.

Анонимный автор. Искатель сильных ощущений П.П. Каменского. // Библиотека для чтения. 1840. Т. 38.

Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А. Вековая и нерушимая дружба братских грузинского и абхазского народов. — Тбилиси. 1969.

Аржаная Г. Предисловие к книге Мордовцева «Знамение времени». — М. 1957.

Асатиани Г. Дружба, взаимообогащение... // «Литературная Грузия». 1960. №№ 7 и 8.

Ашванба С. Максим Горький в Абхазии. // Газ. «Советская Абхазия». 19 июня 1966 г.

163

Ашванба С. По горьковским местам в Абхазии. // Газ. «Советская Абхазия». 5 апреля 1968 г.

Бакапидзе О.А. Грузино-украинские литературные и театральные взаимосвязи в XIX в. Автореферат докт. диссертации. — Тбилиси. 1968.

Басария С. Абхазия в географическом отношении. — Сухум. 1925.

Бгажба Х.С. Этюды и исследования. — Сухум. 1974.

Бгажба Х.С. Чехов в Абхазии. // Газ. «Советская Абхазия». 12 июля 1944 г.

Бгажба Х.С. Горький в Абхазии. // Горький и литература народов СССР. — Ереван. 1970.

Бгажба Х.С., Зелинский К. Предисловие к книге «Антология абхазской поэзии». — М. 1958.

Белинский В.Г. Утренняя заря. // Полн. собр. соч. Т. III. — М. 1953.

Белинский В.Г. Искатель сильных ощущений. // Полн. собр. соч. Т. IV. — М. 1953.

Белинский В.Г. Новогодник. // Полн. собр. соч. Т. III. — М. 1953.

Белинский В.Г. Мертвые головы или русские в Чечне. // Полн. собр. соч. Т. III. — М. 1954.

- Белинский В.Г.** Искатель сильных ощущений. // Полн. собр. соч. Т. IV. — М. 1954.
- Белинский В.Г.** Сто русских литераторов. // Полн. собр. соч. Т. IV. — М. 1954.
- Белокуров С.А.** Сношение России с Кавказом. Т. I. — М. 1889.
- Берже Ад.** Восточная поэма на смерть Пушкина. // Русская старина. 1874.
- Бестужев-Марлинский А.А.** Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. // Второе полн. собр. соч. Т. II. — СПб. 1847.
- Бестужев-Марлинский А.А.** Собр. соч. в 2-х томах. — М. 1958.
- 164
- Бестужев П.А.** Замечания на статью: Путешествие в Грузию, помещенную когда-то в одном из московских журналов. // Сын отечества и Северный архив. Т. I. 1838.
- Богомолов И.С.** Полонский в Грузии. — Тбилиси. 1966.
- Богомолов И.С.** Из истории грузино-русских литературных связей. — Тбилиси. 1967.
- Богомолов И. Миминошвили Р.** — Дружба братских литератур. — Тбилиси. 1972.
- Броневский С.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Тт. I и II. — М. 1923.
- Булгарин Ф.** Повести и рассказы П.Каменского. // Северная пчела. 1839. № 89.
- Бутков П.** О браках князей русских с грузинками и ясынями в XII в. // Северный архив. Т. XIII. 1825. Кн. 4.
- Быков П.** Вас. Ив. Немирович-Данченко (биографический очерк). // Новое собр. соч. Немировича-Данченко. Т. I. — Петроград. 1916.
- Бялик Б.** А.М. Горький — литературный критик. — М. 1960.
- Бялик Б.** Судьба Максима Горького. — М. 1968.
- Вейденбаум Е.** Кавказские этюды. — Тифлис. 1901.
- Владыкин М.** Из воспоминаний кавказца. // Военный сборник. № 5. 1871.
- Владыкин М.** Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. — М. 1885.
- В.О.** Очерк русской литературы за 1838-1839 гг. // Сын отечества. Т. XI. 1839.
- Вольф А.В.** Хроника петербургских театров. — СПб. 1877.
- Вольф В., Сангулия С.** А.М. Горький в Абхазии. // «Советская Абхазия». 8 мая 1963 г.
- Воспоминание Бестужевых.** — М.-Л. 1951.

Гвенетадзе Г. М. Горький — друг грузинской литературы. — Тбилиси. 1972.

Герберштейн Н.С. Записки о московских делах. — СПб. 1908.

165

Гитович Н.И. Летопись жизни и деятельности А.П. Чехова. М. 1955.

Глинский Б.Б. Среди литераторов и ученых. — СПб. 1914.

Горький А.М. Собр. сочинений.

Груздьева И. Горький и его время. — М. 1962.

Гудушаури П. А.Чехов и грузинская литература. — Тбилиси. 1959.

Гурьянов В.П., Сорокин В.В. Биографический словарь университетских товарищей Белинского. // Литературное наследство. Т. 56. М. 1950.

Десницкий В. А.М. Горький. Очерки жизни и творчества. — М. 1959.

Джавахишвили И.А. Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. — Тбилиси. 1946.

Джанашвили М.Г. Абхазия и абхазы. // Записки кавказского отд. русского географического общества. Кн. XVI. 1894.

Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. — Сухум. 1960.

Дзидзария Г.А. А.А.Бестужев-Марлинский в Абхазии. // «Советская Абхазия». № 34. 19 февраля 1965 г.

Дзидзария Г.А. Соломон Теймуркович Званба. // С.Т.Званба. Этнографические этюды. — Сухум. 1955.

Дзидзария Г.А. Декабристы в Абхазии. Сухум. 1970.

Добролюбов Н.А. Благонамеренность и деятельность. // Собр. соч. Т. VI. М. —Л. 1963.

Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе. // Собр. соч. Т.V. — М.-Л. 1965.

Дубровин Н. Черкесы (адыге). — Краснодар. 1927.

Дубровский А. Интересный исторический роман о прошлом Абхазии. // «Советская Абхазия». 8 августа 1956 г.

Екельн Л. Из записок русского, бывшего в плену у черкесов. // Отечественные записки. Т. XIX. № 12. 1841.

Ениколопов И. А.П. Чехов в Грузии. // «Веч. Тбилиси». № 34. 9 февраля 1974 г.

166

Желеховская В. На Черном море. // Русский вестник. Т. 148. 1870.

Зелинский К.Л. Горький и литература народов СССР. // Горький и литература народов СССР. — Ереван. 1970.

Зубарев Д. Абхазия. // Русский вестник. № 3. 1842.

Зухба С., Салакая Ш. Абхазия в русской художественной литературе. // «Советская Абхазия». 23 октября 1960 г.

Имедадзе В.К. Горький в Грузии. — Тбилиси. 1958.

И.Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. — М. 1899.

Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. — Сухум. 1960.

История русской литературы. Т. X. — М. 1954.

Ищенко Е.Н. Украинско-абхазские литературные связи. Автореферат канд. диссертации. 1967.

Калачева С.В. К творческой истории «Дуэли» А.П.Чехова. // Вестник Московского университета. Серия VII. Филология, журналистика. № 3. 1964.

Калобухов Г.Н. Страна тепла и солнца. Сочи, Туапсе, Гагры. Сухум. Их настоящее и будущее. — М. 1904.

Каменская М.Ф. Воспоминания. // Исторический вестник. Тт. 55, 56, 57, 58. 1894.

Катаев В.Б. Повесть Чехова «Дуэль». / Известия АН. Серия литературы и языка. Т. XXXVI. Вып. 6. 1967.

Каменский П.П. Келиш-Бей. // Повести, рассказы в 2-х томах. — СПб. 1838.

Каменский П.П. Майко. // Повести и рассказы в 2-х частях. — СПб. 1838.

Каменский П.П. Гмелин. // Повести и рассказы в 2-х частях. — СПб. 1838.

Каменский П.П. Боржом. // Повести и рассказы в 2-х частях. — СПб. 1838.

Каменский П.П. Конец мира. // Повести и рассказы в 2-х частях. — СПб. 1838.

167

Каменский П.П. Искатель сильных, ощущений. Ч.1. — СПб. 1839.

Каменский П.П. Князь Бекович-Черкасский. // Новогодник. — СПб. 1839.

- Каменский П.П.** Рассказ грека. // Альманах «Утренняя заря». 1839.
- Каменский П.П.** Мастерские русских художников. // Отечественные записки. 1839. № 2.
- Каменский П.П.** Иаков Моле. // Сто русских литераторов. Т. II. — СПб. 1841.
- Каменский П.П.** Мертвые головы или русские в Чечне. // Сказка за сказкой. Т. I. — СПб. 1841.
- Каменский П.П.** Современный Гете. // Пантеон русского и всех европейских театров. 1841. № 5.
- Каменский П.П.** Розы и маска. // Пантеон русского и всех европейских театров. 1841. № 10.
- Каменский П.П.** Мария де Падилья. // Пантеон русского и всех европейских театров. 1841. № 10.
- Каменский П.П.** Макреди как актер и толкователь Шекспира. // «Пантеон» (литературно-художественный журнал). 1852. № 3.
- Каменский П.П.** Алексей Егорович Егоров. // «Пантеон» (литературно-художественный журнал). 1852. № 4.
- Каменский П.П.** Фультон. — СПб. 1855.
- Каменский П.П.** Письмо к М.П. Погодину... Рукописный фонд отд. Госбиблиотеки им. Ленина.
- Каменский П.П.** Письмо к А.В. Дружинину от 29.XII.1859 г.
- Летопись Гослитмузея. № 9. 1948.
- Карасев А.** Происхождение Мордовцева. // Исторический вестник. — СПб. 1907. № 4.
- Касторский С.** Статьи о Горьком. — Л. 1955.
- Катаев В.Б.** Повесть Чехова «Дэль». // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. XXVI. Вып. 6. 1967.
- 168
- Кауфман А.** Даниил Лукич Мордовцев (из воспоминаний и рассказов). // Исторический вестник. — СПб. Т. 122. № 10. 1910.
- Ковач К.В.** Горький об абхазском народном творчестве. // Литературная Абхазия. 1957. № 2.
- Константин** Симонов в Абхазии. Составитель Д.К.Чачхалиа. — Сухум. 1981.
- Короленко П.П.** На берегах Абхазии. // Военный сборник. 1891. №№ 8 и 9.

- Косвен М.О.** Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. — М. 1955.
- Косвен М.О.** Этнография и история Кавказа. — М. 1961.
- Костенецкий Я.И.** Записки об оварской экспедиции на Кавказе, 1837. — СПб. 1851.
- Костенецкий Я.И.** Воспоминание из моей студенческой жизни. // Русский архив. №№ 1, 3. 1887.
- Костснецкий Я.И.** Александр Александрович Бестужев (Марлинский). // Русская старина. Т. 104. 1900. № XI.
- Краснянский М.Б.** Уроженец Дона писатель Даниил Лукич Мордовцев. — Ростов н/Д. 1914.
- Кривенко В.С.** Черноморская трагедия. // Военный сборник. 1910. №5.
- Курко-Кряжин В.А.** Абхазия. — М. 1926.
- Кухарский Н.** А.П.Чехов в Грузии. // «Советская Абхазия». 13 июля 1954 г.
- Лакербай М.** Очерки из истории абхазского театрального искусства. — Сухум. 1962.
- Лакоба С.З.** Крылились дни в Сухум-Кале... — Сухум. 1988.
- Лачинова Е.П.** Проделки на Кавказе. — СПб. 1844.
- Ленин В.И.** Критические заметки по национальному вопросу. // Полн. собр. соч. Т.24.
- Летопись дружбы.** Т. I. Шадури В.С. (составитель). — Тбилиси. 1967.
- 169
- Ливснцев М.** Записки дамы, бывшей в плену у горцев. // Библиотека для чтения. Т. 149. — СПб. 1858.
- Литвинов М.** Черное море. — СПб. 1881.
- Литвинов М.** Окраины России. — СПб. 1884.
- Ломидзе Г.И.** Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения советской литературы. — М. 1963.
- Ломидзе Г.И.** Концепция интернационализма в наследии Горького. // Горький и литература народов СССР. — Ереван. 1970.
- Ломтатидзе К.** О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов. «Мнатоби». №12. 1956 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе О.** Все пережитое представляется мне сновидением... // Литературная Грузия. № 8. 1973.

- Львовский А.** Наша последняя война в изображении беллетристов. // Новый мир. № 86. 1902.
- Марков Е.Л.** Очерки Кавказа. — М. 1887.
- Марр Н.Я.** О языке и истории абхазов. — М.-Л. 1938.
- Махлаюк Н.П.** Боевая летопись 14-го Гренадерского грузинского полка. — Тифлис. 1900.
- Месхия Ш.А., Цинцадзе Я.З.** Из истории русско-грузинских взаимоотношений X-XVIII вв. — Тбилиси. 1958.
- Миллер Вс.** Кавказские предания о великанах, прикованных к горам. // ЖМНП. 1888.
- Михайлов Б., Тагер Е.** Творчество М.Горького. — М. 1969.
- Михельсон Т.Н.** Рассказы русских летописей. — М. 1968.
- Моисеев О.** Между Сухумом и Очамчирами. // «Гудок». 27 марта 1968 г.
- Молчанов В., Лебанидзе Г.** Превосходная должность. // «Советская Абхазия». 26 июля 1967 г.
- Мордовцев Д.Л.** На Арарат. СПб. 1883.
- Мордовцев Д.Л.** Железом и кровью. — СПб. 1896.
- Мордовцев Д.Л.** Кавказский герой. // Говор камней. — СПб. 1902.
- 170
- Мордовцев Д.Л.** Прометеево потомство. // Собр. соч. Т. XXII. — СПб. 1902.
- Мордовцев Д.Л.** Кавказские курорты. // Первое полное собр. соч. Т. XVII. — СПб. 1909.
- Мордовцев Д.Л.** Царь без царства. // Полн. собр. соч. Т. XV. СПб. 1914.
- Муратов А.Б.** Роман Д.Л. Мордовцева «Знамения времени». Русская литература и народничество. // Ученые записки Ленинградского университета. Вып. 74. — Л. 1972.
- Немирович-Данченко Вас. Ив.** В гостях. — СПб. 1880.
- Немирович-Данченко Вас. Ив.** Соколиные гнезда. — М. 1897.
- Немирович-Данченко Вас. Ив.** Как живут и работают русские писатели. // Вестник литературы. № 3. 1921.
- Неупокоева И.Г.** Проблемы взаимодействия современных литератур. — М. 1963.
- Николадзе А.** Русско-грузинские литературные связи. — Тбилиси. 1965.

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения богородицы в Пицунде. — Одесса. 1888.

Олонецкий А. Горький в Абхазии. // «Советская Абхазия». 17 июня 1956 г.

Очерки истории Абхазской АССР. Ч.1. — Сухум. 1960.

Панаев Ив. Ив. Литературные воспоминания. // Собр. соч. Т. 6. — М. 1912.

Пачулия В.П. Русские писатели в Абхазии. — Сухум. 1980.

Пачулия В.П. В краю золотого руна. — М. 1968.

Пачулия В.П. По древней, но вечно молодой Абхазии. — Сухум. 1969.

Пачулия В.П. Новый Афон. — Сухум. 1973.

Пирадов Б. У истоков творчества Максима Горького. — Тбилиси. 1957.

Плетнев П.А. Повести и рассказы П.Каменского. // Современник. Т. X. 1938.

171

Полиевктов М.А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. — Тбилиси. 1937.

Польская Е. Максим Горький на Черноморском побережье. // «Советская Абхазия». 7 августа 1963 г.

Польская Е. Дорогами Черноморского побережья Кавказа. // «Советская Абхазия». 28 марта 1968 г.

Попов А.В. Русские писатели на Кавказе. // Сборник трудов Ставропольского госпединститута. — Ставрополь. 1947.

Потто В. Абхазия. — СПб. 1903.

Проблемы развития литератур народов СССР (сборник статей). — М. 1964.

Савинов В.П. Три месяца в плену у горцев (абазин). // Современник. 1848. Т. X. № 7.

Савинов В.П. Достоверные рассказы об Абхазии. // Пантеон и репертуар русской сцены. 1850. Т. II, III, IV. Т. III, № VI. Т. IV. № VII. VIII. Т. V, № IX, X. Т. VI, № XI, XII.

Савинов В.И. Дочь коменданта. // Пантеон и репертуар русской сцены. Т.8. 1850. № 5.

Савинов В.И. Старостиха Василиса. // Пантеон и репертуар русской сцены. 1850. №1.

Савинов В.П. Американский Икар. // Пантеон и репертуар русской сцены. 1850. Т. V. №9.

Савинов В.И. Два года в плену у горцев. — СПб. 1851.

Савинов В.И. Переметная жизнь. // Пантеон (литературно-художественный журнал). 1852. №№ 4, 5, 6.

Савинов В.И. Тескольское ущелье. — СПб. 1853.

Савинов В.И. Кубегуля. // Пантеон. 1853. № 12.

Савинов В.И. Ших-Мансур. — СПб. 1853.

Савинов В.И. Провинциальный гость у В.А. Коротыгина. // Пантеон. 1853. Т. IX. № 6.

Савинов В.И. Знахари. — СПб. 1854.

Савинов В.И. Черный вол. // Весельчак. 1858. № 20.

Савинов В.И. Русский солдат. — СПб. 1858.

172

Савинов В.И. Из словаря острот и каламбуров. // Весельчак. 1858. № 4.

Савинов В.И. Письмо к Стаюнину В.Я. от 12 августа 1859 г. Рукописный отдел Госбиблиотеки им. Ленина.

Савинов В.И. Верования и обряды абхазских горцев. // Ласточка. 1859. № 11.

Савинов В.И. Широкая ложь. // Весельчак. 1859. № 4.

Савинов В.И. Стансы (подражание Пушкину). // Искра. 1860. № 9.

Савинов В.И. Охотники и дичь. // Искра. 1866. № 4.

Садыхов М.З. Азербайджан в декабристской литературе. Автореферат канд. диссерт. — Баку. 1960.

Садыхов М.З. Русские писатели об Азербайджане. — Баку. 1970.

Скаси Р. Сведения о Сухум-Кале и абхазах. // Акты, собранные кавказской археологической комиссией. Т. VI. Ч. 1. — Тифлис. 1804.

Степанов Б. Кавказские поездки Чехова. // «Ставропольский альманах». 1951. № 7.

Талиашвили Г.А. А.П. Чехов. — Тбилиси. 1960.

Талиашвили Г.А. Русско-грузинские литературные взаимоотношения. — Тбилиси. 1967.

Титов А. Александр Бестужев — герой забытого романа. // Русская литература. № 3. 1959.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания. // Исторический вестник. Т. 67. №№ 1,2.

Торнау Ф.Ф. Воспоминание о Кавказе и Грузии. // Русский вестник. 1869. Тт. 79, 80. №№

1 — 4.

Торнау Ф.Ф. Из воспоминаний бывшего кавказца. // Складчина. — СПб. 1874.

Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. — Тифлис. 1881.

Филипсон Г.И. Письмо к Сталю от 2.III. 1854 г. Рукописный отдел Госбиблиотеки им. Ленина.

173

Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. — Сухум. 1937.

Ханмурзаев Г.Г. Дагестан в русской прозе XIX в. Автореферат канд. диссерт. — Махачкала. 1965.

Чернышевский Н.Г. Письма. // Полн. собр. соч. Т. XIV. — М. 1949.

Чехов А.П. Собрание сочинений.

А.П.Чехов в воспоминаниях современников. — М. 1960.

Шадури В.С. Первый русский роман о Кавказе. — Тбилиси. 1947.

Шадури В.С. Русские писатели о Грузии. Т. I. 1948.

Шадури В.С. Декабристская литература и грузинская общественность. — Тбилиси. 1958.

Шепелева Л.С. Культурные связи Грузии с Россией. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. IX. — Л. 1958.

174

Сдано в набор 10.01.10. Подписано к печати 11.03.10. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Усл. п. л. — 10,93. Тираж — 500 экз.

Абхазский государственный университет.

(OCR — Абхазская интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>.)